

ЮРИСЛИНГВИСТИКА

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выходит четыре раза в год

Журнал основан в 1999 г.

№ 38

2025

Учредитель

ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»

Главный редактор

А.А. Васильев, Алтайский государственный университет

Редакционная коллегия

С.В. Доронина, Военная академия материально-технического обеспечения имени генерала армии А. В. Хрулёва

Н.Д. Голев, Кемеровский государственный университет

Т.В. Чернышова, Алтайский государственный университет

М.В. Горбаневский, председатель правления Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам

А.М. Плотникова, Уральский федеральный университет, Уральский региональный центр судебной экспертизы

П.А. Манянин, Экспертно-криминалистический центр ГУ МВД России по Алтайскому краю

О.В. Барабаш, Научно-исследовательский институт фундаментальных и прикладных исследований Пензенского государственного университета

Н.Н. Шпильная, Алтайский государственный педагогический университет

Н.Б. Лебедева, Кемеровский государственный университет

Л.Г. Ким, Кемеровский государственный университет

Е.В. Кишина, Кемеровский государственный университет

Т.В. Дубровская, Пензенский государственный университет

Е.С. Аничкин, Алтайский государственный университет

Модератор журнала

С.В. Доронина, Военная академия материально-технического обеспечения имени генерала армии А. В. Хрулёва

Адрес редакции: 656049, г. Барнаул, пр. Ленина, 61.

Адрес издателя: 656049, г. Барнаул, пр. Ленина, 61.

Тел./Факс: 8 (3852) 296617. E-mail: doroninasv73@mail.ru

Адрес сайта журнала: <http://legallinguistics.ru/>

Адрес в системе РИНЦ: https://elibrary.ru/title_about.asp?id=31947

Журнал утвержден к печати объединенным научно-техническим советом АлтГУ.

ISSN 2587-9332

Рег. номер Эл № ФС77-78616 (решение от 30.07.2020 г.)

СОДЕРЖАНИЕ

Язык права	
Менкенов А. В., Дондокова М. Ю. НАРУШЕНИЯ ПРИНЦИПА ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ КОНВЕНЦИЙ, ИСТОЧНИКОВ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА, И ИХ ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ	6
Юридическая герменевтика	
Головинов А. В., Головинова Ю. В. ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ ДОКТРИНЫ Н. М. ЯДРИНЦЕВА В СОВРЕМЕННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ	11
Моисеева О. Г. ПОНЯТИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ИНСТИТУТОВ ОБЩЕЙ ЧАСТИ ТРАДИЦИОННОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА КИТАЯ	15
Юридическая техника	
Горожанкин А. Ю. УСТАНОВЛЕНИЕ СОДЕРЖАНИЯ КАТЕГОРИИ «ТРЕБОВАНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ» ПРИ КВАЛИФИКАЦИИ ДЕЯНИЯ ПО СТ. 238 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РФ	22
Мелюханова Е. Е. ПЕРЕЧНЕВЫЙ ПОДХОД К КАТЕГОРИЗАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ	26
Рехтина И. В., Василенко Ю. Е. «РАБОЧЕЕ МЕСТО» И «МЕСТО РАБОТЫ» КАК ПРАВОВЫЕ КАТЕГОРИИ: СООТНОШЕНИЕ И ВЗАИМОСВЯЗЬ	30
Абезин Д. А., Мохов А. Ю., Родионова В. К. СОДЕРЖАНИЕ КАТЕГОРИИ «УТРАТА ДОВЕРИЯ» КАК ОСНОВАНИЯ ДЛЯ УВОЛЬНЕНИЯ С ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАЖДАНСКОЙ СЛУЖБЫ	34
Филиппова Т. А., Вознюк С. В. ИНДИВИДУАЛИЗАЦИЯ ГРАЖДАНИНА КАК СУБЪЕКТА ГРАЖДАНСКИХ ПРАВООТНОШЕНИЙ	39
Правовая коммуникация	
Беженцев А. А. ЮРИДИЧЕСКАЯ РИТОРИКА: ДРАГОЦЕННАЯ ЧАСТЬ ТЕОРИИ ПРАВА	44
Воронина Л. В. СУПЕРСТРУКТУРА ДИСКУРСА ПОСЛЕДНЕГО СЛОВА ПОДСУДИМОГО: КОГНИТИВНАЯ ПЕРСПЕКТИВА И ИЛЛОКУТИВНЫЙ КОД	55
Лингвоэкспертология	
Мамаев И. Д., Марусенко М. А., Петров В. В. СТАТИСТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЦИФРОВЫХ СЛЕДОВ В КИБЕРПРОСТРАНСТВЕ: ЯЗЫКОВЫЕ МАРКЕРЫ ДЕСТРУКТИВНЫХ СООБЩЕСТВ	62
Осокин П. Д., Осокина С. А. АНАЛИЗ ИНТЕРНЕТ-ТЕКСТОВ С ПРИЗНАКАМИ ИНФОРМАЦИОННЫХ УГРОЗ ПРИ ПОМОЩИ БОЛЬШИХ ЯЗЫКОВЫХ МОДЕЛЕЙ	74
Плотникова А. М. «ДЕЛО О ПЛАГИАТЕ ОТКРЫВАЕТСЯ ВНОВЬ»: ЭКСПЕРТИЗА ТЕКСТОВ, СОДЕРЖАЩИХ НЕКОРРЕКТНЫЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ	81

Лингвоконфликтология	
Сорокина П. П., Широких И. А. ПРОЯВЛЕНИЕ СЕКСИЗМА В ГЕРМАНСКИХ ЯЗЫКАХ (АНГЛИЙСКОМ, НЕМЕЦКОМ, НОРВЕЖСКОМ) НА ПРИМЕРЕ ПОСЛОВИЦ	87
Язык и право	
Почекаев Р. Ю. ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИЕ ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ КАК ОТРАЖЕНИЕ СРЕДНЕВЕКОВОГО ПРАВА И ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫХ РЕАЛИЙ	94

CONTENTS

Language of Law	
Menkenov A. V., Dondokova M. Y. LEGAL CONSEQUENCES OF VIOLATING THE PRINCIPLE OF EQUIVALENCE WHEN TRANSLATING CONVENTIONS THAT ARE SOURCES OF INTERNATIONAL LABOR LAW	6
Legal hermeneutics	
Golovinov A. V., Golovinova Yu. V. INTERPRETATIONS OF N.M. YADRINTSEV'S POLITICAL AND LEGAL DOCTRINE IN MODERN LEGAL LITERATURE	11
Moiseeva O. G. THE CONCEPT OF CRIME AND INSTITUTIONS OF THE GENERAL PART OF TRADITIONAL CRIMINAL LAW OF CHINA	15
Legal Techniques	
Gorozhankin A. Y. ESTABLISHING THE CONTENT OF THE CATEGORY "SAFETY REQUIREMENTS" WHEN QUALIFYING AN ACT UNDER ARTICLE 238 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION	22
Melyukhanova E. E. LIST-BASED APPROACH TO CATEGORIZING CRIMES	26
Rekhtina I. V., Vasilenko Yu. E. «WORKPLACE» AND «PLACE OF WORK» AS LEGAL CATEGORIES: CORRELATION AND INTERRELATION	30
Abezina D. A., Mokhov A. Yu., Rodionova V. K. CATEGORY OF «LOSS OF TRUST» AS GROUNDS FOR DISMISSAL FROM THE FEDERAL CIVIL SERVICE	34
Philippova T. A., Vozniuk S. V. INDIVIDUALIZATION OF A CITIZEN AS A SUBJECT OF LEGAL CIVIL MATTERS	39
Legal Communication	
Bezhenstsev A. A. LEGAL RHETORIC: A PRECIOUS PART OF LEGAL THEORY	44
Voronina L. V. THE SUPERSTRUCTURE OF THE DEFENDANT'S FINAL STATEMENT DISCOURSE: COGNITIVE PERSPECTIVE AND ILLOCUTIONARY CODE	55

Linguoexpertology	
Mamaev I. D., Marusenko M. A., Petrov V. V. A STATISTICAL STUDY OF DIGITAL FOOTPRINT IN CYBERSPACE: LANGUAGE MARKERS OF DESTRUCTIVE COMMUNITIES	62
Osokin P. D., Osokina S. A. ANALYSIS OF INTERNET TEXTS WITH SIGNS OF INFORMATION THREATS USING LARGE LANGUAGE MODELS	74
Plotnikova A. M. "THE PLAGIARISM CASE IS INITIATED AGAIN": EXAMINATION OF TEXTS CONTAINING UNATTRIBUTED BORROWING	81
Linguoconflictology	
Sorokina P. P., Shirokikh I. A. MANIFESTATION OF SEXISM IN GERMANIC LANGUAGES (ENGLISH, GERMAN, NORWEGIAN) ON THE BASIS OF PROVERBS	87
Language and law	
Pochekaev R. Yu. TURKIC-MONGOL SAYINGS AND PROVERBS AS REFLECTION OF MEDIEVAL LAW AND POLITICAL-LEGAL REALITIES	94

Нарушения принципа эквивалентности при переводе конвенций, источников международного права, и их правовые последствия

А. В. Менкенов¹, М. Ю. Дондокова²

¹*Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС)*

пр. Вернадского, 82, 119571, Москва, Россия. E-mail: menkenov@ranepa.ru

²*МГИМО МИД России*

пр. Вернадского, 76, 119454, Москва, Россия. E-mail: maksara508@mail.ru

Статья посвящена актуальной проблеме нарушения принципа эквивалентности при переводе международных конвенций в сфере трудового права на русский язык. Авторы подчеркивают, что переводчик должен стремиться к максимально полной передаче содержания оригинала, обеспечивая смысловую близость и равноценность текстов. Однако на практике в официальных русскоязычных версиях документов зачастую наблюдаются существенные расхождения с их аутентичными текстами на английском и французском языках.

В качестве наглядных примеров в статье анализируются переводы Конвенций МОТ № 132, № 87, № 155, № 187, а также Конвенции ООН 1990 года о защите прав трудящихся-мигрантов. Исследование выявляет системные ошибки, такие как неточный подбор терминологических эквивалентов (например, «employers» как «предприниматели» вместо «работодатели» в Конвенции № 87, смешение понятий «гигиена труда» и «профессиональное здоровье» в Конвенциях № 155 и № 187) и искажение ключевых понятий («public and customary holidays» как «государственные и национальные праздники и нерабочие дни» в Конвенции № 132). Особую озабоченность вызывает ошибка в Конвенции ООН 1990 года, где право участвовать в выборах ошибочно отнесено к государству пребывания, а не происхождения.

Подобные неточности не только искажают первоначальный смысл международных стандартов, но и затрудняют их правильное понимание и применение, что может приводить к ошибочным трактовкам в научной литературе и правоприменительной практике. Авторы приходят к выводу, что для обеспечения корректной имплементации международных норм в национальное законодательство необходим более строгий подход к переводу, включая разработку механизмов для актуализации и исправления существующих переводных текстов в соответствии с принципом эквивалентности.

Ключевые слова: эквивалентность перевода, международные конвенции, международные трудовые стандарты.

Legal Consequences of Violating the Principle of Equivalence when Translating Conventions that are Sources of International Labor Law

A. V. Menkenov¹, M. Y. Dondokova²

¹*Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA)*
82 Prospekt Vernadskogo, 119571, Moscow, Russia. E-mail: menkenov@ranepa.ru

²*MGIMO University*

76 Prospekt Vernadskogo, 119454, Moscow, Russia. E-mail: maksara508@mail.ru

The article discusses the urgent problem of violation of the principle of equivalence in the translation of international conventions in the field of labor law into Russian. The authors emphasize that the translator should strive to convey the content of the original as fully as possible, ensuring semantic proximity and equivalence of the texts. However, in practice, the official Russian-language versions of documents often show significant discrepancies with the authentic texts in English and French.

As illustrative examples the article analyzes translations of ILO Conventions № 132, № 87, № 155, № 187, as well as the 1990 UN Convention on the Protection of the Rights of Migrant Workers. The study reveals systemic errors, such as inaccurate selection of terminological equivalents (for example, "employers" as "entrepreneurs" instead of "employers" in Convention No. 87, confusion of

the concepts of "workplace hygiene" and "occupational safety and health" in Conventions No. 155 and No. 187) and distortion of key concepts ("public and custom holidays" as "State and national holidays and non-working days" in Convention No. 132). Of particular concern is an error in the 1990 UN Convention, where the right to participate in elections is mistakenly attributed to the host state rather than the state of origin.

Such inaccuracies not only distort the original meaning of international standards, but also make it difficult to understand and apply them correctly, which can lead to erroneous interpretations in academic literature and law enforcement practice. The authors conclude that in order to ensure the correct implementation of international norms in national legislation, a more rigorous approach to translation is needed, including the development of mechanisms for updating and correcting existing translated texts in accordance with the principle of equivalence.

Key words: Translation equivalence, international conventions, international labor standards.

Одна из главных задач переводчика – максимально полная передача содержания оригинала [Комиссаров 1990: 51]. Общность содержания оригинала и перевода описывается понятием «эквивалентность перевода». Авторы терминологического словаря-справочника «Основные понятия переводоведения (Отечественный опыт)» приводят следующее определение исследуемого понятия: «Эквивалентность перевода (от лат. *aequus* равный, равноценный и *valentis* имеющий силу, основательный) – общность содержания (смысловая близость), равноценность текстов оригинала и перевода» [Раренко 2010: 220]. В. С. Виноградов под эквивалентностью (адекватностью) перевода понимает наиболее полное и идентичное сохранение в тексте перевода жанрового своеобразия оригинала и всей разнообразной информации, содержащейся в тексте подлинника [Виноградов 2001: 8-9].

Самой распространенной ошибкой можно считать неточно подобранное значение термина, который включает в себя более широкий спектр коннотаций. В юридическом тексте такая ошибка подбора эквивалентной лексики может иметь большое значение.

Сложность перевода юридических текстов, а именно международных документов, заключается в строгой формализации как текста оригинала, так и текста перевода. Е. Зорина справедливо подчеркивает, что лексические единицы, которые используются в юридическом тексте, не могут рассматриваться с точки зрения обычного текста [Зорина 2024: 21]. Синонимичные с точки зрения обывателя термины «трудящийся»/«работник» или «наниматель»/«работодатель» в сфере права имеют различное значение. Помимо терминологических сложностей, осложняют процесс перевода международных юридических документов также возникающие порой вопросы, связанные с культурным кодом.

В 1956 году СССР ратифицировал [Указ Президиума Верховного Совета СССР 1956: ст. 12] Конвенцию МОТ № 87 «Относительно свободы ассоциаций и защиты права на организацию» (*Convention sur la liberté syndicale et la protection du droit syndical*, No 87 (1948)). В тексте, опубликованном в 1960 году в «Сборнике действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами», статья 2 конвенции переведена следующим образом: «Трудящиеся и предприниматели, без какого бы то ни было различия, имеют право создавать по своему выбору организации без предварительного на то разрешения, а также право вступать в такие организации на единственном условии подчинения уставам этих последних». Однако этот перевод также не соответствует оригинальным текстам конвенции. Так, во французском тексте вместо слов «трудящиеся и предприниматели» используются слова «*les travailleurs et les employeurs*», в английском тексте «*workers and employers*» [*Convention sur la liberté syndicale et la protection du droit syndical*, n° 87 1948], что более корректно было бы перевести как трудящиеся (работающие по найму) и работодатели. И французское «*un employeur*», и английское «*an employer*», согласно толковым словарям, означают любое лицо (как физическое, так и юридическое), которое нанимает людей на работу [Centre National de Ressources Textuelles et Lexicales 2012] [Cambridge Dictionary 2025]. Такой пример подбора неточного эквивалента термина в русском официальном переводе показывает, что при буквальном толковании переводного текста он способен существенно ограничить сферу применения конвенции, что нарушает основную цель перевода и приводит к искажению смысла текста оригинала.

Вопрос касательно разграничения терминов демонстрирует опубликованный в Собрании законодательства Российской Федерации (СЗ РФ. 2001. № 50. Ст. 4652) текст Конвенции МОТ № 155 «О безопасности и гигиене труда в производственной среде». Французский текст конвенции имеет заголовок «*Convention sur la sécurité et la santé des travailleurs*», английский текст – «*Occupational Safety and Health Convention*», испанский текст – «*Convenio sobre seguridad y salud de los trabajadores*», что может быть переведено на русский язык как «Конвенция о безопасности и здоровье работающих по найму» либо «Конвенция о производственной безопасности и здоровье» [*Occupational Safety and Health Convention*, No. 155 1981].

Отдельные российские авторы рассматривают термины «профессиональное здоровье» и «гигиена труда» как равнозначные английскому «*occupational health*» *Occupational Safety and Health Convention*, 1981 (No. 155), однако МОТ разделяет термины «профессиональное здоровье» (англ. *occupational health*, фр. *la santé des travailleurs*) и «гигиена труда» (англ. *occupational hygiene* и фр. *l'hygiène du travail*). Так, энциклопедия МОТ рассматривает гигиену труда как одну из дисциплин, обеспечивающих здоровье на работе. При этом гигиена труда определяется как наука о прогнозировании, распознавании, оценке и контроле опасностей, возникающих на рабочем месте или связанных с ним, которые могут нанести вред здоровью и благополучию работников, с учетом возможного воздействия на соседние сообщества и общество в целом [Encyclopaedia of Occupational Health and Safety 2015].

В 1992 году Объединенный комитет МОТ/ВОЗ подчеркнул, что понятие «профессиональное здоровье» охватывает такие дисциплины, как профессиональная медицина, профессиональный уход, гигиена труда, безопасность труда, эргономика, инженерия, токсикология, гигиена окружающей среды, профессиональная психология и управление персоналом [Encyclopaedia of Occupational Health and Safety 2015].

Аналогичная ошибка допущена и в переводе названия Конвенции МОТ № 187 (2006), которая в русском переводе озаглавлена «Об основах, содействующих безопасности и гигиене труда», однако французский текст конвенции имеет заголовок – «*Convention sur le cadre promotionnel pour la sécurité et la santé au travail*», английский – «*Promotional Framework for Occupational Safety and Health Convention*», испанский – «*Convenio sobre el marco promocional para la seguridad y salud en el trabajo*» [Promotional Framework for Occupational Safety and Health Convention, No. 187 2006], что может быть переведено на русский язык как «Конвенция об основах, содействующих безопасности и здоровью на рабочем месте».

Таким образом, термины «профессиональное здоровье» и «гигиена труда» не являются эквивалентными. Подмена понятий затрудняет правильное понимание Конвенций МОТ № 155 и № 187, что способно привести к неправильному применению международных трудовых стандартов.

Вопросы перевода терминов тесно связаны с вопросами терминоведения, прежде всего необходимо хорошо разграничить разные термины внутри одного языка и затем подобрать его максимально точный эквивалент. К вопросу разграничения понятий термина «праздничные нерабочие дни» автор статьи обращался ранее в статье «Нерабочие памятные дни» [Менкенов 2021: 42-45]. Отметим, что с точки зрения перевода это понятие несет в себе дополнительные сложности.

В качестве примера рассмотрим официально опубликованные переводы ратифицированных Российской Федерацией конвенций Международной организации труда (МОТ), а также переводы других актов МОТ, которые эта организация размещает на своем официальном сайте. Нередко они весьма существенно отличаются от содержания текстов соответствующих документов, опубликованных на английском и французском языках (официальных языках этой организации), что может вводить в заблуждение специалистов, не владеющих английским или французским языками либо ориентирующихся на ранее опубликованные русские переводы. Стоит отметить, что размещенные на сайте МОТ переводы конвенции на русский язык не являются официальными, так как русский язык не входит в число официальных языков МОТ, однако именно эти переводы используются при обсуждении и – в случае ратификации – применении актов МОТ в Российской Федерации.

Так, Российской Федерацией в 2021 году ратифицирована Конвенция МОТ № 132 «Об оплачиваемых отпусках» (СЗ РФ. 2011. № 51. Ст. 7451). В русском тексте, опубликованном в Собрании законодательства РФ, в п. 1 ст. 6 Конвенции указано, что «*государственные и национальные праздники и нерабочие дни, независимо от того, приходятся ли они на период ежегодного отпуска или нет, не засчитываются как часть минимального ежегодного оплачиваемого отпуска*». Однако оригинальные тексты Конвенции на английском и французском языках вместо слов «государственные и национальные праздники и нерабочие дни» используют соответственно словосочетания «*Public and customary holidays*» и «*Les jours feriers officiels et coutumiers*» [Convention sur les congés payés (révisée), No 132 1970], то есть государственные и традиционные (основанные на обычае) праздники. Для сравнения в тексте конвенции на испанском языке используются слова «*Los días feriados oficiales o establecidos por la costumbre*». Соответственно вместо слов «государственные и национальные праздники и нерабочие дни» точнее было бы использовать словосочетания «официальные и (традиционные) праздничные нерабочие дни». Анализ текста на четырех языках наглядно демонстрирует неточность в языке перевода и помогает достичь понимания изначальной мысли текста оригинала. Однако в призме культурных особенностей необходимо учесть, что понятие «национальные праздники» в каждой стране и в каждом регионе разное. Здесь необходимо уточнение, которое могло бы внести ясность.

Результатом нарушения принципа эквивалентности при переводе этого фрагмента Конвенции на русский язык стали научные публикации, в которых авторы утверждают, что «*из дней отпуска надо исключать: а) государственные праздники; б) национальные праздники; в) нерабочие дни*», (например, в работе Ю. А. Кучиной «Проблемы имплементации норм конвенций Международной организации труда об отпусках в российское законодательство» [Кучина 2014: 60]). Таким образом, нарушение основных норм перевода приводит к несостоятельности перевода, так как нарушена прагматическая ценность перевода.

Стоит отметить, что рассматриваемая проблема касается не только документов МОТ, но конвенций, принятых Генеральной Ассамблеей ООН.

Так, в литературе уже обращалось внимание [Головина, Лютов 2019: 79] на ошибку, допущенную в русском тексте Конвенции ООН 1990 года о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей [Международная конвенция о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей 1990]. Согласно пункту 1 статьи 41 официального текста «*трудящиеся-мигранты и члены их семей имеют право участвовать в общественной жизни государства своего пребывания, избирать и быть избранными в этом государстве в соответствии с законодательством этого государства*».

Однако во французском тексте указано: «*Les travailleurs migrants et les membres de leur famille ont le droit de prendre part aux affaires publiques de leur Etat d'origine, de voter et d'être élus au cours d'élections organisées par cet Etat, conformément à sa législation*» [Convention internationale sur la protection des droits de tous les travailleurs migrants et des membres de leur famille 1990] (Трудящиеся-мигранты и члены их семей имеют право участвовать в публичных делах государства своего происхождения, голосовать и быть избранными на выборах, организуемых этим государством в соответствии с его законами).

Выявленные несоответствия между официальными текстами Конвенции ООН 1990 года являются одним из факторов, препятствующих ее ратификации. При этом правовой механизм устранения противоречий между официальными текстами конвенций ООН отсутствует.

Правовой механизм внесения изменений в текст перевода необходим и потому, что некоторые документы были разработаны и переведены уже очень давно, например в 1956 г., помимо изменений общих реалий социума языка перевода, в подходах переводческого процесса также происходят изменения. По мнению В. Н. Комиссарова, «в определенные

периоды развития общества нормой становились нарушения различных аспектов переводческой нормы» [Комиссаров 1990: 232]. Важно иметь возможность актуализировать соответствие текста оригинала документа и его перевод.

Нарушение принципа эквивалентности и несоблюдение переводческих приемов при переводе международных документов, включая конвенции МОТ и ООН, приводят к существенным искажениям их содержания, фактически дезинформируют получателя информации, что, в свою очередь, затрудняет правильное понимание и применение международных трудовых стандартов. Несоответствие переводов оригинальным текстам, вплоть до грубого искажения содержания оригинала, может вводить в заблуждение специалистов, не владеющих языками оригинала, и приводить к ошибочным интерпретациям и неправильному применению норм. Для предотвращения подобных ситуаций необходимо уделять больше внимания точности перевода и соблюдению принципа эквивалентности, что позволит обеспечить корректное восприятие и реализацию международных документов на национальном уровне.

Литература

Виноградов В. С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). М., 2001.

Зорина Е. Лингвистические особенности юридических текстов / Юрислингвистика. – 2024. – №. 34 (45). – С. 20-25. [https://doi.org/10.14258/leglin\(2024\)3402](https://doi.org/10.14258/leglin(2024)3402)

Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. М., 1990.

Кучина Ю. А. Проблемы имплементации норм конвенций Международной организации труда об отпусках в российское законодательство / Российский юридический журнал. – 2014. – № 5(98). – С. 60–68.

Международные трудовые стандарты и российское трудовое право: перспективы координации: Монография / Под ред. С. Ю. Головиной, Н. Л. Лютова. М., 2019.

Менкенов А. В. Нерабочие памятные дни / Трудовое право в России и за рубежом. – 2021. – №2. – С. 42-45

Основные понятия переводоведения (Отечественный опыт). Терминологический словарь-справочник / Отв. редактор Раренко М. Б. М., 2010.

Трудовое право: национальное и международное измерение : монография : в 2 томах. Том 2. Трансформация трудовых отношений и проблемы отдельных институтов трудового права. Нетипичная занятость / С. Ю. Головина, Н. Л. Лютов, А. А. Бережнов [и др.]. М., 2024.

Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XIX. М., 1960. С. 278-284.

Указ Президиума Верховного Совета СССР «О ратификации конвенций Международной Организации Труда (МОТ)» (06.07.1956) / Ведомости Верховного Совета СССР. – 10.07.1956. – № 14. – Ст. 301

Cambridge Dictionary: meaning of employer in English (2025). URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/employer>

Centre National de Ressources Textuelles et Lexicales (2012): employeur URL: <https://www.cnrtl.fr/definition/employeur>

Convention sur la liberté syndicale et la protection du droit syndical, n° 87 (1948) / ILO. URL: https://normlex.ilo.org/dyn/nrmlx_fr/f?p=1000:12100:0::NO::P12100_INSTRUMENT_ID,P12100_LANG_CODE:312232,en:NO

Encyclopaedia of Occupational Health and Safety (2015): Objectifs, définitions et informations générales / ILO. URL: <https://www.iloencyclopaedia.org/fr/part-iv-66769/occupational-hygiene-47504/item/570-goals-definitions-and-general-information>

Occupational Health Services and Practice (Last modified on Tuesday, 11 October 2011 17:22) / Encyclopaedia of Occupational Health and Safety. ILO. URL: <https://www.iloencyclopaedia.org/part-ii-44366/occupational-health-services/item/155-occupational-health-services-and-practice>

Promotional Framework for Occupational Safety and Health Convention, No. 187 (2006) / ILO. URL: https://normlex.ilo.org/dyn/nrmlx_fr/f?p=NORMLEXPUB:12100:0::NO:12100-P12100_INSTRUMENT_ID:312332:NO

Occupational Safety and Health Convention, 1981 (No. 155) / ILO. URL: https://normlex.ilo.org/dyn/nrmlx_en/f?p=NORMLEXPUB:12100:0::NO::P12100_ILO_CODE:C155

Convention sur les congés payés (révisée), No 132 (1970) / ILO. URL: https://www.ilo.org/dyn/normlex/fr/f?p=NORMLEXPUB:12100:0::NO::P12100_ILO_CODE:C132

Международные трудовые стандарты и российское трудовое право: перспективы координации: Монография / Под ред. С. Ю. Головиной, Н. Л. Лютова. М., 2019.

Международная конвенция о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей (1990) / ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/migrant4.shtml

Convention internationale sur la protection des droits de tous les travailleurs migrants et des membres de leur famille (1990) / Nations Unies. URL: <https://www.ohchr.org/fr/instruments-mechanisms/instruments/international-convention-protection-rights-all-migrant-workers>.

References

Basic Concepts of Translation Studies (Domestic Experience). Terminological Dictionary-Reference (2010). Rarenko M. B. Moscow (in Russian).

Cambridge Dictionary: meaning of employer in English (2025). Available from: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/employer>

Centre National de Ressources Textuelles et Lexicales (2012): employeur. Available from: <https://www.cnrtl.fr/definition/employeur>

Convention concerning Paid Vacations (Revised), No. 132 (1970). ILO. Available from: https://www.ilo.org/dyn/normlex/fr/f?p=NORMLEXPUB:12100:0::NO::P12100_ILO_CODE:C132

Convention concerning the Promotion of Occupational Safety and Health, No. 187 (2006). ILO. Available from: https://normlex.ilo.org/dyn/nrmlx_fr/f?p=NORMLEXPUB:12100:0::NO:12100:-P12100_INSTRUMENT_-ID:312332:NO

Convention concerning Occupational Safety and Health, No. 155 (1981). ILO. Available from: https://normlex.ilo.org/dyn/nrmlx_en/f?p=NORMLEXPUB:-12100:0::NO::P12100_ILO_CODE:C155

Convention concerning Freedom of Association and Protection of the Right to Organise, No. 87 (1948). ILO. Available from: https://normlex.ilo.org/dyn/nrmlx_fr/f?p=1000:12100:0::NO::P12100_INSTRUMENT_ID,P12100_LANG_CODE:312232,en:NO

Encyclopaedia of Occupational Health and Safety (Objectifs, définitions et informations générales) (2011). ILO. Available from: <https://www.iloencyclopaedia.org/fr/part-iv-66769/occupational-hygiene-47504/item/570-goals-definitions-and-general-information>

Encyclopaedia of Occupational Health and Safety (2015): Objectifs, définitions et informations générales. ILO. Available from: <https://www.iloencyclopaedia.org/fr/part-iv-66769/occupational-hygiene-47504/item/570-goals-definitions-and-general-information>

International Convention on the Protection of the Rights of All Migrant Workers and Members of Their Families (1990). UN. Available from: <https://www.ohchr.org/fr/instruments-mechanisms/instruments/international-convention-protection-rights-all-migrant-workers>

International Convention on the Protection of the Rights of All Migrant Workers and Members of Their Families (1990). UN. Available from: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/migrant4.shtml

International Labour Standards and Russian Labour Law: Prospects for Coordination: Monograph (2019). Ed. by S. Yu. Golovina, N. L. Lyutov. Moscow (in Russian).

International labor standards and Russian labor law: prospects for coordination: Monograph (2019). Ed. S. Yu. Golovina, N. L. Lyutova. Moscow (in Russian).

Komissarov, V. N. (1990). Theory of Translation (Linguistic Aspects): Textbook for Institutes and Faculties of Foreign Languages. Moscow (in Russian).

Kuchina, Yu. A. (2014). Problems of Implementing the Standards of the International Labour Organization Conventions on Leaves in Russian Legislation. Russian Law Journal, 5(98), 60–68 (in Russian).

Labour Law: National and International Dimension: Monograph: in 2 Volumes. Volume 2. Transformation of Labour Relations and Problems of Certain Institutions of Labour Law. Atypical Employment (2024). / S. Yu. Golovina, N. L. Lyutov, A. A. Berezhnov [et al.]. Moscow (in Russian).

Ukaz Prezidiuma Verkhovnogo Soveta SSSR "O ratifikatsii konventsii Mezhdunarodnoi Organizatsii Truda (MOT)" (06.07.1956). Vedomosti Verkhovnogo Soveta SSSR – 10.07.1956. – No. 14. – Art. 301 (in Russian).

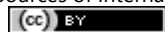
Vinogradov, V. S. (2001). Introduction to Translation Studies (General and Lexical Issues). Moscow (in Russian).

Zorina, E. (2024). Lingvisticheskie osobennosti juridicheskikh tekstov. Iurislingvistika, (34 (45), 20-25. [https://doi.org/10.14258/leglin\(2024\)3402](https://doi.org/10.14258/leglin(2024)3402) (in Russian).

Citation:

Менкенов А. В., Дондокова М. Ю. Нарушения принципа эквивалентности при переводе конвенций, источников международного права, и их правовые последствия // Юрислингвистика. – 2025 – 38. – С. 6-10.

Menkenov A. V., Dondokova M. Y. (2025) Legal Consequences of Violating the Principle of Equivalence when Translating Conventions that are Sources of International Labor Law. Legal Linguistics, 38, 6-10.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Интерпретации политико-правовой доктрины Н. М. Ядринцева в современной юридической литературе

А. В. Головинов¹, Ю. В. Головинова²

¹*Алтайский государственный университет*

пр. Ленина, 61, 656049, Барнаул, Россия. E-mail: alex-golovinov@mail.ru

²*Алтайский государственный педагогический университет*

ул. Молодежная, 55, 656035, Барнаул, Россия. E-mail: yu.golovinova@mail.ru

Цель настоящего исследования – герменевтический и нарративный анализ текстов научных статей, подготовленных современными юристами, позволяющий оценить, а также показать уровень и степень востребованности и актуальности политико-правовых идей Николая Михайловича Ядринцева. Акцентируется, что за последние годы тексты публикаций правоведов все чаще либо посвящены анализу пенитенциарных идей Н. М. Ядринцева, либо изобилуют использованием материала, собранного и систематизированного дореволюционным публицистом о системе исправительного наказания в Российской Империи.

Основу нашего исследования составляет корпус научно-исследовательских публикаций современных юристов, в которых рассматривается и оценивается политико-правовая мысль Н. М. Ядринцева. База работы обязывает к выбору инструментария герменевтики и дискурсивного анализа. Данная методология, как мы полагаем, позволит выявить и показать нарративы, свойственные современной юридической литературе в отношении идей сибирского мыслителя.

Установлено, что корпус публикаций ученых-юристов в этой сфере содержит несколько нарративов. Во-первых, это тема идеала государственности Н. М. Ядринцева – федерализм. Во-вторых, ядром понимания юридической мысли известного сибиряка выступает концепт уголовно-исполнительного права и пенитенциарной политики. В-третьих, производным, имеющим вспомогательное, прежде всего источниковедческое значение, дискурсом в анализируемой правовой литературе можно считать статистические данные, собранные просветителем в области причин и последствий преступности, а также влияния жизни ссыльных преступников на бытие мест их размещения.

Ключевые слова: текстологический анализ политико-правовой мысли, областничество, дискурс, историография политико-правовых учений, Н. М. Ядринцев, Российская Империя, пенитенциаристика, ссылка, Сибирь, преступность, федерализм.

Interpretations of N.M. Yadrintsev's Political and Legal Doctrine in Modern Legal Literature

A. V. Golovinov¹, Yu. V. Golovinova²

¹*Altai State University*

61 Lenina St., 656049, Barnaul, Russia. E-mail: alex-golovinov@mail.ru

²*Altai State Pedagogical University*

55 Molodyozhnaya St., 656035, Barnaul, Russia. E-mail: yu.golovinova@mail.ru

The purpose of this study is a hermeneutic and narrative analysis of the texts of scientific articles written by modern lawyers, which makes it possible to assess, as well as show the level and degree of relevance and applicability of the political and legal ideas of Nikolai Mikhailovich Yadrintsev. It is emphasized that in recent years, the texts of academic articles by legal scholars have most often contained either the analysis of N.M. Yadrintsev's penitentiary ideas, or abounded in the material collected and systematized by that pre-revolutionary publicist about the system of correctional punishment in the Russian Empire.

The basis of our research is the corpus of academic publications of modern lawyers, which examine and evaluate the political and legal thought of N.M. Yadrintsev. Such basis has obliged us to choose the tools of hermeneutics and discursive analysis. This methodology, we believe, allows us to identify and show the narratives typical of modern legal literature in relation to the ideas of the Siberian thinker.

It has been established that the corpus of publications by legal scholars in this field contains several narratives. Firstly, it is the theme of N.M. Yadrintsev's ideal of statehood – federalism. Secondly, the concept of penal enforcement law and penitentiary policy serves as the core of understanding of the legal thought by the famous Siberian. Thirdly, statistical data collected by the educator in the

field of the causes and consequences of crime, as well as the influence of the life of exiled criminals on the nature of their places of residence, can be considered a derivative discourse in the analyzed legal literature.

Key words: textual analysis of political and legal thought, regionalism, discourse, historiography of political and legal doctrines, N. M. Yadrintsev, Russian Empire, penitentiary studies, exile, Siberia, crime, federalism.

Правовая доктрина, заключенная в знаково-смысловую форму, представляет собой уникальный письменный источник права. Язык и его семантическое значение играет в рамках правовых учений, научно или как минимум литературно обоснованных, важную роль. Полагаем, именно подобное обстоятельство позволяет использовать правовую мысль не только в качестве источника нормативного толка. Она же может быть понята и применена как дополнительный материал, позволяющий по-новому взглянуть на вечные проблемы государства и права.

Так, политико-правовое наследие дореволюционного общественного деятеля, основателя движения сибирских демократических регионалистов (областников) Н. М. Ядринцева привлекает внимание в научно-исследовательском сообществе профессиональных юристов. Известный сибирский просветитель, хоть так и не получил высшего юридического образования, по ряду вопросов юридического мира имел четкие представления. В круг тем государственно-правовой направленности, что выступили нарративами публицистики идеолога областничества, входили концепты государственного устройства России на федеративных началах, тема земских учреждений и местного самоуправления. Однако самой проработанной тематикой публицистики известного сибиряка выступало уголовно-исполнительное право и проблемы бытия учреждений исполнения наказания. Характерно, что именно такой дискурс вызывает наибольший интерес в среде ученых юристов. За последние годы тексты научных статей правоведов все чаще либо посвящены анализу пенитенциарных идей Н. М. Ядринцева, либо изобилуют использованием материала, собранного и систематизированного дореволюционным публицистом о системе исправительного наказания в Российской Империи. Обращение к герменевтическому и нарративному анализу текстов научных статей, подготовленных современными юристами, позволит показать уровень и степень востребованности и актуальности политико-правовых идей Николая Михайловича Ядринцева.

Эвристический потенциал и практическая ценность литературно-публицистического наследия писателя-сибиряка в области уголовно-исполнительного права отмечались и при жизни просветителя. На работы Н. М. Ядринцева о тюремной субкультуре и ссылке как виде уголовного наказания ссылались авторитетные юристы Российской Империи – профессор уголовного права И. Я. Фойницкий и начальник Главного тюремного управления с 1896 г. А. П. Саломон. Это не удивительно, так как Николай Михайлович был членом и экспертом комиссии и по тюремной реформе. Интересно отметить, что эпистолы просветителя, выявленные нами в рукописях, хранящихся в архивах Томска, свидетельствуют о том, что с профессором права Н. М. Ядринцев постоянно и много переписывался, обменивался квалифицированными мнениями и просто поддерживал теплые отношения (ОРКП НБ ТГУ). С практической точки зрения считаем необходимым отметить, что Н. М. Ядринцев в 1890 г. принимал участие в Пенитенциарной комиссии Санкт-Петербургского юридического общества. Его личный опыт арестанта и глубокие теоретические наработки к области уголовного закона еще при жизни делали его эффективным экспертом в деле трансформации системы исправительных учреждений и отдельных видов уголовного и административного наказания.

Потому данные обстоятельства объективного порядка способствуют интересу к публицистическому наследию идеолога областничества современных ученых в области тюрьмоведения, уголовно-исполнительного права, а также истории государства и права.

Основу нашего исследования, таким образом, составляет корпус научно-исследовательских публикаций современных юристов, в которых рассматривается и оценивается политико-правовая мысль Н. М. Ядринцева. База работы обязывает к выбору инструментария герменевтики и дискурсивного анализа. Данная методология, как мы полагаем, позволит выявить и показать нарративы, свойственные современной юридической литературе в отношении идей сибирского мыслителя.

Итак, в работах И. В. Упорова [Упоров 2004], В. Б. Лебедева [Лебедев 2013] и А. М. Фумм [Фумм 2011] наблюдаются апелляции к фактологическому багажу, накопленному Н. М. Ядринцевым в области ссылки, то есть численность ссыльнопоселенцев, гендерный состав, продолжительность жизни, контакты с местным населением, преступления, ими совершаемые. Современные ученые пенитенциарную политику Российской империи рассматривают в числе прочего и с применением и оценкой суждений сибирского публициста о исправительном значении ссыльной системы, а также обращаются к социологической характеристике тюремной субкультуры, которую характеризовал Николай Михайлович, наряду с Ф. М. Достоевским и А. П. Чеховым. Так как известный сибиряк познал все тяготы тюремного барака (он несколько лет провел в Омском остроге, потом был полностью амнистирован), и арестантское общество он описывал изнутри с его внутренними законами, обычаями и традициями, то его работы в этой области ценятся и современными учеными-юристами.

Отдельным нарративом научного исследовательского дискурса в юридических работах можно считать реконструкции идей Н. М. Ядринцева о праве, государстве и уголовно-исполнительной политике. Так, сотрудники юридического института Алтайского государственного университета А. А. Васильев [Васильев 2023], Е. А. Куликов и И. А. Анисимова [Головинов, Куликов, Анисимова 2024], а также А. В. Головинов [Головинов 2024] воспроизводят воззрения сибирского просветителя на федеративное устройство нашего Отечества, раскрывают его взгляды на правовое положение инородцев (этносов и народов Сибири), выявляют пенитенциарные идеи. Данная группа авторов акцентирует гуманистический и демократический характер политико-правовой мысли публициста-областника. Ученые приходят к выводу о том, спектр юридической мысли Н. М. Ядринцева был очень разнообразен. Он включал в себя рефлексию просветителя о состоянии и перспективах имперской уголовно-исполнительной политики, причинах преступных злодеяний в дореволюционной Сибири, о сущности и исправительном значении уголовного наказания, о режимах содержания осужденных, о территориальном устройстве России.

Уголовная тематика в политико-правовом учении Н. М. Ядринцева специально разрабатывается в работах

Е. А. Локтионовой [Локтионова 2022] и Д. В. Бахарева [Бахарев 2019]. Ученые пришли к выводу о том, что сибирский областник был одним из пионеров в познании особой субкультуры арестантских рот и общин. Очень проникновенно Н. М. Ядринцев характеризовал быт тюрем своего времени. Авторами отмечается роль Н. М. Ядринцева как специалиста в области правового регулирования режимов содержания осужденных и знатока проблематики исправительного воздействия на арестантов.

Юрист-исследователь К. К. Кораблин [Кораблин 2018] обращается к историографии отечественного тюремоведения и относит Николая Михайловича Ядринцева с его книгой «Русская община в тюрьме и ссылке» к видным русским пенитенциаристам. Он отмечает нарратив исправления преступников, который был также присущ работам областника. В целом автор положительно оценивает статистические сведения, собранные сибирским мыслителем о труде как средстве исправления арестантов.

Историк государства и права, известный специалист по истории ссылки как наказания в дореволюционной России А. А. Иванов [Иванов 2022] также отмечает роль деятельности Н. М. Ядринцева в истории ссыльной системы. Профессор акцентирует значение его публикаций о ссылке как не эффективном уголовном наказании, которое к тому же не полностью закрывало колонизационные задачи освоения пространств Сибири и Дальнего Востока.

Таким образом, нарративный и текстологический анализ современной научно-исследовательской литературы по юридическим наукам дает основания выделить интерпретационные оценки и практики обозначения роли политико-правового наследия Н. М. Ядринцева для русского правоведения. Мы приходим к выводу о том, что корпус публикаций ученых-юристов в этой сфере содержит несколько нарративов. Во-первых, это тема идеала государственности Н. М. Ядринцева – федерализм. Во-вторых, ядром понимания юридической мысли известного сибиряка выступает концепт уголовно-исполнительного права и пенитенциарной политики. В-третьих, производным, имеющим вспомогательное, прежде всего источниковедческое значение, дискурсом в анализируемой правовой литературе можно считать статистические данные, собранные просветителем в области причин и последствий преступности, а также влияния жизни ссыльных преступников на бытие мест их размещения.

Литература

Бахарев Д. В. "Русская тюремная община" вчера и сегодня / Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия : сборник материалов VI Международной научно-практической конференции, Пермь, 02–04 апреля 2019 года. Пермь, 2019. С. 276-279.

Васильев А. А., Головинов А. В., Должиков В. А. Синтез политико-правовых и социально-культурных нарративов идейно-публицистического наследия Н. М. Ядринцева в 1870-е гг. / Былые годы. – 2023. – № 18(3). – С. 1324-1333. – DOI 10.13187/bg.2023.3.1324.

Головинов А. В., Куликов Е. А., Анисимова И. А. Проблемы уголовно-исполнительной политики Российской империи в литературно-публицистическом наследии Н. М. Ядринцева и Ф. М. Достоевского / Былые годы. – 2024. – № 19(1). – С. 137-147. – DOI 10.13187/bg.2024.1.137.

Головинов А., Головинова Ю. Причины преступности в дореволюционной Сибири в текстах политико-правовой доктрины Н. М. Ядринцева / Юрислингвистика. – 2024. – № 33(44). – С. 9-12. – DOI 10.14258/leglin(2024)3302.

Иванов А. А. Историографическое осмысление проблем политической и уголовной ссылки в Сибири / Очерки историографии и источниковедения истории Сибири эпохи империи (XIX – начало XX века). Иркутск, 2022. С. 134-210

Кораблин К. К. Историография русского дореволюционного тюремоведения / Основные тенденции государственного и общественного развития России: история и современность. – 2018. – № 1. – С. 3-11.

Лебедев В. Б., Степанова Е. В. В. А. Соллогуб и его роль в реформировании уголовно-исполнительной системы (1870–1874 гг.) / Пенитенциарная наука. – 2013. – №3 (23) – С.72-77

Локтионова Е. А. Проблемы изучения пенитенциарной преступности в отечественной науке и практике / Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2022. – № 1(48). – С. 267-274. – DOI 10.17308/vsu.proc.law.2022.1/9042

Отдел рукописей и книжных памятников Научной библиотеки Томского государственного университета. Архив Н. М. Ядринцева. Фонд 3. Опись 1. Дело 186.

Упоров И. В. Пенитенциарная политика России в XVIII-XX вв.: Историко-правовой анализ тенденций развития. СПб., 2004.

Фумм А. М. Английская прогрессивная система тюремного заключения: история и современность / Вестник института. Научно-практический журнал Вологодского института права и экономики ФСИН. – 2011. – № 4 (16). – С. 46-50.

References

Bakharev, D. V. (2019) "The Russian prison community" yesterday and today. The penitentiary system and society: the experience of interaction : Collection of materials of the VI International Scientific and Practical Conference, Perm, April 02-04, 2019. Perm, 276-279 (in Russian).

Vasiliev, A. A., Golovinov, A. V., Dolzhikov, V. A. (2023). Synthesis of political, legal, and socio-cultural narratives of N. M. Yadrintsev's ideological and journalistic legacy in the 1870s. *Bygone Years*, 18(3), 1324-1333, DOI 10.13187/bg.2023.3.1324 (in Russian).

Golovinov, A. V., Kulikov, E. A., Anisimova, I. A. (2024). Problems of the penal policy of the Russian Empire in the literary and journalistic legacy of N. M. Yadrintsev and F. M. Dostoevsky. *Bygone Years*, 19(1), 137-147, DOI 10.13187/bg.2024.1.137 (in Russian).

- Golovinov, A. Golovinova, Yu. (2024). The causes of crime in pre-revolutionary Siberia in the texts of the political and legal doctrine of N. M. Yadrintsev. *Legal Linguistics*, 33(44), 9-12, DOI 10.14258/leglin(2024)3302 (in Russian).
- Ivanov, A. A. (2022). Historiographical understanding of the problems of political and criminal exile in Siberia. Essays on historiography and source studies of the history of Siberia during the era of the empire (XIX - early XX centuries). *Irkutsk*, 134-210 (in Russian).
- Korablin, K. K. (2018). Historiography of Russian pre-revolutionary prison studies. The main trends in the state and social development of Russia: history and modernity, 1, 3-11 (in Russian).
- Lebedev, V. B., Stepanova, E. V. (2013). V. A. Sollogub and his role in the reform of the penal system (1870-1874). *Penitentiary Science*, 3 (23), 72-77 (in Russian).
- Loktionova, E. A. (2022). Problems of studying penitentiary criminality in Russian science and practice. *Bulletin of Voronezh State University. Series: Law*, 1(48), 267-274, DOI 10.17308/vsu.proc.law.2022.1/9042 (in Russian).
- Department of Manuscripts and Book Monuments of the Scientific Library of Tomsk State University N.M. Yadrintsev Archive. Foundation 3. Inventory 1. Case 186 (in Russian).
- Uporov, I. V. (2004). Penitentiary policy of Russia in the XVIII-XX centuries: Historical and legal analysis of development trends. St. Petersburg (in Russian).
- Fumm, A. M. (2011). The English progressive prison system: history and modernity. *Bulletin of the Institute. Scientific and Practical Journal of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service*, 4 (16), 46-50 (in Russian).

Citation:

Головинов А. В., Головинова Ю. В. Интерпретации политико-правовой доктрины Н.М. Ядринцева в современной юридической литературе // Юрислингвистика. – 2025 – 38. – С. 11-14.

Golovinov A. V., Golovinova Yu. V. (2025) Interpretations of N.M. Yadrintsev's Political and Legal Doctrine in Modern Legal Literature. *Legal Linguistics*, 38, 11-14.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Понятие преступления и институтов общей части традиционного уголовного права Китая

О. Г. Моисеева

Алтайский государственный университет

пр. Ленина, 61, 656049, Барнаул, Россия. E-mail: moi.seeva@mail.ru

Статья посвящена исследованию понятия преступления и других институтов общей части уголовного права, которые нашли закрепление в современных кодексах. Для китайского традиционного права, как и для правовых систем других государств, характерно отсутствие на законодательном уровне определения и фиксации понятийного аппарата.

Для китайской исторической традиции характерна отсылка к тому факту, что уголовные законы появились в глубокой древности. Фактически это произошло лишь в VI-V вв. до н. э. С VI в. (правление династии Суй) начинается создание династийных кодексов. До появления кодексов институты уголовного права в той или иной степени могут быть проанализированы на основе положений работ китайских мыслителей и философов, династийных хроник.

Центральное место в династийных кодексах занимали нормы уголовного права. Первым кодексом, дошедшим до наших дней, является уголовный кодекс Тан – «Уголовные установления Тан с разъяснениями» (Тан люй шу и) 653 г. Анализ положений кодекса Тан позволяет получить представление о подходах законодателей к разработке понятийного аппарата общей части уголовного права. В кодексах нашли закрепление такие институты, как субъект и объект преступления, соучастие, покушение на совершение преступления, формы вины и т. д.

В статье делается вывод, что идеи конфуцианства оказали огромное влияние на развитие правовой системы, в том числе и на разработку понятий общей части уголовного права. Конфуцианские постулаты способствовали складыванию представления о преступлении в первую очередь как о проявлении преступной воли человека. Законодательство устанавливало ответственность и в том случае, если было наличие только преступной воли, и отсутствовали какие-либо действия, направленные на ее реализацию.

Ключевые слова: история права, преступления, Китай, конфуцианство.

The Concept of Crime and Institutions of the General Part of Traditional Criminal Law of China

O. G. Moiseeva

Altai State University

61 Lenina St., 656049, Barnaul, Russia. E-mail: moi.seeva@mail.ru

The article considers the concept of crime and other institutions of the general part of criminal law, which are enshrined in contemporary codes. Chinese traditional law, as well as the legal systems of other states, is characterized by the absence of a definition and fixation of the conceptual apparatus at the legislative level.

The reference to the fact that criminal laws appeared in ancient times is inherent to the Chinese historical tradition. In fact, they appeared only in the 6th-5th centuries BC. From the 6th century (the reign of the Sui dynasty), the creation of dynasty codes begins. Before the appearance of the codes, the institutions of criminal law, to a greater or lesser extent, can be analyzed on the basis of the provisions of the works of Chinese thinkers and philosophers, dynasty chronicles.

The central place in dynasty codes was occupied by the norms of criminal law. The first code that has survived to this day is the Tang Criminal Code - "Tang Criminal Regulations with Explanations" (Tang lü shu yi) of 653. An analysis of the provisions of the Tang Code allows us to get an idea of the approaches of legislators to the development of the conceptual apparatus of the general part of the criminal law. The codes enshrined such institutions as: the subject and object of a crime, complicity, an attempt to commit a crime, forms of guilt, etc.

The article concludes that the ideas of Confucianism had a huge impact on the development of the legal system, including the development of concepts of the general part of the criminal law. Confucian postulates contributed to the development of the idea of a crime as, first and foremost, a manifestation of a person's criminal will. The legislation established liability even if there was only a criminal will, and there were no actions aimed at its implementation.

Key words: history of law, crimes, China, Confucianism.

Китайская историческая традиция связывает появление первых уголовных законов с глубокой древностью. Но фактически законодательные акты, в которых закреплялись преступления и наказания за их совершения, появились лишь на рубеже VI-V вв. до н. э.

Для китайского права характерно создание династийных кодексов, в которых значительную по содержанию часть составляли нормы уголовного права. Первым уголовным кодексом, сохранившимся до наших дней, стал Уголовный кодекс династии Тан (653 г.). Основой его стала «крупная работа по классификации и систематизации законов, созданная по приказу императора Вэнь-ди из династии Суй» [Елисеефф 2007: 336]. В период правления основателя династии Тан (которая правила после Суй), императора Ли Шиминя группа юристов во главе с Фан Сюань-лину и Чансунь У-цзи составила династийный кодекс Тан, получивший название «Уголовные установления Тан с разъяснениями» (Тан люй шу и). Именно «Тан люй шу и» сыграл ключевую роль в процессе нормотворчества в старом Китае [Ахметшин 2005: 7].

Следующим династийным кодексом стало составленное в 960-963 гг. (в период правления династии Сун) «Исправленное и пересмотренное собрание уголовных законов». Традиционно в законодательстве Сун нашли закрепление положения ранее принятых династийных кодексов, и прежде всего кодекса Тан.

Также очень известным памятником китайского права является разработанный в конце XIV в. «Свод законов династии Мин» (Да Мин люй). Китайские историки права оценивали его как высшую ступень в развитии китайского законодательства дореспубликанского периода [Законы 1997: 35].

Примером последнего династийного кодекса являются законы династии Цин, созданные в XVIII в. Данные законы также базировались на традиционных положениях китайского права, выработанных в период правления династий Суй, Тан, Сун и Мин. Нормы уголовного права содержались в «Основных законах и постановлениях Великой династии Цин» (Дацин люйли), законодательство Цин о преступлениях и наказаниях действовало до 1912 г. Для династийных кодексов характерна древность основных положений. «Китайское уложение составляет плод освященных трудов поколений древности, в которые прошлые династии последовательно вносили усовершенствования, указываемые самой жизнью или же изменения, требуемые политическими обстоятельствами эпохи» [Козлов 1899: 18]. Составление династийных кодексов становится правовой традицией, определяющей основные направления развития правового регулирования общественных отношений средневекового Китая. В таких сводах законов костяк норм создавался основателем династии (со временем эти нормы приобретали черты божественных установлений), а его преемники расширяли и дополняли этот костяк своими постановлениями [Самигуллин 2021: 122]. В значительной мере и сам подход к понятию преступления и других институтов общей части уголовного права базировался на тех постулатах и подходах, которые были заложены в глубокой древности.

Для китайского права характерно то, что в нем особое положение занимали нормы административного и уголовного права. Н. А. Крашенинникова, характеризуя развитие традиционного права Китая, подчеркивает, что оно развивалось в основном как уголовное право, нормы которого пронизывали сферу гражданских, брачно-семейных и других отношений [Крашенинникова 1994: 54]. Аналогичной точки зрения придерживается и Цзинфэн Чжан: «Уголовный закон находился над другими законами. Сами названия «наказание» и «уголовное право» использовались как альтернативные имена юриспруденции» [景峰, Цзинфэн 2005: 2].

Развитие китайского права происходило при огромном влиянии конфуцианства и легизма как на понятийный, так и на содержательный аспект, в том числе и уголовно-правовых норм. Подчеркивая влияние конфуцианства на содержание династийных кодексов, в частности кодекса Тан, А. А. Дельнов писал, что за «мировоззренческую основу кодекса были приняты представления о мировой гармонии, о космической роли человека, ... и, разумеется, конфуцианство во всем его объеме» [Дельнов 2008: 279]. Характеризуя Танский кодекс, Х. Ян отмечал: «благодаря разработке «Десяти зол» и «Восьми причин для обсуждений», этот кодекс преобразовал конфуцианскую этику и моральные нормы в конкретные правовые положения, которые не только создали целостную правовую систему, но и оказали глубокое влияние на законодательство стран Восточной Азии» [杨, Ян 1937: 112]. Воздействие морально-этических постулатов конфуцианства на право Китая привело также к тому, что в сферу действия норм уголовного права попали не только нарушения уголовно-правовых запретов, но и другие правонарушения: административные, семейные и т. д.

Основные положения уголовного права Китая до появления кодексов нашли отражение в династийных хрониках, работах древнекитайских мыслителей, философов, историков, в частности в труде китайского историка Сыма Цяня (135-86 гг. до н. э.) - «Ши цзи» («Исторические записки»).

Для работ китайских мыслителей древности характерно отсутствие четких понятийных конструкций. Так, в «Ши цзи» не содержится понятие преступления, но вместе с тем прослеживаются отличия между преступлением и проступком.

Субъектом преступления по традиционному праву Китая являются только физические лица. При этом они могут находиться или в свободном, или в зависимом статусе. «В традиционном китайском праве лица – субъекты права рассматривались исключительно с точки зрения их принадлежности к тому или иному сословию ... В разное время они именовались по-разному. В период Хань и Тан: ши жэнь – служилое и ученое сословие, шу жэнь – простолюдины и рабы; при Тан-Цин – чиновничество, лица, имеющие ранги ю гуань, простолюдины – фаньжэнь и различные группы людей, лишенных личной свободы, и рабы. Существовало деление всего населения на две группы – людей лично-

свободных (ляньжэнь) и лично несвободных (цзяньжэнь)» [Духовная культура 2009: 387]. Данный подход сохранился и в последующие века развития китайского уголовного права. Современное же уголовное право КНР расширило круг субъектов уголовного права, включив в него не только физических, но и юридических лиц.

Объектом преступного посягательства по традиционному праву Китая является жизнь, здоровье, имущество частного лица, а также государственный строй. В. Г. Графский среди объектов преступного посягательства выделяет не только государственный порядок или человека и его имущество, а «прежде всего ритуал межличностного и межгруппового общения (этикет), нарушение которого ... могло при желании законодателя обрести расширительными толкованиями» [Графский 2000: 354]. Е. Алибастер в работе «Заметки и комментарии на китайское уголовное право» разделил все преступления на две группы: против государства и против частных лиц. Среди объектов преступных посягательств он выделял: императора (его жизнь, здоровье, имущество); государственные, властные институты; порядок отправления правосудия; общественную нравственность и здоровье; жизнь, свободу и честь, имущество частных лиц и т. д.

В уголовном праве Китая при оценке поступка человека на первый план выступала его этическая сторона, и прежде всего внутреннее намерение человека, также имела значение правовая сторона поступка – внешнее поведение человека. При характеристике преступления именно внутренняя мотивация поведения имела преобладающее значение.

В древности, в период правления династии Хань, на основе постулатов конфуцианства начинает складываться учение о формах вины. В 120 г. до н. э. на законодательном уровне было признано, что именно преступная воля является определяющей при признании деяния преступлением и назначении наказания за его совершение. Наличие или отсутствие умысла позволяло выделять преступления преднамеренные и совершенные по ошибке. Если человек осознавал характер своих преступных действий, то в таких случаях преступления относились к преднамеренным. В случае совершения преступных деяний без умысла можно говорить о преступлениях, совершенных по ошибке. Чжан Пэй (юрист династии Цзинь (265-419 гг.)) следующим образом характеризовал два вида преступлений: «Если преступники знали закон и нарушили его, то это называется преднамеренным преступлением, если они считали, что поступают правильно, то это называется ошибкой» [Кычанов 1986: 39]. Таким образом, наличие или отсутствие умысла приводило к тому, что одни преступления были преднамеренными, другие – совершенными по ошибке. В качестве доказательства преднамеренного преступления выступало наличие плана преступного посягательства.

Начиная с династийного кодекса Тан стала использоваться более разнообразная градация преступных посягательств, в зависимости от формы вины выделялись 4 группы. Преднамеренными (моу) считали преступления, если было доказано наличие предварительного плана его совершения. Следующая группа – преднамеренные преступления (гу), в таком случае не было предварительно разработанного плана, но было намерение совершить деяние, нарушающее закон. Кроме того, выделялись случайные преступления (го ши), данные деяния совершены были неумышленно, из-за стечения обстоятельств. И последняя группа – преступления (ши), совершенные по ошибке. В отличие от современного уголовного права под понятие преступления попадали и случайные действия (казус), которые сейчас являются ненаказуемыми.

Для преднамеренных преступлений кроме составления плана также требовалось наличие предварительного сговора двух и более лиц. Цзюань 17 Уголовных установлений Тан закреплял: «Теми, кто замыслили преднамеренное убийство, являются два человека и более. Если дело уже раскрыто и желание убить не является ложным, то хотя пусть это будет и один человек, он также одинаково наказывается по закону об умысле, составленном двумя людьми» [Уголовные установления 2005: 53]. Таким образом, в китайском праве для наличия заговора требовалось два человека и более. Если обстоятельства заговора и его цели были очевидны, то и «один человек мог считаться за двоих» [Савченко 2013: 892]. Для определения наличия умысла, то есть предвидения общественно опасного характера своих действий и желания наступления последствий, должна присутствовать не только преступная воля, но и, как правило, совершение какого-либо действия. К. С. Кенни писал: «Уголовная ответственность наступает лишь с того момента, когда преступник совершил какое-либо действие, не просто обнаруживающее у него наличие виновной воли, но предусматривающее собой шаг в направлении реализации задуманного» [Кенни 1947: 86]. Сговор, который необходим для отнесения преступлений к преднамеренным, рассматривается как простое соглашение двух и более лиц между собой о совершении преступления. Данные действия китайским правом приравниваются к факту совершения преступления, поэтому «этого достаточно для того, чтобы считать участников сговора виновными в совершении преступления» [Кенни 1947: 87]. Данная характеристика наиболее полно раскрывает китайское понятие «моу».

В Уголовных установлениях Тан закрепляется ответственность за умысел, то есть за преднамеренные преступления, даже если был только план, сговор, но не было действий, направленных на реализацию плана преступного деяния. Танский кодекс предусматривает ответственность за умысел измены, умысел восстания против, умысел убийства человека. В разъяснениях Цзюани 1 поясняется, что такое умысел: «умысел – значит «замыслить план» [Уголовные установления 1999: 84]. «Задумавшими измену (моу пань) называются выразившие желание отвернуться от государства и предаться фальши. В том случае, когда какие-либо люди некогда сговорились, но еще не приступили к осуществлению задуманного, а дело раскрылось, то главарь подлежит давлению, а пособники – ссылке» (Цзюань 17) [Уголовные установления 2005: 20]. В случае умысла убийства человека наказание было в виде 3 лет каторги, если были причинены телесные повреждения – давление, при убийстве – обезглавливание.

В том случае, если изначально не было намерения совершить противоправное деяние, и оно появилось в ходе развития неких обстоятельств, которые привели к его совершению, такие преступления считались преднамеренными

(гу). К данной категории противоправных деяний относили, например, убийство или причинение вреда во время драки. «Тот, кто убил человека во время драки, подлежит давлению. Если же дравшийся взял нож, преступление квалифицируется как преднамеренное убийство. Таковым считается то, когда в ходе драки используется нож, благодаря которому сейчас же появилось стремление причинить пагубу. Также и в беспричинной драке, когда не было никакого повода, а убил. Эти преступления именуются предумышленным убийством» (Цзюань 21) [Уголовные установления 2005: 141]. К признакам преднамеренного убийства можно отнести: то обстоятельство, что не было первоначального умысла; возникновение умысла во время драки, когда преступник достал нож; отсутствие мотива для убийства.

В Цинском кодексе Дацин люйли сохранилось деление преступлений на преднамеренные (с заранее обдуманым намерением) и предумышленные. Если убийство не было заранее задумано, оно рассматривается как сознательное и намеренное лишение человека жизни, но не считается предумышленным [Алебастер 1903: 175].

Самым существенным критерием выделения преднамеренного преступления является то обстоятельство, что проходит крайне малый отрезок времени между составлением плана совершения противоправного деяния и реализацией его. То есть при разграничении предумышленных и преднамеренных преступлений главный фактор – временной.

Две другие группы преступлений: неосторожные (случайные) и преступления по ошибке не получили столь детальной разработки и регламентации ни в уголовной теории, ни на уровне законодательного закрепления. Характеризуя случайное убийство, Е. Алебастер пишет, что «оно произошло действительно совершенно случайно, и было бы ничем неотвратимо, чтобы самое зоркое наблюдение, полное внимание, надлежащая забота и благоразумие не могли бы предотвратить случайности». Также для случайного преступления характерно, что не было ни малейшего намерения причинить какую-либо обиду, и чтобы вред произошел совершенно нечаянно, ненароком [Алебастер 1903: 157].

Убийство отцом сына по неосторожности считалось менее тяжким преступлением, чем отца сыном. Современное уголовное законодательство, УК КНР 1997 г. в статье 15 устанавливает положение, согласно которому ответственность за преступление по неосторожности наступает только в случаях, указанных в законе.

Танские установления в Цзюани 23 при характеристике преступления, совершенного по ошибке, указывали на то, что преступник «не видел, не слышал и не мог подумать» [Уголовные установления 2005: 228]. Ошибочный характер действий преступника при определении наказаний за убийство и нанесение телесных повреждений не учитывался судом [Крашенинникова 1994: 56]. «Всякому, кто во время нанесения побоев в драке по ошибке убил стороннего человека ... наказание определяется как за убийство» (Цзюань 23) [Уголовные установления 2005: 238]. В Разъяснениях к статье 336 говорится, что в данном случае изначально имелось намерение нанести вред, и поэтому действия преступника не могут рассматриваться как нечаянные.

По мнению Е. И. Кычанова суть ошибки заключалась в неведении [Кычанов 1986: 43]. В Цзюани 1, в Разъяснениях говорится о последствиях совершения преступления по ошибке. Для таких преступников предусматривался откуп от наказания. Те, кто совершил преступление по ошибке, отдают металл, чтобы откупиться от наказания за такое преступление.

В китайском праве нет четкой и детальной фиксации понятийного аппарата и формальной определенности преступлений в зависимости от форм вины, присутствуют такие категории, как предумышленность, преднамеренность, неведение, ошибка и т. д. В диспозициях особенной части УК КНР такие понятия, как умысел и неосторожность, встречаются крайне редко. Обычно в нормах содержится указание на психологические характеристики конкретного поведения, такие как «сознательное», «намеренное», «с целью», «по недоразумению» и т. д. [Кораблева 2023: 77].

Право Древнего Китая, на примере закрепления положений в «Ши цзи», предусматривает ответственность только за действие. Более поздние памятники права Китая (династийные кодексы) под преступлением понимают не только общественно опасное действие, но и общественно опасное бездействие. Например, стражник знал, что нельзя, чтобы кто-либо проникал на охраняемую территорию, но позволил это сделать. «Самовольный вход в ворота императорского храма предков. Преднамеренно попустительствовавший преступнику получает то же самое наказание, что и преступник» (Цзюань 7) [Уголовные установления 1999: 292].

Также традиционное право Китая закрепляло случаи освобождения от уголовной ответственности. Например, если при задержании преступник оказывал сопротивление и был убит, стражник не наказывался за убийство. Чиновники должны были являться во дворец императора в отведенное время, но если чиновник явился к императору в неположенное время с известием о мятеже, то он не привлекался к ответственности.

Для китайского традиционного права характерно отсутствие такого института, как необходимая оборона. В случае, если сын или внук совершили преступления, защищая жизнь, здоровье своих родственников: отца, деда, матери, бабушки, они освобождались от ответственности. Обосновывалось это отсутствием преступной воли, которая должна быть при наказании преступника. Кроме этого в «Ши цзи» указывается обстоятельство, которое исключает преступность деяния, а именно исполнение приказа или распоряжения [Мазуркевич 2013: 26]. Также освобождался от ответственности слуга, если он совершил преступление по приказу своего господина.

Китайское право устанавливало ответственность за совершение преступления группой лиц. «Совершившими групповое преступление называются два человека и более, сообща совершившие преступление. Тот, кто первым задумал его, считается главарем, прочие считаются пособниками» (Цзюань 5) [Уголовные установления 1999: 237]. Для современного уголовного законодательства характерно закрепление понятия соучастия. Соучастие – это совместное умышленное участие двух и более лиц в совершении преступления. Статья 26 УК КНР устанавливает, что

главарь – это организатор, руководитель преступной группы, либо лицо, играющее главную роль в соучастии в преступлении.

Среди других институтов общей части уголовного права можно выделить покушение на совершение преступления. В «Ши цзи» описан следующий случай: «... Гао Цзянь, положив внутрь своего инструмента свинец, подошел к правителю и, подняв гусли, ударил ими Цинь Ши-хуана, но промахнулся. Гао Цзянь-ли был казнен» [Сыма Цянь 2003: 46].

Общее правило предусматривало установление более мягкого наказания за покушение на преступление. Это правило не действовало в отношении покушения на совершение тяжких преступлений. Смертная казнь в качестве наказания была предусмотрена как за покушение на совершение преступления против государства, так и за оконченное преступление. Например, при покушении на убийство предусматривалось наказание в виде удушения, а при оконченном преступлении – в виде обезглавливания. В статье 257 устанавливается ответственность за покушение на вызволение (освобождение) арестанта.

Уголовные установления Тан устанавливали ответственность за повторное совершение преступления, общее правило предусматривало более тяжкое наказание.

Существенное значение при привлечении к ответственности имел возраст и состояние здоровья преступника. Если преступник был старше 70 лет или младше 15 лет, или был инвалидом фэйцзи (лишенные одной конечности, слабоумные, глухонемые), и совершил преступление, за которое предусматривалось наказание ссылкой или более легкое, Уголовные установления Тан предусматривали откуп от наказания.

Также было возможно назначение более легкого наказания в случае совершения самых тяжких преступлений: Восстание против, Великая строптивость, убийство, если преступник был старше 80 лет либо младше 10 лет, либо инвалид дучзи (слепые на оба глаза, лишенные двух конечностей). Общее правило предусматривало наказание в виде смертной казни, но для данных категорий лиц возможно было смягчение наказания в результате подачи прошения на Высочайшее имя, если невозможно помилование. В случае совершения данными категориями иных преступлений: хищение, нанесение телесных повреждений – вместо наказания предусмотрен откуп. В данном случае Уголовные установления считают невозможным освобождение от наказания, так как было проявление преступной воли. При совершении других преступлений наказание вообще не предусматривалось.

Третья группа преступников по возрасту – старше 90 лет и младше 7 лет. Данные лица, даже в случае совершения тяжких преступлений, за которые устанавливается ответственность в виде смертной казни, не подлежали наказанию. Уголовное законодательство Цин также закрепляло, что дети до 7 лет не подвергаются наказанию. С семилетнего возраста дети предаются суду, но им дозволено откупаться от ссылки и прочих наказаний; в случае воровства у них отнимаются краденые предметы для возвращения их владельцу [Бичурин 1848: 20].

По мнению А. И. Чучаева и А. И. Коробеева, «в основе выделения смягчающих наказание обстоятельств лежали конфуцианские максимы, согласно которым необходимо было оказывать особое отношение к престарелым, проявлять сострадание к детям, беременным женщинам и т. д. [Чучаев 2022: 122]. Смягчение наказания было предусмотрено за убийство ночью в своем доме человека, в том случае, если собственник дома знал, что человек проник в дом не с целью нанести ущерб. В качестве примера причин проникновения приводятся следующие случаи: человек заблудился, ошибся, был пьяным, старым, малым, больным или женщиной. Наказание смягчалось на 2 степени.

Традиционное китайское право, также как и право других государств, не характеризовалось детальной разработкой основных понятий, характерных для общей части современного уголовного права. В династийных кодексах не закреплено понятие преступления. Несмотря на это, можно отметить, что для китайского права характерен подход к преступлению прежде всего как к проявлению преступной воли. «Понятие преступления в законодательстве трактовалось как проявление преступной воли человека, его низости, а духовное состояние виновного обуславливало тяжесть наказания» [Бичурин 1848: 75].

По традиционному праву Китая преступление – это, прежде всего, проявление преступной воли, а уже во вторую очередь противоправное действие или бездействие. Существенным моментом, присущим китайскому праву при рассмотрении понятия преступления, является то, что на первый план выступает именно субъективная сторона преступления.

Е. И. Кычанов называет преступным действие, запрещенное законом во время его совершения под страхом наказания [Кычанов 1986: 38]. Гораздо более широкую трактовку преступления предлагают А. Э. Черноков, И. И. Царьков. А. Э. Черноков в монографии «Сравнительное правоведение» подчеркивает, что «совершение преступления нарушало не только социальный порядок, но и космический» [Голубева 2020: 519]. Преступление могло посягать на установленный миропорядок в целом или на гармонию, порядок, сложившийся в отдельной социальной группе. Об этом писал У. Джонсон: «Имеются такие люди, страсти которых не обузданы, и которые поступают глупо, такие, чьи знания ничтожны и которые преступно нарушают законы. Если они занимают высокое положение, то они разрушают весь мир, а если они занимают низкое общественное положение, то они нарушают порядок своей собственной социальной группы» [Джонсон 1979: 49].

И. И. Царьков характеризует преступление как то, что не соответствует дозволенному. «Следовательно, недозволенным поведением является такое, которое отклоняется от правильного пути или является преградой в достижении поставленных властью целей... Таким образом, любое отклонение от Дао может считаться преступным деянием» [Царьков 2010: 1484].

Широкая трактовка понятия преступления была характерна и для других древних цивилизаций. Преступление с точки зрения официальной религиозно-политической идеологии Древнего Египта – деяние, которое преступает границы нормальности, разрушает нормальное устройство мира и нормальное течение жизни, причиняет зло живым существам и даже губит их, но вместе с тем является необходимым для существования мира [Томсинов 2011: 472].

Таким образом, преступление по традиционному праву Китая – это проявление преступной воли, нарушение установленных в обществе норм, правил поведения (ли), которое посягает на социальный порядок и гармонию мироздания, государства, общества, семьи.

Приоритет субъективной стороны в составе преступления оказал влияние на правоприменительную практику Китая:

- как правило, наказание за оконченное преступление и покушение на совершение преступления было менее строгим, за исключением случаев совершения преступлений против государства и других особо тяжких деяний;
- главарь, то есть лицо, замыслившее совершение преступления, наказывался более сурово, чем другие соучастники;
- для признания преступления, совершенного группой лиц, должно быть установлено наличие предварительного сговора;
- при назначении наказания учитывались: намерения преступника, внешние обстоятельства совершенного преступления, социальное положение преступника и потерпевшего [Скакун 2008: 404];
- на степень тяжести преступления и наказание влияло положение как преступника, так и потерпевшего в системе кровнородственных, семейных отношений. Как самое тяжкое преступление рассматривалось убийство родителей, деда, бабушки. Менее тяжким считалось убийство дяди, тети, старшего брата. Лишение жизни жены, младшего брата относилось к незначительным преступлениям. А убийство детей или внуков было вообще ненаказуемо.

Литература

- Алебастер Е. Заметки и комментарии на китайское уголовное право. Владивосток, 1903.
- Ахметшин Н. С. История уголовного права КНР. М., 2005.
- Бичурин Н. Я. Китай в гражданском и правовом состоянии. Ч2. СПб., 1848.
- Голубева Л. А., Черноков А. Э., Честнов И. Л. Сравнительное правоведение. Гатчина, 2020.
- Графский В. Г. История государства и права зарубежных стран. М., 2000.
- Дельнов А. А. Китай. М., 2008.
- Духовная культура Китая в 5 т. Т. 4. М., 2009.
- Законы великой династии Мин со сводным комментарием и приложением постановлений Ч. 1. М., 1997.
- Елисеефф В., Елисеефф, Д. Цивилизация классического Китая. Екатеринбург, 2007.
- Кенни К. С. Основы уголовного права. М., 1947.
- Козлов С. В. Китай. Гражданское и уголовное законодательство. СПб., 1899.
- Кораблева С. Ю. Вина в уголовно-правовой теории и практике зарубежных стран. М., 2023.
- Крашенинникова Н. А. История права Востока. М., 1994.
- Кычанов Е. И. Основы средневекового китайского права. М., 1986.
- Мазуркевич А. К. Уголовное право Древнего Китая: попытка реконструкции по историческому источнику «Ши Цзи» / Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». – 2013. - № 6 - С. 23-30.
- Савченко Д. А. Правовая безопасность государства по средневековому законодательству Китая / Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2013. - № 5 - С. 891-897.
- Самигуллин В. К. Восток: мозаика правовых традиций. М., 2021.
- Скакун О. Ф. Общее сравнительное правоведение. Киев, 2008.
- Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи) Т. 8. М., 2003.
- Томсинов В. А. Государство и право Древнего Египта. М., 2011.
- Уголовные установления Тан с разъяснениями. Тан люй шу и. Цзюани 1-8. СПб., 1999.
- Уголовные установления Тан с разъяснениями. Тан люй шу и. Цзюани 17-25. СПб., 2005.
- Царьков И. И. уголовная политика древних цивилизаций / Право и политика. – 2010. - № 8 - С. 1480-1492.
- Чучаев А. И., Коробеев А. И. Уголовный кодекс Китая: сплав правовой мысли и национальной специфики / Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. - 2022. - Т. 24, № 2. - С. 119–133.
- The Tang Code. T.1. General Principles, Translated with an Introduction by W. Johnson. Princeton, 1979.
- 张景峰. 中国法律传统与新时代的转型. 北京, 2005. Цзинфэн Чжан. Традиция китайского права и трансформация в новую эпоху. Пекин, 2005.
- 杨洪烈. 中国法律对东亚国家的影响. 上海, 1937. Ян Хунле. Влияние китайского права на страны Восточной Азии. Шанхай, 1937.

References

Akhmetshin, N. S. (2005). History of Criminal Law of the PRC. Moscow (in Russian).

- Alabaster, E. (1903). Notes and Comments on Chinese Criminal Law. Vladivostok (in Russian).
- Bichurin, N. Ya. (1848). China in Civil and Legal Status. Part 2. St. Petersburg (in Russian).
- Chuchaev, A. I., Korobyev, A. I. (2022). Criminal Code of China: a fusion of legal thought and national specifics. Asian-Pacific region: economics, politics, law, 24(2), 119-133 (in Russian).
- Criminal regulations of Tang with explanations. Tang lü shu and. Juani 1-8. (1999). St. Petersburg (in Russian).
- Criminal regulations of Tang with explanations. Tang lü shu and. Juani 17-25. (2005). St. Petersburg (in Russian).
- Delnov, A. A. (2008). China. Moscow (in Russian).
- Eliseeff, V., Eliseeff, D. (2007). Civilization of Classical China. Ekaterinburg (in Russian).
- Golubeva, L. A., Chernokov, A. E., Chestnov, I. L. (2020). Comparative Law. Gatchina (in Russian).
- Grafsky, V. G. (2000). History of the State and Law of Foreign Countries. Moscow (in Russian).
- Kenny, K. S. (1947). Fundamentals of Criminal Law. Moscow (in Russian).
- Korableva, S. Yu. (2023). Guilt in Criminal Law Theory and Practice of Foreign Countries. Moscow (in Russian).
- Kozlov, S. V. (1899). China. Civil and Criminal Legislation. St. Petersburg (in Russian).
- Krashenninnikova, N. A. (1994). History of Eastern Law. Moscow (in Russian).
- Kychanov, E. I. (1986). Fundamentals of Medieval Chinese Law. Moscow (in Russian).
- Laws of the Great Ming Dynasty with a Consolidated Commentary and Appendix of Resolutions. (1997). Part 1. Moscow (in Russian).
- Mazurkevich, A. K. (2013). Criminal Law of Ancient China: An Attempt at Reconstruction Based on the Historical Source "Shi Ji". Electronic Supplement to the "Russian Law Journal", 6, 23-30 (in Russian).
- Samigullin, V. K. (2021). East: Mosaic of Legal Traditions. Moscow (in Russian).
- Savchenko, D. A. (2013). Legal Security of the State under Medieval Legislation of China. Journal of Foreign Legislation and Comparative Law, 5, 891-897 (in Russian).
- Sima Qian. (2003). Historical notes (Shi ji) T. 8. Moscow (in Russian).
- Skakun, O. F. (2008). General comparative law. Kyiv (in Russian).
- Spiritual Culture of China in 5 volumes. (2009). Vol. 4. Moscow (in Russian).
- The Tang Code (1979). T.1. General Principles, Translated with an Introduction by W. Johnson. Princeton.
- Tomsinov, V. A. (2011). State and law of Ancient Egypt. Moscow (in Russian).
- Tsarkov, I. I. (2010). Criminal policy of ancient civilizations. Law and politics, 8, 1480-1492 (in Russian).
- 张景峰. (2005) 中国法律传统与新时代的转型. 北京. Jingfeng Zhang (2005). Tradition of Chinese Law and Transformation in the New Era. Beijing (in Chinese)
- 杨洪烈. (1937) 中国法律对东亚国家的影响. 上海. Yang Honglie (1937). The Influence of Chinese Law on East Asian Countries. Shanghai (in Chinese).

Citation:

- Моисеева О. Г. Понятие преступления и институтов общей части традиционного уголовного права Китая // Юрислингвистика. – 2025 – 38. – С. 15-21.
- Moiseeva O. G. (2025) The Concept of Crime and Institutions of the General Part of Traditional Criminal Law of China. Legal Linguistics, 38, 15-21.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Установление содержания категории «требования безопасности» при квалификации деяния по ст. 238 Уголовного кодекса РФ

А. Ю. Горожанкин

Прокуратура Алтайского края

ул. Партизанская, 97, 656043, Барнаул, Россия. E-mail: fest171@mail.ru

В статье рассмотрены вопросы установления категориального аппарата уголовного права на примере преступления, предусмотренного ст. 238 УК РФ. Диспозиция рассматриваемой нормы сформулирована обобщенно-отсылочно: в качестве одного из криминообразующих признаков она содержит указание на нарушение требований безопасности жизни и здоровья граждан. В этой связи при квалификации деяния нередко возникают вопросы, связанные с определением содержания категории «требования безопасности», в том числе в части обязательности требований об их нормативном закреплении как обязательном условии привлечения к уголовной ответственности. Исследуя вопрос о содержании уголовно-правовой категории «требования безопасности», автор на первом этапе обращается к лексическому содержанию лингвистической конструкции, устанавливая ее буквальное значение, а в дальнейшем на основе анализа доктрины уголовного права и правоприменительной практики наполняет ее специфическим уголовно-правовым значением.

Ключевые слова: уголовное право, категориальный аппарат, требования безопасности, уголовная ответственность.

Establishing the content of the category "safety requirements" when qualifying an act under Article 238 of the Criminal Code of the Russian Federation

A. Y. Gorozhankin

Public Prosecution Office of Altai Krai

97 Partizanskaya St., 656043, Barnaul, Russia. E-mail: fest171@mail.ru

The article discusses the issues of establishing the categorical apparatus of criminal law as exemplified by the crime under Article 238 of the Criminal Code of the Russian Federation. The disposition of the norm in question is stated in a general way and as a reference: it contains the indication of breach of security requirements for life and health of citizens as a principal crime sign. In this regard, when qualifying an act, questions often arise related to the definition of the content of the category "security requirements", including the mandatory requirements for their regulatory consolidation as a prerequisite for criminal prosecution. Investigating the issue of the content of the criminal law category "security requirements", the author first of all turns to the lexical content of the linguistic construction, establishing its literal meaning, and later, based on the analysis of the doctrine of criminal law and law enforcement practice, fills it with a specific criminal law meaning.

Key words: criminal law, categorical apparatus, security requirements, criminal liability.

Норма ст. 238 УК РФ относится к одной из востребованных правоприменительной практикой. Однако ее диспозиция сформулирована достаточно абстрактно, что обусловило вполне справедливую критику подобного подхода законодателя [Арихипов 2024: 43-48]. Анализ нескольких десятков уголовных дел на территории Сибирского федерального округа позволяет практически безоговорочно согласиться с позицией представителей науки уголовного права, обращающих внимание на существенную разноплановость в сферах применения рассматриваемой нормы: продажа алкоголя, выполнение работ в сфере жилищно-коммунального хозяйства, поставка ресурсов, оказание туристических услуг и т. д. [Пропостин 2025: 40-48]. Буквальное толкование диспозиции ст. 238 УК РФ в правоприменительной практике приводит к тому, что сама норма становится правовым инструментом «на все случаи жизни» [Прозументов 2018: 20-24], что, в свою очередь, приводит к необоснованному расширению уголовной репрессии и, безусловно, является абсолютно недопустимым, так как создает ситуацию перманентной неопределенности как для хозяйствующих субъектов, так и для потенциальных потерпевших [Федорова 2025: 49-56], а также нарушает фундаментальные принципы правовой системы России [Коренная 2024: 67-74].

Однако необходимо отметить и противоположный аспект обобщенного содержания диспозиции ст. 238 УК РФ: неконкретизированная формулировка уголовно-правовой нормы обеспечивает лаконичность уголовного закона, исключает излишнюю детализацию и перегруженность частными случаями допущения противоправного поведения. Подобный подход законодателя нередко оценивается как принципиально верный [Коренная 2024: 116-123].

В целях обеспечения баланса определенности и лаконичности уголовного закона, как представляется, необходимо сосредоточить внимание на теоретико-прикладной разработке универсальных правовых категорий, которые в дальнейшем могут быть применены как при формулировании примечаний к уголовно-правовым нормам, так и в рамках разъяснений Высшей Судебной инстанции.

Одной из категорий, нуждающихся в уточнении, является «требования безопасности товаров, работ, услуг», обеспечение которой – неотъемлемая обязанность предпринимателей, осуществляющих свою деятельность на потребительском рынке. Дефиниция «требования безопасности» вполне может быть отнесена к оценочным понятиям российского права, которые объективно необходимы, однако в большинстве случаев крайне дискуссионные [Белоусова 2024: 43-49].

На первом этапе формулирования предложений по формированию унифицированного подхода к определению рассматриваемой категории в процессе квалификации преступления, предусмотренного ст. 238 УК РФ, определим буквальное содержание лингвистической конструкции, состоящей из двух самостоятельных терминов – требования и безопасность.

Лексическое значение понятия «требования» (в значении, относящемся к теме настоящего исследования) – норма, совокупность условий или данных, которым кто- или что-либо должны соответствовать, либо правила, налагаемые кем-, чем-либо [Словарь русского языка 1999: URL].

Безопасность определяется как положение, при котором кому-, чему-либо не угрожает опасность [Словарь русского языка 1999: URL].

В социальном значении безопасность определяется исходя из сферы применения:

- состояние защищенности личности, общества, государства и среды жизнедеятельности от внутренних и внешних угроз или опасностей [Термины МЧС: URL],
- комплекс состояний, явлений и действий, обеспечивающий экологический баланс на Земле и в любых ее регионах на уровне, к которому физически, социально-экономически, технологически и политически готово человечество [Экологический словарь: URL],
- состояние международных отношений, обеспечивающее стабильность мирового сообщества [Экологический словарь: URL].

Как видим, определения термина «безопасность» крайне разнообразны. Однако согласимся с позицией о том, что их объединяет следующая общая характеристика – отсутствие состояния опасности [Чикунев 2021: 53-59].

Таким образом, лексическое значение двусоставной конструкции «требования безопасности» может быть определено следующим образом: совокупность условий и/или правил, в результате соблюдения которых обеспечивается состояние отсутствия опасности обществу, личности, государству, природе.

Лексическое значение термина преломляется применительно к предметной сфере его употребления. В настоящем случае подобное предметное значение имеет двуединую природу – нормативную (термин используется в тексте нормативно-правового акта) и ограниченно-содержательную (термин включен в текст уголовного закона, что предполагает его строгое, нерасширительное понимание).

Здесь ключевой проблемой, на наш взгляд, является следующее: обязательно ли при квалификации деяния по признакам преступления, предусмотренного ст. 238 УК РФ, нормативное закрепление обязательных требований. Речь идет о том, что наличие состава преступления устанавливается только в том случае, если требование, нарушенное предпринимателем, закреплено на нормативном уровне, например, в техническом регламенте, ГОСТе, СНИПе и т. д.

В настоящее время единого суждения по данному вопросу нет. Некоторые авторы исходят из того, что вывод о несоответствии товаров, работ и услуг можно сделать только при условии установления того, что такие товары, работы, услуги по своим качественным характеристикам нарушают какие-либо требования, установленные в нормативно-правовом акте [Газизов 2021: 44-48]. Другие исследователи высказывают противоположную точку зрения – требования безопасности являются общей категорией и буквальное содержание положения ст. 238 УК РФ не позволяет сделать вывод том, что подобные требования в обязательном порядке должны быть закреплены на нормативном уровне [Ибатуллина 2025: 91-97].

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.06.2019 № 18 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьей 238 Уголовного кодекса Российской Федерации» ответа на поставленный вопрос не дает. Анализ судебно-следственной практики позволяет сделать вывод, что категория «требования безопасности» применяется максимально расширительно и не ограничивается сугубо нормативными предписаниями [Определение Судебной коллегии], [Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции].

Как представляется, сформированный в судебно-следственной практике подход является верным. Данный тезис мы основываем на следующем. Во-первых, законодатель не указал в диспозиции уголовно-правовой нормы на необходимость нормативного закрепления требований безопасности. Во-вторых, общественная опасность рассматриваемого преступления обусловлена созданием угрозы жизни и здоровью потребителей товаров, работ, услуг. Соответственно, «привязка» подобной угрозы исключительно к нарушению тех требований безопасности, которые нашли отражение в нормативных источниках, не обеспечит надлежащую уголовно-правовую охрану жизни и здоровья, так как поставит ее в зависимость от наличия или отсутствия нормативного регулирования различного рода отношений, в которых участвуют гражданин-потребитель.

Однако, учитывая, что производство, хранение, перевозка либо сбыт товаров и продукции, выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности, влечет применение максимально репрессивных правовых

инструментов, следует выработать ограничения в применении категории «требования безопасности» при квалификации действий лица по ст. 238 УК РФ.

Подобные ограничения необходимо основывать на содержательном аспекте уголовно-правового запрета, который детально отражен в вышеуказанном Постановлении Пленума Верховного Суда РФ. В соответствии с п. 2 Постановления Пленума по смыслу закона уголовная ответственность по ч. 1 или по пунктам «а», «б» ч. 2 ст. 238 УК РФ наступает при условии, что опасность товаров, продукции, работ или услуг для жизни или здоровья человека является реальной.

О реальной опасности товаров и продукции может свидетельствовать, в частности, наличие в них на момент производства, хранения, перевозки или сбыта веществ или конструктивных недостатков, которые при употреблении или ином использовании этих товаров и продукции в обычных условиях могли повлечь смерть или причинение тяжкого вреда здоровью человека, а о реальной опасности выполняемых (выполненных) работ или оказываемых (оказанных) услуг – такое их качество, при котором выполнение работ или оказание услуг в обычных условиях могло привести к указанным тяжким последствиям.

Таким образом, обязательным условием привлечения к уголовной ответственности по ст. 238 УК РФ является наличие реальной (не мнимой или вероятной) угрозы причинения вреда жизни или здоровью. Именно данное содержательное качество может быть положено в основу ограничений в толковании уголовно-правового термина «требования безопасности». В практической плоскости реальность угрозы может быть установлена в двух случаях.

Во-первых, в случае нарушения виновным лицом нормативно-установленных правил (см., например, технические регламенты безопасности) устанавливается презумпция возникновения реальной угрозы жизни и здоровью потребителя.

Во-вторых, при отсутствии подобных нормативных правил для квалификации действий лица по ст. 238 УК РФ необходимо устанавливать всю совокупность объективных и субъективных факторов, связанных с совершением деяния и фиксировать, каким образом, должна была обеспечиваться безопасность потребителя, каким критериям безопасности должны были соответствовать товары, работы, услуги.

Проведенное выше исследование позволяет сформулировать следующие признаки категории «требования безопасности», которые следует применять при квалификации деяний по ст. 238 УК РФ:

- подобные требования могут носить единственный или комплексный характер (ответственность наступает как при нарушении одного требования, так и нескольких),
- данные правила (условия) обязательны для исполнения заинтересованными лицами (в настоящем случае – предпринимателями, осуществляющими деятельность на потребительском рынке и реализующими товары, выполняющими работы и оказывающими услуги непосредственно физическим лицам),
- требования могут быть закреплены нормативно, а могут быть установлены на основании совокупности объективных и субъективных признаков, характеризующих конкретный поведенческий акт,
- обязательным условием признания требований уголовно-правовой категорией является то, что в результате их нарушения причиняется и/или создается угроза причинения реального вреда жизни и здоровью физических лиц-потребителей,
- обязательные требования в целом могут применяться в отношении как физических, так и юридических лиц, однако для квалификации конкретных действий виновного лица по ст. 238 УК РФ необходимо, чтобы нарушение обязательных норм и правил было допущено в отношении физического лица-потребителя.

Изложенная совокупность признаков позволяет отграничить обязательные требования как уголовно-правовую категорию и может являться теоретическим основанием для дальнейшего формулирования универсальной правовой дефиниции, применение которой допустимо в иных отраслях права.

Литература

- Архипов А. В. Некоторые проблемы применения ст. 238 УК РФ / Российская юстиция. - 2024. - № 8. - С. 43-48.
- Белюсова К. А. Содержание категории и критерии определения «злоупотребление правом»: теоретико-прикладное исследование / Юрислингвистика. - 2024. - № 32. - С. 43-49.
- Газизов Т. И. К вопросу об уголовной ответственности за оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности / Право. - 2021. - № 1. - С. 44-48.
- Ибатуллина А. Н. Проблемы квалификации преступления, предусмотренного ст. 238 Уголовного кодекса Российской Федерации / Вестник Казанского юридического института МВД России. - 2025. - Т. 16. - № 2. - С. 91-97.
- Коренная А. А. Дискуссионные вопросы уголовной ответственности за производство, приобретение, хранение, перевозку или сбыт товаров и продукции без маркировки и (или) нанесения информации, предусмотренной законодательством (ст. 171.1 УК РФ) / Журнал прикладных исследований. - 2024. - № 5. - С. 116-123.
- Коренная А. А. Реализация правовых принципов при формировании теоретической модели уголовно-правовой охраны экономической деятельности / Российско-азиатский правовой журнал. - 2024. - № 4. - С. 67-74.
- Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 14.12.2020 № 49-УДП21-51-К6.
- Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 13.02.2020 № 77-114/2020
- Прокументов Л. М., Архипов А. В. Ошибки толкования ст. 238 УК РФ в деятельности субъектов правоприменения / Российская юстиция. - 2018. - № 12. - С. 20-24.
- Пропостин А. А. Проблемы квалификации производства, хранения, перевозки или сбыта товаров и продукции, выполнения работ или оказания услуг, не отвечающих требованиям безопасности (ст. 238 УК РФ) / Уголовное право. - 2025. - № 7. - С. 40-48.

Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований: под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М., 1999; URL: <https://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/19/ma440123.htm?cmd=0&istext=1>

Термины МЧС России / МЧС России. URL: <https://www.mchs.gov.ru/ministerstvo/o-ministerstve/terminy-mchs-rossii/term/3180>

Федорова Е. А. Оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности: вопросы квалификации / Уголовное право. - 2025. - № 6. - С. 49-56.

Чикунев И. А., Сербиновская Н. В. Анализ дефиниции термина «безопасность» / Вестник науки и образования Северо-Запада России. - 2021. - Т. 7. - № 1. - С. 53-59.

Экологический словарь / ЭКО-школа. URL: <https://www.sites.google.com/site/ecoschkola/ekologiceskij-slovar>.

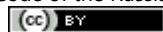
References

- Arkhipov, A. V. (2024). Some problems of the application of art. 238 of the Criminal Code of the Russian Federation of the Criminal Code of the Russian Federation. *Russian Justice*, 8, 43-48 (in Russian).
- Belousova, K. A. (2024). The content of the category and criteria for determining "abuse of law": theoretical and applied research. *Jurislinguistics*, 32, 43-49 (in Russian)
- Gazizov, T. I. (2021). On the issue of criminal liability for the provision of services that do not meet safety requirements. *Pravo*, 1, 44-48 (in Russian).
- Ibatullina, A. N. (2025). Problems of qualification of a crime under Article 238 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 16, 2, 91-97 (in Russian).
- Korennaya, A. A. (2024). Controversial issues of criminal liability for the production, acquisition, storage, transportation or sale of goods and products without labeling and (or) applying information provided for by law (art. 171.1 of the Criminal Code of the Russian Federation). *Journal of Applied Research*, 5, 116-123 (in Russian).
- Korennaya, A. A. (2024). Implementation of legal principles in the formation of a theoretical model of criminal law protection of economic activity. *Russian-Asian Law Journal*, 4, 67-74 (in Russian).
- Definition of the Judicial Board for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated 12/14/2020 No. 49-UDP21-51-K6 (in Russian).
- Cassation ruling of the Second Cassation Court of General Jurisdiction dated 02/13/2020 No. 77-114/2020 (in Russian).
- Prosumentov, L. M., Arkhipov, A. V. (2018). Errors in interpretation of art. 238 of the Criminal Code of the Russian Federation in the activities of law enforcement entities. *Russian Justice*, 12, 20-24 (in Russian).
- Propostin, A. A. (2025). Problems of qualification of production, storage, transportation or sale of goods and products, performance of works or provision of services that do not meet safety requirements (art. 238 of the Criminal Code of the Russian Federation). *Criminal law*, 7, 40-48 (in Russian).
- Dictionary of the Russian language: In 4 volumes (1999). RAS, Institute of Linguistics. Research: edited by A. P. Evgenieva. 4th ed., ster. Moscow. Available from: <https://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/19/ma440123.htm?cmd=0&istext=1> (in Russian).
- Terms of the Ministry of Emergency Situations of Russia. The Ministry of Emergency Situations of Russia. Available from: <https://www.mchs.gov.ru/ministerstvo/o-ministerstve/terminy-mchs-rossii/term/3180> (in Russian).
- Fedorova, E. A. (2025). Rendering services that do not meet security requirements: qualification issues. *Criminal law*, 6, 49-56 (in Russian).
- Chikunov, I. A., Serbinovskaya, N. V. (2021). Analysis of the definition of the term "security". *Bulletin of Science and Education of the North-West of Russia*, 7, 1, 53-59 (in Russian).
- Ecological dictionary. ECO-school. Available from: <https://www.sites.google.com/site/ecoschkola/ekologiceskij-slovar> (in Russian).

Citation:

Горожанкин А. Ю. Установление содержания категории «требования безопасности» при квалификации деяния по ст. 238 Уголовного кодекса РФ // Юрислингвистика. – 2025 – 38. – С. 22-25.

Gorozhankin A. Y. (2025) Establishing the content of the category "safety requirements" when qualifying an act under Article 238 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Legal Linguistics*, 38, 22-25.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Перечневый подход к категоризации преступлений

Е. Е. Мелюханова

*Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева
ул. Комсомольская, 21, 620137, Екатеринбург, Россия. E-mail: melyukhanova@list.ru*

Статья посвящена категоризации преступлений в российском уголовном праве. Автором обсуждается возможность применения перечневого подхода к категоризации преступлений. По мнению автора, стремление законодателя к сбалансированности текста уголовного закона не должно превалировать над необходимостью строгого определения категорий преступлений. Предлагается определенная группировка преступлений, которая может быть основанием для реализации перечневого подхода к категоризации преступлений. На примере Раздела VII УК РФ представлен возможный вариант определения категорий преступлений. В заключении автор приходит к выводу о том, что перечневый подход к категоризации преступлений является потенциально реализуемым и может способствовать логичной упорядоченности преступлений, предусмотренных уголовным законом.

Ключевые слова: уголовное право, преступление, категория преступления, перечневый подход.

List-Based Approach to Categorizing Crimes

E. E. Melyukhanova

*Ural State Law University named after V. F. Yakovlev
21 Komsomolskaya St., 620137, Yekaterinburg, Russia. E-mail: melyukhanova@list.ru*

The article considers the categorization of crimes in the Russian criminal law. The author discusses the possibility of applying a list-based approach to the categorization of crimes. According to the author, the legislator's desire for a balanced criminal law text should not take precedence over the need for a strict definition of crime categories. The author proposes a specific grouping of crimes that can serve as a basis for implementing a list-based approach to the categorization of crimes. Using the example of Chapter VII of the Criminal Code of the Russian Federation, the author presents a possible approach to defining crime categories. Finally, the author concludes that the list-based approach to categorizing crimes is potentially feasible and can contribute to a logical organization of crimes under the criminal law.

Key words: criminal law, crime, category of crime, list approach.

Нормативная категоризация преступлений в уголовном праве является наиболее значимой и имеет наибольшее уголовно-правовое значение среди других ее видов. П. И. Люблинский считал, что «весьма полезным приемом законодательной систематики является деление преступных деяний на группы в зависимости от тяжести деяний» [Люблинский 2014: 48]. При этом категоризация преступлений в первую очередь рассматривается как одно из важнейших средств дифференциации ответственности в уголовном законе [Кулева 2021].

Показательно то, что «нормы о категориях преступлений красной нитью проходят через УК РФ, что определяет их субстанциональное значение для уголовного права. Они влияют на построение его институтов: рецидива преступлений, назначения наказания и освобождения от уголовной ответственности и наказания, сроков давности, а кроме того, широко воплощаются в материи уголовно-процессуального законодательства» [Лесниевски-Костарева 2000: 47].

Категоризация преступлений, предусмотренная в ст. 15 УК РФ, в настоящее время основана на критерии максимального наказания в виде лишения свободы, содержащегося в санкции статьи Особенной части УК РФ. При этом «содержащиеся в УК РФ санкции были, есть и будут субъективной оценкой законодателя, которая может меняться под влиянием самых различных факторов, что может сказаться и на отнесении преступления к той или иной категории» [Гонтарь 2003: 123]. При этом в ч. 1 ст. 15 УК РФ заявлены абсолютно другие критерии категоризации, а именно характер и степень общественной опасности деяния.

Очевидно, что «избранную законодателем в качестве ориентира категоризации деяний модель нельзя назвать совершенной. В идеале пенализация отражает общественную опасность деяния и может рассматриваться в качестве объективной оценки степени воздействия посягательства на охраняемые уголовным законом общественные отношения и интересы. Фактически же сложившаяся система пенализации далека от совершенства и не отражает действительной опасности посягательства» [Козаченко, Сергеев 2018: 109].

Относительно определения общественной опасности деяния существуют принципиальные затруднения в связи с тем, что понятие общественной опасности не определено. Поэтому, «признавая те или иные деяния элементами множества «общественно опасные деяния», законодатель ни на какое четко и точно определяемое понятие не опирается. Для законодателя не существует строго обозначенных признаков общественной опасности. Для него «общественная опасность» – это исходное, неопределяемое понятие. А это значит, что «общественная опасность» является таким понятием, которое не имеет заранее установленных признаков, по наличию или отсутствию которых можно было бы делать вывод о наличии или отсутствии в конкретном деянии Q общественной опасности» [Жеребкин 1976: 44].

Классификаций преступлений много (по разным критериям), а категоризация одна. Однако категоризация преступлений не соответствует правилам и критериям категоризации. Рассуждая в соответствии с неклассической теорией категоризации, прототипом является «преступление» – общественно опасное деяние. «Если обратиться к терминам лексической семантики, под прототипом можно понимать выделенный из массы остальных денотат, в котором наиболее полно и явно воплощено сигнификативное значение. Остальные элементы в зависимости от полноты реализации существенных признаков категории располагаются в ментальной градуированной зоне от ядра до периферии. На периферии находятся максимально отклоняющиеся от остальных элементов, но, тем не менее, входящие в данную категорию элементы» [Гизатуллин 2017: 92]. Таким образом, под категорию общественно опасного деяния попадают гражданско-правовые деликты, правонарушения и преступления, а не категории преступлений.

Безусловно, характер и степень общественной опасности деяния находят свое отражение именно в наказании. Однако наказание само по себе не может быть критерием категоризации преступлений. «Если сущностью преступления является общественная опасность преступления как объективная категория, существующая вне нашего сознания, то наказание (в том числе и назначаемое судом) должно обуславливаться преступлением и его категорией, а не категория преступления – наказанием» [Михаль 2012: 114].

В связи с тем, что в науке уголовного права до сих пор не выработаны четкие правила определения общественной опасности, следует законодательно установить категории преступлений. Способ законодательного закрепления категорий преступлений должен быть перечневый. Верным представляется, что «разделение всех преступлений на отдельные категории должно строиться на перечне преступлений, относящихся к той или иной однородности, т. е. объективному, устойчивому критерию» [Гонтарь 2003: 123]. По мнению Е. В. Благова, «категории преступлений непосредственно надлежало бы определять путем подключения к общественной опасности признака запрещенности и строить по перечневому принципу: преступлениями небольшой тяжести (средней, тяжкими или особо тяжкими) признаются деяния, запрещенные такими-то статьями или частями статей Особенной части Уголовного кодекса» [Благов 2025: 133]. Однако далее автор критикует перечневый подход к категоризации преступлений по причине его громоздкости. По нашему мнению, стремление законодателя к сбалансированности текста уголовного закона не должно превалировать над необходимостью строгого определения категорий преступлений. Кроме того, перечневый подход реализован законодателем при определении подсудственности в УПК РФ.

Относительно категоризации преступлений перечневый подход может быть основан на следующей группировке преступлений. Преступлениями небольшой тяжести следует признать наименее опасные посягательства, преимущественно связанные с причинением имущественного и морального вреда, либо причинением физического вреда по неосторожности, а также с нарушением прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства. Преступлениями средней тяжести следует признать более опасные посягательства, связанные с причинением физического, имущественного и морального вреда. Тяжкими преступлениями следует признать посягательства, связанные с причинением физического вреда, а также ставящие в опасность жизнь и здоровье человека. К особо тяжким преступлениям следует отнести посягательства, связанные с причинением смерти, а также ставящие в опасность указанный объект уголовно-правовой охраны.

Не претендуя на исчерпывающий перечень всех преступлений, предусмотренных УК РФ, на примере Раздела VII, статья 15 может выглядеть следующим образом:

Статья 15. Категории преступлений

1. В зависимости от характера и степени общественной опасности деяния, предусмотренные настоящим Кодексом, подразделяются на преступления небольшой тяжести, преступления средней тяжести, тяжкие преступления и особо тяжкие преступления.

2. Преступлениями небольшой тяжести признаются преступления, предусмотренные статьями 119, 124, 124.1, 125, 128.1, 135, 136, 137, 138, 138.1, 139, 140, 141, 141.1, 142, 142.1, 142.2, 143, 144, 144.1, 145, 145.1, 146, 147, 148, 149, 151, 155, 157 настоящего Кодекса.

3. Преступлениями средней тяжести признаются преступления, предусмотренные статьями 112, 115, 116, 117, 120, 121, 123, 128, 133, 134, 150, 154, 156 настоящего Кодекса.

4. Тяжкими преступлениями признаются преступления, предусмотренные статьями 110, 111, 122, 126, 127, 127.1, 127.2, 131, 132, 151.2, 153 настоящего Кодекса.

5. Особо тяжким преступлением признается преступление, предусмотренное статьей 105 настоящего Кодекса.

Не все преступления, содержащиеся в Разделе VII УК РФ, представлены в приведенной категоризации по следующим соображениям.

Так, некоторые преступления, содержащиеся в Особенной части УК РФ, которые представляют собой квалифицированные либо привилегированные составы, следует исключить и предусмотреть правила индивидуализации уголовной ответственности и наказания в Общей части УК РФ. То же самое касается квалифицированных составов преступлений.

Квалифицирующий признак, связанный с множественностью потерпевших (п. «а» ч. 2 ст. 105, п. «в» ч. 2 ст. 110, п. «б» ч. 3 ст. 111 УК РФ и другие), также следует исключить. В подобных случаях деяние должно квалифицироваться по совокупности

преступлений, что соответствуют правилам логики и принципу справедливости. Аналогично квалифицирующие признаки в составах преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности, связанные с заражением венерической болезнью, либо ВИЧ-инфекцией, следует исключить, поскольку они образуют самостоятельные составы преступлений (ст. 121 и ст. 122 УК РФ). Также следует исключить и другие статьи, содержащие так называемую учтенную законодателем совокупность преступлений. В частности, ч. 4 ст. 111 УК РФ. Совокупность преступлений, учтенная законодателем при конструировании квалифицированного состава преступления, является избыточной, нарушает логику строения уголовного закона и затрудняет квалификацию преступлений.

Отсутствует необходимость существования в уголовном законе отдельных составов преступлений, которые абсолютно идентичны по всем признакам за исключением формы вины. Вполне достаточным представляется наличие в уголовном законе умышленных преступлений, что в данном контексте исключает необходимость введения одноименных преступлений только на основании изменения формы вины. При этом речь не идет о необходимости исключения всех преступлений, совершенных по неосторожности.

Изменение формы вины не является самостоятельным основанием криминализации. И умышленное преступление, и неосторожное нарушают один и тот же объект уголовно-правовой охраны, приводят к наступлению одних и тех же общественно опасных последствий, поэтому сущность преступления не меняется при изменении формы вины, изменяется лишь степень его общественной опасности, которая оказывает влияние на наказание через изменение категории преступления. В связи с этим, по нашему мнению, возможно закрепить в уголовном законе правило, согласно которому изменение формы вины при совершении умышленного преступления, предусмотренного УК РФ, влечет изменение категории преступления на менее тяжкую на две категории.

Кроме того, указанное правило полностью соответствует позиции законодателя в части отсутствия оснований криминализации причинения средней тяжести и легкого вреда здоровью по неосторожности, поскольку указанные преступления, совершенные умышленно, являются преступлениями небольшой тяжести, что исключает возможность изменения категории преступления на менее тяжкую. Таким образом, статья 105 УК РФ должна предусматривать уголовную ответственность за причинение смерти, а не за убийство. Аналогично, статья 111 УК РФ – за причинение тяжкого вреда. Изменение формы вины не изменит квалификацию. Это повлияет на изменение категории преступления, и, как следствие, на назначение наказания.

Статья 110.1 УК РФ представляет собой подстрекательство либо пособничество, связанные с совершением преступления, предусмотренного ст. 110 УК РФ. Правила квалификации данных деяний предусмотрены ст. 34 УК РФ, поэтому наличие отдельного состава преступления, предусмотренного ст. 110.1 УК РФ, нарушает логическую структуру уголовного закона и подлежит исключению. То же самое касается организаторской деятельности по ст. 110.2 УК РФ.

Таким образом, перечневый подход к категоризации преступлений является потенциально реализуемым и может способствовать логичной упорядоченности преступлений, предусмотренных уголовным законом.

Литература

- Благов Е. В. Уголовно-правовые категории: преступление. М., 2025.
- Гизатуллин Д. Э. Общенаучные и философские аспекты термина «категория» в лингвистике / Филологические науки. Вопросы теории и практики. - 2017. - № 12-2(78). - С. 90-93.
- Гонтарь И. Я. Категоризация преступлений в основании институтов уголовного права: социально-правовые последствия / Известия высших учебных заведений. Правоведение. - 2003. - № 4(249). - С. 116-128.
- Жеребкин В. Е. Логический анализ понятий права. Киев, 1976.
- Козаченко И. Я., Сергеев Д. Н. Потенциал категоризации преступлений в сфере экономической деятельности / Herald of the Euro-Asian Law Congress. - 2018. - № 2. - С. 105-112.
- Кулева Л. О. Категоризация преступлений: de lege lata et de lege ferenda. М., 2021.
- Лесниевски-Костарева Т. А. Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2000.
- Люблинский П. И. Техника, толкование и казуистика уголовного кодекса: монография / под ред. В. Л. Томсинова. М., 2014.
- Михаль О. А. Характер и степень общественной опасности как критерий классификации преступлений / Известия высших учебных заведений. Правоведение. - 2012. - № 6(305). - С. 106-118.

References

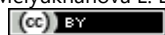
- Blagov, E. V. (2025). Criminal Law Categories: Crime: a monograph. Moscow (in Russian).
- Gizatullin, D. E. (2017). General Scientific and Philosophical Aspects of the Term "Category" in Linguistics. Philological Sciences. Issues of Theory and Practice, 12-2(78), 90-93 (in Russian).
- Gontar, I. Ya. (2003). Categorization of Crimes in the Basis of Criminal Law Institutions: Social and Legal Consequences. Izvestiya of Higher Educational Institutions. Jurisprudence, 4(249), 116-128 (in Russian).
- Zherebkin, V. E. (1976). Logical Analysis of the Concepts of Law: a monograph. Kiev (in Russian).
- Kozachenko, I. Ya., Sergeev, D. N. (2018). The Potential of Categorization of Crimes in the Sphere of Economic Activity. Herald of the Euro-Asian Law Congress, 2, 105-112 (in Russian).
- Kuleva, L. O. (2021). Categorization of Crimes: de lege lata et de lege ferenda: a monograph. Moscow (in Russian).
- Lesniewski-Kostareva, T. A. (2000). Differentiation of Criminal Responsibility. Theory and Legislative Practice. 2nd edition, revised and expanded. Moscow (in Russian).

-
- Lyublinsky, P. I. (2014). *Technique, Interpretation, and Casuistry of the Criminal Code: a Monograph* / Edited by V. L. Tomsinov. Moscow (in Russian).
- Mikhal, O. A. (2012). The Nature and Degree of Social Danger as a Criterion for Classifying Crimes. *Izvestiya Vysshikh Uchebnykh Zavedeniy. Pravovedenie*, 6(305), 106-118 (in Russian).
-

Citation:

Мелюханова Е. Е. Перечневый подход к категоризации преступлений // Юрислингвистика. – 2025 – 38. – С. 26-29.

Melyukhanova E. E. (2025) List-Based Approach to Categorizing Crimes. *Legal Linguistics*, 38, 26-29.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

«Рабочее место» и «место работы» как правовые категории: соотношение и взаимосвязь

И. В. Рехтина¹, Ю. Е. Василенко²

Алтайский государственный университет

пр. Ленина, 61, 656049, Барнаул, Россия. E-mail: ¹jerdel80@mail.ru, ²vasilenkojulia77@mail.ru

В статье рассматриваются правовые категории «рабочее место» и «место работы», их содержание, соотношение и взаимосвязь в системе трудового права. На основе анализа законодательства, судебной практики и научных подходов выявляются различия в юридической природе указанных понятий, а также проблемы их разграничения в теории и практике правоприменения. Особое внимание уделяется вопросам квалификации места выполнения трудовой функции при дистанционной, а также значению данных категорий для установления трудовых гарантий и компенсаций. Авторы обосновывают необходимость уточнения законодательных формулировок в целях достижения правовой определенности и обеспечения баланса интересов работников и работодателей.

Ключевые слова: рабочее место, место работы, дистанционная работа, трудовые гарантии, компенсации.

«Workplace» and «Place of Work» as Legal Categories: Correlation and Interrelation

I. V. Rekhtina¹, Yu. E. Vasilenko²

Altai State University

61 Lenina St., 656049, Barnaul, Russia. E-mail: ¹jerdel80@mail.ru, ²vasilenkojulia77@mail.ru

The article examines the legal categories of "workplace" and "place of work," their content, correlation, and interrelation within the labor law system. Based on the analysis of legislation, judicial practice, and scholarly approaches, the differences in the legal nature of these concepts are identified, as well as the challenges of their differentiation in theory and law enforcement practice. Particular attention is paid to the qualification of the place of performing labor functions in the context of remote work, as well as to the significance of these categories for establishing labor guarantees and compensations. The authors present an argument for the need to clarify legislative wording in order to achieve legal certainty and ensure a balance of interests between employees and employers.

Key words: workplace, place of work, remote work, labor guarantees, compensations.

В трудовом праве сформирован обширный понятийный аппарат. Однако отдельные термины отличаются сходным звучанием, что нередко вызывает их смешение. К таким категориям относятся «рабочее место» и «место работы», требующие анализа их соотношения и взаимосвязи. Несмотря на близость терминологии, указанные категории не являются тождественными. Их разграничение имеет принципиальное значение.

Согласно ч. 7 ст. 209 Трудового кодекса РФ (далее – ТК РФ), рабочее место – место, где работник должен находиться или куда ему необходимо прибыть в связи с его работой и которое прямо или косвенно находится под контролем работодателя.

В научной литературе встречаются различные подходы к определению категории «рабочее место». Так, А. В. Крузе предлагает авторское определение данного понятия. По его мнению, рабочее место следует понимать как согласованную между работодателем и работником часть пространства в производственной среде, включающую одну или несколько рабочих зон, находящихся под контролем работодателя, в пределах которых работник обязан находиться либо прибывать для исполнения своих трудовых обязанностей [Крузе 2015: 6].

В то же время ТК РФ не содержит легального определения понятия категории «место работы». В доктрине трудового права под ним принято понимать конкретную организацию, находящуюся в определенном населенном пункте, а также ее филиал, представительство или иное обособленное структурное подразделение. При этом, если организация и ее подразделение расположены в разных местностях, согласно части второй ст. 57 ТК РФ местом работы сотрудника признается именно соответствующее структурное подразделение (Обзор практики рассмотрения судами дел, связанных с осуществлением гражданами трудовой деятельности в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26.02.2014) (ред. от 26.04.2017)).

Помимо этого, И. А. Прасолова обращает внимание на то, что под местом работы, как правило, понимаются: наименование работодателя; населенный пункт, в котором он расположен. При этом территориальные пределы такой местности определяются административными границами соответствующего населенного пункта (п. 16 Постановления Пленума ВС РФ от 17 марта 2004 г. № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации») [Прасолова 2008: 247].

Похожей точки зрения придерживаются и современные исследователи, развивающие данную концепцию в своих работах. В частности, А. В. Черных подчеркивает, что условие о месте работы в трудовом договоре должно содержать наименование работодателя и указание местности его расположения [Черных 2020: 101].

Эксперт Министерства труда и социального развития Т. В. Маленко отмечает, что некоторые работодатели путают такие понятия, как «место работы» и «рабочее место» [Маленко 2021]. Верховный Суд РФ в Обзоре практики рассмотрения судами дел, связанных с осуществлением гражданами трудовой деятельности в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, утвержденном Президиумом Верховного Суда РФ 26.02.2014 г., указывает, что под местом работы понимается расположенная в определенной местности (населенном пункте) конкретная организация, ее представительство, филиал, иное обособленное структурное подразделение (Обзор практики рассмотрения судами дел, связанных с осуществлением гражданами трудовой деятельности в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26.02.2014) (ред. от 26.04.2017). Согласно ст. 54 Гражданского кодекса РФ место нахождения юридического лица определяется местом его государственной регистрации на территории Российской Федерации путем указания наименования населенного пункта (муниципального образования). Следовательно, под местом работы следует понимать наименование работодателя и населенный пункт, а под рабочим местом непосредственно понимается то место, где работник выполняет свою трудовую функцию.

Вместе с тем в судебной практике можно встретить примеры правильного смыслового разграничения данных терминов. Например, в одном из трудовых договоров, представленных в суде, были зафиксированы положения, позволяющие проследить различие между понятиями «место работы» и «рабочее место».

Так, в п. 1.4 договора было указано: «место работы Работника – ... Нижегородский филиал ... в ...». В то же время раздел 2.1.2 определял права работника и, в частности, закреплял: право на рабочее место, соответствующее требованиям законодательства Российской Федерации, нормам безопасности труда и локальным нормативным актам работодателя (п. 2.1.2.2) (Приговор Городецкого городского суда (Нижегородской области) от 19 мая 2020 г. по делу № 1-1/2020).

Таким образом, из содержания договора следует, что «место работы» связывается с организацией и ее структурным подразделением, тогда как «рабочее место» характеризует конкретные условия, в которых работник выполняет трудовую функцию.

В научной литературе подчеркивается, что законодательное закрепление условия о месте работы включает в себя два взаимосвязанных элемента: территориальный и организационный. Территориальный элемент предполагает определение места работы в конкретной местности, как в широком понимании (например, в определенной климатической зоне), так и в узком (в пределах административно-территориального образования, на территории работодателя, отдельного объекта или участка).

Организационный элемент связывает место работы с определенной организацией, в структуре которой работник осуществляет свою трудовую деятельность [Крузе 2020: 76].

Д. И. Бабков справедливо указывает, что отсутствие четкого разграничения категорий «место работы», «место постоянной работы» и «рабочее место» создает возможности для их произвольного толкования работодателями, в том числе при увольнении работников. На практике наиболее распространенным основанием является п. «а» ч. 6 ст. 81 ТК РФ – прогул, под которым понимается отсутствие на рабочем месте без уважительных причин в течение всего рабочего дня либо более четырех часов подряд. При этом, как отмечает исследователь, в судебной практике встречаются противоположные подходы к вопросу: может ли считаться прогулом отсутствие работника именно на рабочем месте при его фактическом нахождении на территории работодателя [Бабков 2012: 79].

Практическое смешение терминов «место работы» и «рабочее место» способно нарушить принцип правовой определенности, неразрывно связанный со стабильностью правовой нормы. Как отмечается в литературе, для обеспечения стабильности правового регулирования необходима четкая определенность и ясность границ правовой нормы [Рехтина 2022: 75].

В связи с подобными событиями целесообразно использовать вместо термина «рабочее место» формулировку «место выполнения трудовой функции» в тексте ТК РФ.

Особую значимость разграничение понятий «рабочее место» и «место работы» приобретает в условиях дистанционной занятости. Согласно ч. 1 ст. 312.1 ТК РФ, при заключении трудового договора о дистанционной работе работодатель вправе не определять для работника стационарное рабочее место.

В отдельных случаях работодатель может закрепить за дистанционным работником конкретное рабочее место путем включения соответствующего условия в трудовой договор (Решение Гагаринского районного суда г. Москвы от 10.03.2021 по делу № 02-1435/2021). Из анализа судебной практики можно сделать вывод, что, как правило, оформление условия о месте работы дистанционного работника представляет собой следующую формулировку: «местом выполнения трудовых функций работника является город...» (Решение Заельцовского районного суда г. Новосибирска (Новосибирской области) от 27 сентября 2019 г. по делу № 2-2455/2019). Однако наибольший научный интерес представляют ситуации, когда в договоре прямо указывается: «место выполнения трудовой функции определяется работником самостоятельно». В научной литературе отмечается, что в подобных ситуациях работодатель, взаимодействуя с дистанционным работником, фактически лишается возможности осуществлять традиционный контроль за таким условием, как место работы [Черных 2021: URL].

Вместе с тем в случае с удаленным сотрудником за работодателем сохраняется обязанность, установленная ст. 146 ТК РФ, платить работнику районный коэффициент и северные надбавки. Следовательно, остается не вполне ясным, обязан ли работодатель устанавливать ограничения относительно местонахождения работника. В частности, суды указывают, что самостоятельный выбор дистанционным работником места выполнения трудовой функции без предварительного согласования с работодателем, а также последующая деятельность в данной местности не образуют оснований для предоставления дополнительных трудовых гарантий, в том числе права на компенсации за работу в особых климатических условиях (Решение Калужского районного суда (Калужская область) от 18 января 2024 г. по делу № 2-5002/2022~М-3824/2022).

Помимо этого, дистанционного работника нельзя считать свободным в выборе рабочего места. Ч. 2 ст. 312.8 ТК РФ позволяет работодателю расторгнуть трудовой договор с дистанционным работником в случае изменения работником местности выполнения трудовой функции, если это влечет невозможность исполнения работником обязанностей по трудовому договору на прежних условиях.

В отношении подобных случаев Н. А. Романовская полагает целесообразным закреплять в трудовом договоре с дистанционным работником обязательное условие о местности выполнения трудовых обязанностей [Романовская 2022: 145].

Действительно, отсутствие закреплённого в трудовом договоре условия о местности выполнения трудовых обязанностей дистанционным работником способно порождать правовую неопределённость в вопросе предоставления гарантий и компенсаций, связанных с особыми условиями труда.

Представляется целесообразным дополнить ст. 57 ТК РФ, установив в трудовом законодательстве обязанность включать в трудовой договор с дистанционным работником положение о местности выполнения трудовой функции.

Таким образом, проведенное исследование выявило практическую значимость разграничения категорий «рабочее место» и «место работы», что обуславливает необходимость их более четкого нормативного закрепления. Помимо этого, в условиях дистанционной занятости особую значимость приобретает указание на местность выполнения трудовой функции. Закрепление соответствующей обязанности в ст. 57 ТК РФ позволит устранить правовую неопределённость и обеспечит полноценную реализацию гарантий и компенсаций для дистанционных работников.

Литература

- Бабков Д. И. Определение и соотношение понятий «место работы», «место постоянной работы» и «рабочее место» / Бюллетень научных работ Брянского филиала МИИТ. - 2012. - № 1 (1). - С. 77-80.
- Романовская (Князева) Н. А. Правовое регулирование дистанционных трудовых отношений: обеспечение баланса интересов работников и работодателей / Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. - 2022. - № 3 (50). - С. 142-152. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2022/3/142-152>
- Крузе А. В. Защита прав работника при установлении условия о месте работы / Право и государство: теория и практика. - 2020. - № 9 (189). - С. 75-78.
- Крузе А. В. Рабочее место как категория трудового права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.05. Екатеринбург, 2015.
- Маленко Т. В. Консультация эксперта, Минтруд России, 2021 / Консультант плюс. URL: <https://clck.ru/364p5u>
- Прасолова И. А. Место работы как условие трудового договора / Российская юридическая наука: состояние, проблемы, перспективы. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 45-летию юридического образования на Алтае. 2008. С. 246-249.
- Рехтина И. В. Стандарт правовой определенности гражданского судопроизводства / Правовые проблемы укрепления российской государственности. Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции. Томск, 2022. С. 75-76.
- Черных А. В. Проблемы соотношения понятий «место работы» и «рабочее место» с условиями дистанционной работы / Academia: Танец. Музыка. Театр. Образование. - 2020. - № 2 (50). - С. 101-102.
- Черных Н. В. Анализ правоприменительной практики регулирования дистанционной занятости в Российской Федерации / Трудовые отношения в условиях развития нестандартных форм занятости : монография. М., 2021. URL: <https://clck.ru/3LoF8Z>

References

- Babkov, D. I. (2012). Definition and correlation of the concepts "place of work," "permanent place of work," and "workplace." Bulletin of Scientific Works of the Bryansk Branch of MIIT, 1(1), 77-80 (in Russian).
- Chernykh, A. V. (2020). Problems of correlating the concepts "place of work" and "workplace" with the conditions of remote work. Academia: Dance. Music. Theater. Education, 2(50), 101-102 (in Russian).
- Chernykh, N. V. (2021). Analysis of law enforcement practice in regulating remote employment in the Russian Federation. Labor relations in the context of the development of non-standard forms of employment: monograph. Moscow (in Russian).
- Kruze, A. V. (2015). Workplace as a category of labor law. Abstract of the candidate of legal sciences dissertation (12.00.05). Ural State Law Academy, Yekaterinburg (in Russian).
- Kruze, A. V. (2020). Protection of employee rights in establishing the condition of the place of work. Law and State: Theory and Practice, 9(189), 75-78 (in Russian).
- Malenko, T. V. (2021). Expert consultation, Ministry of Labor of Russia. ConsultantPlus. Available from: <https://clck.ru/364p5u> (in Russian).

-
- Prasolova, I. A. (2008). Place of work as a condition of the employment contract. In Russian legal science: state, problems, prospects: Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference dedicated to the 45th anniversary of legal education in Altai (pp. 246–249). Barnaul (in Russian).
- Rekhtina, I. V. (2022). The standard of legal certainty in civil proceedings. In E. S. Boltanova et al. (Eds.), Legal problems of strengthening Russian statehood: Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference (pp. 75–76). Tomsk (in Russian).
- Romanovskaya (Knyazeva), N. A. (2022). Legal regulation of remote employment relations: ensuring the balance of interests of employees and employers. Vestnik Voronezh State University. Series: Law, 3(50), 142–152. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2022/3/142-152> (in Russian).
-

Citation:

Рехтина И. В., Василенко Ю. Е. «Рабочее место» и «место работы» как правовые категории: соотношение и взаимосвязь // Юрислингвистика. – 2025 – 38. – С. 30-33.

Rekhtina I. V., Vasilenko Yu. E. (2025) «Workplace» and «Place of Work» as Legal Categories: Correlation and Interrelation. Legal Linguistics, 38, 30-33.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Содержание категории «утрата доверия» как основания для увольнения с государственной гражданской службы

Д. А. Абезин¹, А. Ю. Мохов², В. К. Родионова³

Волгоградский институт управления-филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

ул. Гагарина, 8, 400006, Волгоград, Россия. E-mail: ¹abezin-da@ranepa.ru, ²aumohov@mail.ru

³ГКУ «Центр развития и организационно-аналитического сопровождения образования Волгоградской области»

ул. Иркутская, 13, 400074, Волгоград, Россия. E-mail: vika2003r@mail.ru

В статье обозначены основные теоретические и законодательные подходы к определению понятия «утрата доверия» в контексте закрепления оснований для увольнения государственного гражданского служащего в случае прямого совершения нарушений коррупционного характера, либо непринятия мер по предотвращению таких проявлений (в случае возникновения конфликта интересов). Доверие предлагается рассматривать в двух проекциях: 1) как фактор легитимности – доверие населения государственной власти (и, как следствие, самому институту государственной службы и государственным служащим, непосредственно осуществляющим властные полномочия от имени сформированных народом органов государственной власти); 2) как условие добросовестного и беспристрастного, с нулевой терпимостью к коррупции, выполнения государственным служащим своих должностных обязанностей, исходя исключительно из требований законодательства – доверие к служащему со стороны представителя нанимателя. Исходя из этого, доверие представляет собой условие функционирования института государственной службы в соответствии с общими конституционными принципами (демократизм, приоритет прав и свобод личности) и требованиями законодательства о противодействии коррупции в конкретных служебных отношениях. Авторами проводятся различия между закреплением «утраты доверия» как основания для прекращения трудовых и служебных отношений, а также досрочного прекращения полномочий высшего должностного лица субъекта Российской Федерации. В отличие от трудовых и конституционных отношений, утрата доверия на государственной (в том числе и государственной гражданской службе) связана исключительно с противодействием коррупции, обеспечением принципов публичности и профессионализма государственного служащего. Отдельно указывается на необходимость соблюдения общих требований служебного законодательства при решении вопроса об увольнении в связи с утратой доверия – в частности, право служащего давать пояснения на всех этапах дисциплинарного производства, учет предшествующих результатов исполнения гражданским служащим своих должностных обязанностей.

Ключевые слова: государственная служба, увольнение, доверие, утрата доверия, противодействие коррупции.

Category of «Loss of Trust» as Grounds for Dismissal from the Federal Civil Service

D. A. Abezin¹, A. Yu. Mokhov², V. K. Rodionova³

Volgograd Institute of Management, branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

8 Gagarina St., 400006, Volgograd, Russia. E-mail: ¹abezin-da@ranepa.ru, ²aumohov@mail.ru

³State Public Institution "Center for Development and Organizational-Analytical Support of Education of the Volgograd Region"

13 Irkutskaya St., 400074, Volgograd, Russia. E-mail: vika2003r@mail.ru

This article outlines the main theoretical and legislative approaches to defining the concept of «loss of trust» in the context of establishing grounds for dismissal of a civil servant in the event of direct corruption violations or failure to take measures to prevent such violations (in the event of a conflict of interest). Trust is proposed to be considered from two perspectives: 1) as a factor of legitimacy – the public trust in the state authorities (and, consequently, in the institution of civil service itself and in the civil servants who directly exercise authority on behalf of publicly elected government bodies); 2) as a condition for the conscientious and impartial performance of official duties by a civil servant, with zero tolerance for corruption, based solely on legal requirements – the

trust of the employer's representative in the civil servant. Based on this, trust is a prerequisite for the functioning of the civil service institution in accordance with general constitutional principles (democracy, the priority of individual rights and freedoms) and the requirements of anti-corruption legislation in particular official relationships. The authors distinguish between the recognition of «loss of trust» as grounds for termination of employment and official relationships, and the early termination of the powers of a highest-ranking official of a territorial entity of the Russian Federation. Unlike labor and constitutional relationships, loss of trust in the public service (including the federal civil service) is associated exclusively with combating corruption and ensuring the principles of publicity and professionalism of the civil servant. The article specifically emphasizes the need to comply with the general requirements of official legislation when deciding on dismissal due to loss of trust – specifically, the employee's right to provide explanations at all stages of disciplinary proceedings and consideration of the civil servant's previous performance of their official duties.

Key words: civil service, dismissal, trust, loss of trust, anti-corruption.

При исследовании материальных оснований увольнения в связи с утратой доверия, а также процедуры увольнения и его специфических юридических последствий представляется необходимым отдельно рассмотреть понятие и сущность самой категории «утрата доверия» – как занимающего особое положение во всей системе служебного и антикоррупционного законодательства основания для досрочного прекращения отношений на государственной гражданской службе.

Прежде всего, рассмотрим понятие доверия – применительно к служебным отношениям. Важность и актуальность исследования данного порядка определяется не только его прямым закреплением: как указывают некоторые представители теории административного права, четкое и комплексное исследование вопросов природы коррупции в публично-правовых отношениях, выработки эффективных с социальной точки зрения механизмов антикоррупционной профилактики, укрепления основ законности государственной и муниципальной службы может быть определено «на основе исследования феноменов, которые связаны не только с правом, но и с психологией, социологией» [Эстерлейн, Нетруненко 2024: 308]. Как представляется, «доверие» также является подобного рода категорией, находящейся «на стыке» юриспруденции и социологических исследований. Доверие, как указывает Ю. М. Трунцевский, стало своеобразной регулятивной целью в различных областях общественной жизни, и сфера государственной службы не является здесь исключением [Утрата доверия по законодательству Российской Федерации 2022: 11]. Е. В. Елфимова отмечает, в свою очередь, что понятие «доверие» в служебных правоотношениях имеет позитивный оттенок, влияя на само содержание выполнения профессиональной функции публичным служащим. Кроме того, доверие не может быть «установлено» при приеме на службу, оно непосредственно проверяется уже при исполнении должностных обязанностей, что заключается в неукоснительном соблюдении запретов, нарушение которых будет и указывать на утрату доверия, повлечет за собой увольнение [Елфимова 2020: 57].

Важность установления доверия связана также и с тем, что утрата доверия рассматривается в современном законодательстве как межотраслевая категория, связанная с применением мер дисциплинарной ответственности. И поэтому, как представляется, определение юридического содержания категорий «доверие» и «утрата доверия», которые на сегодняшний день стали занимать самостоятельное положение, и специальное правовое регулирование через отдельные нормы в Федеральном законе № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации», законодательстве о противодействии коррупции, вполне можно осуществлять с учетом не только служебного, но и трудового, а также конституционного законодательства, в которых утрата доверия также рассматривается в качестве основания для досрочного прекращения соответствующих отраслевых правоотношений.

Содержание и значение утраты доверия в служебных правоотношениях могут быть установлены через следующие характеристики:

- установление перечня дисциплинарных проступков, которые влияют на степень доверия к государственному гражданскому служащему (что по действующей конструкции Закона о государственной гражданской службе связывается с несоблюдением определенного количества запретов);
- способность доверия выступать в качестве критерия оценки поведения государственного гражданского служащего, реальной опасности утраты доверия для беспристрастности и недопущения коррупции на службе;
- прямая связь утраты доверия к государственному гражданскому служащему с коррупцией.

Само доверие при этом не следует здесь рассматривать в психологическом (как межличностное) или социальном (межгрупповое доверие, доверие определенной социальной группы к лицу-участнику общественных отношений) понимании. Как представляется, в этой связи утрачивается доверие населения к публичной власти – что, применительно к отношениям на государственной гражданской службе, выражается через доверие представителя нанимателя (действующего от имени Российской Федерации или ее субъекта – в зависимости от вида службы) к конкретному служащему. При этом доверие населения к власти представляет собой важнейший компонент демократического государства, позволяющий сформировать у граждан уверенность не только в результативности, но и в предсказуемости органов и должностных лиц государственного и муниципального уровня. Как отмечает по данному поводу Н. В. Кулешова, предсказуемость здесь связана с единой направленной и стабильной целью осуществления власти, «следующей из положений Конституции Российской Федерации – обеспечения, гарантирования и защиты прав и свобод человека и гражданина, поддержания надлежащего уровня социальной стабильности, безопасности» [Кулешова 2023: 36].

Следует согласиться с Н. А. Араповым, отмечающим, что поддержание доверия к власти – это один из важнейших принципов конституционного права, обеспечивающий необходимое свойство публичной власти – ее демократичность, непосредственную связь с населением, его законными интересами и проблемами [Арапов 2015: 8]. Государственные институты порождают социальное доверие только тогда, когда население считает эти институты заслуживающими своего

доверия, то есть легитимными. Как представляется, это положение применимо и к отношениям по поводу государственной гражданской службы, предотвращению проявлений коррупции. Верным является мнение, что увольнение в связи с утратой доверия – это «исключительный» случай, нарушающий естественный ход осуществления органами и должностными лицами государственной власти своих полномочий [Куракин, Косенкова, Зиганшин 2024: 9]. Утрата доверия всегда носит индивидуальный характер – большое количество увольнений или отрешений по этому основанию будет свидетельствовать об абсолютной коррумпированности и нелегитимности власти.

Таким образом, доверие необходимо рассматривать как обусловленную социальными и психологическими факторами характеристику, выражающую положительное отношение к служащему, уверенность представителя нанимателя в его профессиональных качествах, способности не допускать проявлений коррупции. Доверие здесь устанавливается на двух «уровнях» – вышестоящего властного субъекта (в лице представителя нанимателя) к государственному служащему, а также через доверие населения к государственному органу, где исполняет свои функции служащий, в целом. Второй критерий представляется особо важным, поскольку он раскрывает содержание принципа публичности государственной гражданской службы – осуществляя свои должностные полномочия, служащий взаимодействует с гражданами и организациями от имени Российской Федерации в целом (или субъекта РФ – в зависимости от уровня государственной гражданской службы).

Понятие «утрата доверия» как основание для применения мер дисциплинарной и конституционной ответственности применяется на сегодняшний день в трех больших отраслях регулирования трудовой, также публично-властной деятельности:

- утрата доверия как основание для досрочного расторжения трудового договора;
- утрата доверия как основание для наступления конституционно-правовой ответственности в форме отрешения от должности лиц, замещающих федеральные государственные должности, высшего должностного лица субъекта Российской Федерации, главы муниципального образования;
- утрата доверия государственным служащим в связи с совершением правонарушений коррупционного характера (в том числе и государственным гражданским служащим).

Анализируя третий случай утраты доверия как основания для увольнения, необходимо отметить, что именно противодействие коррупции выступает в качестве основной задачи закрепления данного самостоятельного основания для досрочного прекращения служебных правоотношений. При этом законодатель пошел по пути усиления «предупредительной составляющей», устанавливая безусловное увольнение по рассматриваемому основанию не только в связи с непосредственным совершением действий, которые могут быть истолкованы как коррупционные, предполагающие использование должностного положения в целях личного обогащения (занятие государственным служащим предпринимательской деятельностью), но и с самой опасностью возникновения таких ситуаций (через непринятие служащим мер по предотвращению конфликта интересов) [Лещина 2019: 55]. Такое достаточно широкое указание нарушения запретов для государственных гражданских служащих, влекущее за собой увольнение, а также иные негативные последствия, связанные с дальнейшим трудоустройством (внесением в специальный реестр), предполагают необходимость четкого указания на единообразное толкование нарушений, с учетом при этом принципа дифференциации дисциплинарной ответственности, характера и степени содеянного.

Утрата доверия определяется в науке как особые отношения, которые возникают в результате совершения гражданским служащим деяния (в форме действия или бездействия), порождающего у представителя нанимателя обоснованных сомнений в его добросовестности, способности эффективно, в соответствии с основными законодательными принципами, исполнять свои должностные обязанности [Селивановская 2022: 24]. При этом представитель нанимателя должен соизмерять содеянное служащим в контексте доверия в политическом смысле (через нарушение государственным гражданским служащим основных принципов служебной деятельности, поступков, ставящих под сомнение презюмируемую законность государственной службы и доверие к ней населения). Обоснованность сомнений должна быть подтверждена проведением служебной проверки, иных процедур, которые будут рассмотрены нами позднее – при этом обязательным остается соблюдение принципа презумпции невиновности.

Основное содержание понятия «утрата доверия» в отношениях на государственной гражданской службе можно рассмотреть через категорию «дисциплинарный проступок»; при этом он должен носить коррупционный характер. Как справедливо отмечает А. Л. Юсупов, коррупционный дисциплинарный проступок государственного служащего представляет собой неисполнение либо ненадлежащее исполнение лицом, занимающим должность на государственной службе, по собственной вине, возложенных на него обязанностей, связанных с противодействием коррупции, запретов и ограничений; правонарушение обязательно должно быть виновным, прямо предусмотренным в соответствующем законодательном акте [Юсупов 2014: 17]. В целом соглашаясь с данным определением, отметим, что оно имеет слишком общий характер и применимо не только к коррупционным правонарушениям, влекущим увольнение по ст. 59.2 Закона о государственной гражданской службе. Более уточненным, отражающим допущенное государственным служащим наиболее опасное правонарушение коррупционного характера, влекущее состояние утраты доверия, предлагает в своей работе Р. С. Сорокин. По мнению ученого, коррупционное правонарушение включает в себя не только само несоблюдение требований законодательства о противодействии коррупции, но и:

- неправомерную деятельность должностного лица по сокрытию самого правонарушения и связанных с ним обстоятельств (самым явным примером здесь будет являться неуказание сведений о конкретных доходах или имуществе – в том числе полученных в результате нарушения иных запретов);
- создание условий для использования «результатов» правонарушения (к примеру, пользование средствами, полученными в результате занятия через посредника предпринимательской деятельностью)» [Сорокин 2016: 12].

Исходя из этого, следует поделить предусмотренные ст. 59.2 Закона О государственной гражданской службе правонарушения на деяния, связанные с неисполнением обязанностей антикоррупционного характера (непринятие мер по урегулированию конфликта интересов), нарушение запретов (занятие предпринимательством, участие – по общему правилу

– на возмездной основе в управлении коммерческим юридическим лицом, участие в управлении иностранными неправительственными организациями (вне зависимости от его возмездности), незакрытие счетов в зарубежных банках (либо открытие нового такого счета) самим служащим, его супругом (супругой) или несовершеннолетним ребенком); отдельно выделяются нарушения, связанные с контролируемой представителем нанимателя информацией (непредоставление сведений имущественного характера, либо включение в них заведомо недостоверной информации).

Таким образом, можно сделать вывод, что утрата доверия, выступающая в качестве основания для досрочного прекращения служебных правоотношений, имеет сложную социально-правовую природу. Увольнение либо отрешение от должности закреплено на сегодняшний день не только в законодательстве о государственной службе, но и в нормативных актах о местном самоуправлении, государственных должностных лицах, трудовом законодательстве. «Доверие» как категория публичного права рассматривается на двух уровнях – общий, предполагающий доверие населения к власти (в рассматриваемом случае – к институту государственной службы, конкретному органу государственной власти, его направленности на обеспечение, гарантирование и защиту прав и законных интересов граждан, их объединений), и специальный (конкретный), который раскрывается через отсутствие у представителя нанимателя сомнений в профессионализме конкретного государственного служащего, недопущении в своей работе проявлений коррупции, возникновения конфликта интересов. В свою очередь, утрата доверия предполагает наличие такого сомнения, основанного на дисциплинарном проступке государственного гражданского служащего. Проступок должен быть связан с нарушением требований о противодействии коррупции, поскольку именно коррупция представляет собой важнейшую угрозу высокому уровню доверия населения публичной власти. Именно поэтому увольнение в связи с утратой доверия предполагает применение дополнительных негативных мер, усиливающих карательную сущность этого дисциплинарного взыскания. Обоснованность сомнений представителя нанимателя должна быть подтверждена проведением служебной проверки или иных процедур, с обязательным гарантированием права служащего давать пояснения.

Литература

- Арапов Н. А. Принцип поддержания доверия граждан к закону и действиям государства в российском конституционном праве и правосудии: автореферат дис. ... кандидата юридических наук : 12.00.02. СПб., 2015.
- Елфимова Е. В., Миннегалиева Л. И., Бельдина О. Г. Увольнение в связи с утратой доверия: правовые аспекты / Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». – 2020. – № 5. – С. 57–64.
- Кулешова Н. В. Институт наказов избирателей в контексте упрочения взаимного доверия населения и органов публичной власти как конституционной ценности / Современное право. – 2023. – № 8. – С. 35–39.
- Куракин А. В., Косенкова Н. Г., Зиганшин М. М. Вопросы дисциплинарного принуждения в системе противодействия коррупционным правонарушениям / Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. – 2024. – № 1 (69). – С. 8–21.
- Лещина Э. Л. Дисциплинарный (служебный) проступок как основание дисциплинарной ответственности / Административное право и процесс. – 2019. – № 1. – С. 55–59.
- Селивановская И. А. Увольнение в связи с утратой доверия на государственной и муниципальной службе / Муниципальная служба: правовые вопросы. – 2022. – № 4. – С. 22–26.
- Сорокин Р. С. Увольнение с государственной службы как мера противодействия коррупции: автореф. дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.14. Саратов, 2016.
- Утрата доверия по законодательству Российской Федерации: коллективная монография / под ред. Ю. В. Трунцевского, А. М. Цирина. М., 2022.
- Эстерлейн Ж. В., Нетруненко А. Н. Правовое регулирование понятия утраты доверия физического лица / Фундаментальные проблемы гуманитарных и социальных наук в условиях современных вызовов. Сборник научных статей Всероссийской научно-практической конференции. Пермь, 2024. С. 307–312.
- Юсупов А. Л. Дисциплинарная ответственность за нарушения законодательства о противодействии коррупции: автореф. дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.14. Саратов, 2014.

References

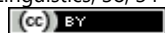
- Arapov, N. A. (2015). The Principle of Maintaining Citizens' Trust in the Law and State Actions in Russian Constitutional Law and Justice: Abstract of the dissertation for the degree of Candidate of Legal Sciences: 12.00.02. St. Petersburg (in Russian).
- Elfimova, E. V., Minnegaliev, L. I., Bel'dina, O. G. (2020). Dismissal Due to Loss of Trust: Legal Aspects. Electronic Supplement to the Russian Law Journal, 5, 57–64 (in Russian).
- Kuleshova, N. V. (2023). The Institute of Voter Instructions in the Context of Strengthening Mutual Trust between the Population and Public Authorities as a Constitutional Value. Modern Law, 8, 35–39 (in Russian).
- Kurakin, A. V., Kosenkova, N. G., Ziganshin, M. M. (2024). Issues of Disciplinary Enforcement in the System of Combating Corruption Offenses. Bulletin of the All-Russian Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 1, 8–21 (in Russian).
- Leshchina, E. L. (2019). Disciplinary (official) misconduct as a basis for disciplinary liability. Administrative Law and Process, 1, 55–59 (in Russian).
- Selivanovskaya, I. A. (2022). Dismissal due to loss of trust in the state and municipal service. Municipal Service: Legal Issues, 4, 22–26 (in Russian).

- Sorokin, R. S. (2016). Dismissal from the civil service as a measure to combat corruption: Abstract of the dissertation for the degree of Candidate of Legal Sciences: 12.00.14. Saratov (in Russian).
- Loss of Trust under the Legislation of the Russian Federation (2022). Collective Monograph: edited by Yu. V. Truntsevsky, A. M. Tsirin. Moscow (in Russian).
- Esterlein, Zh. V., Netrunenko, A. N. (2024). Legal Regulation of the Concept of Loss of Trust of an Individual. Fundamental Problems of Humanities and Social Sciences in the Context of Modern Challenges. Collection of Scientific Articles of the All-Russian Scientific and Practical Conference. Perm, 307–312 (in Russian).
- Yusupov, A. L. (2014). Disciplinary Liability for Violations of Anti-Corruption Legislation: Abstract of the dissertation for the degree of Candidate of Legal Sciences: 12.00.14. Saratov (in Russian).
-

Citation:

Абезин Д. А., Мохов А. Ю., Родионова В. К. Содержание категории «утрата доверия» как основания для увольнения с государственной гражданской службы // Юрислингвистика. – 2025 – 38. – С. 34-38.

Abezin D. A., Mokhov A. Yu., Rodionova V. K. (2025) Category of «Loss of Trust» as Grounds for Dismissal from the Federal Civil Service. Legal Linguistics, 38, 34-38.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Индивидуализация гражданина как субъекта гражданских правоотношений

Т. А. Филиппова¹, С. В. Вознюк²

Алтайский государственный университет

пр. Ленина, 61, 656049, Барнаул, Россия. E-mail: ¹philippovata@mail.ru, ²voznyuk.lana.04@mail.ru

В статье анализируется вопрос правового регулирования индивидуализации гражданина в гражданском законодательстве. Обращается внимание на категорию «имя гражданина» как основное средство индивидуализации. Имя является традиционным, но недостаточным средством индивидуализации гражданина в современных реалиях, поэтому возникает необходимость теоретического переосмысления и оценки правового регулирования в этой области. В юридической литературе также распространено мнение о том, что индивидуализация гражданина не охватывается только его именем. Позиции ученых в области гражданского права подтверждают мысль о том, что средствами индивидуализации гражданина являются и другие категории, помимо имени. Индивидуализация физических лиц является необходимым атрибутом гражданско-правовых отношений. Применительно к гражданам в гражданском законодательстве не используется термин «индивидуализация», хотя в научной литературе ведущая роль имени как средства индивидуализации физического лица находит активную поддержку. В доктрине обсуждаются мнения об уточнении понятия «индивидуализация». В статье аргументируется возможность и приемлемость использования в действующем Гражданском кодексе Российской Федерации (далее – ГК РФ) дефиниции «индивидуализация» в отношении граждан. Значительное усложнение общественных отношений и появление новых средств индивидуализации физических лиц вызывают необходимость отражения их в действующем законодательстве. Дана оценка современного состояния законодательства в этой области, предложены авторские подходы к уточнению указанного понятия и отнесения к нему определенных правовых категорий. Проведен анализ взглядов, содержащихся в научных публикациях и законодательных инициативах. Вывод о совершенствовании законодательства подкреплен конкретными предложениями по внесению предложений в ГК РФ.

Ключевые слова: индивидуализация гражданина, средства индивидуализации гражданина, имя гражданина, псевдоним.

Individualization of a Citizen as a Subject of Legal Civil Matters

T. A. Philippova¹, S. V. Vozniuk²

Altai State University

61 Lenina St., 656049, Barnaul, Russia. E-mail: ¹philippovata@mail.ru, ²voznyuk.lana.04@mail.ru

The article analyzes the issue of legal regulation of individualization of a citizen in civil legislation. Attention is drawn to the category of "citizen's name" as the main means of individualization. The name is a traditional, but insufficient means of individualization of a citizen in modern realities, so there is a need for theoretical reinterpretation and assessment of legal regulation in this area. There is also a widespread opinion in legal literature that the individualization of a citizen is not manifested by their name only. The standpoint of academicians of civil law confirms the idea that other categories, in addition to the name, are also means of individualization of a citizen. Individualization of persons is a necessary attribute of civil law relations. The term "individualization" is not used in civil legislation in respect of citizens, although the leading role of the name as a means of individualization of a person is actively supported in scientific literature. The doctrine discusses opinions on clarifying the concept of "individualization". The article argues for the possibility and acceptability of using the definition of "individualization" in relation to citizens in the current Civil Code of the Russian Federation. The significant complication of social relations and the emergence of new means of individualization of persons predetermine their reflection in current legislation. Assessment of the current state of legislation in this area is given, the authors' approaches to clarifying this concept and attributing certain legal categories to it are proposed. Analysis of the views contained in academic publications and legislative initiatives is conducted. The conclusion on the improvement of legislation is supported by specific ideas of introducing proposals to the Civil Code of the Russian Federation.

Key words: individualization of a citizen, means of individualization of a citizen, name of a citizen, pseudonym.

Одной из центральных категорий гражданского законодательства является понятие «лица». Так, в частности, назван подраздел 2 раздела 1 ГК РФ. Третья глава ГК РФ, названная «Граждане (физические лица)», также посвящена индивидуальным субъектам гражданского права. Широко используется это понятие и в цивилистической науке.

Определяя гражданско-правовой статус гражданина, действующее законодательство характеризует его правоспособность и дееспособность как возможность участия в гражданских правоотношениях. При этом с первых статей ГК РФ подчеркивается, что в гражданских правоотношениях граждане действуют в своем интересе, приобретают и осуществляют свои гражданские права своей волей. Ст. 19 ГК РФ, уточняя эти положения, акцентирует внимание на том, что гражданин приобретает и осуществляет права и обязанности под своим именем. Отсюда понятно, какое значение имеет имя гражданина для гражданского оборота. В большинстве научных публикаций и в учебной литературе именно имя гражданина рассматривается как средство индивидуализации гражданина как участника гражданских правоотношений.

Человек выступает в общественных отношениях под собственным именем, включающим имя, фамилию и отчество – это не просто формальность, а важный элемент идентификации гражданина. Как верно отметил И. А. Покровский, «имя является обозначением личности; оно отличает человека от других и связывает с собой всю совокупность представлений о внешних и внутренних качествах его носителя» [Покровский 2001: 123]. Таким образом, имя несет сложную смысловую нагрузку и позволяет выделить конкретного человека из совокупности других людей, то есть индивидуализирует его как субъекта общественных взаимодействий.

К. Б. Ярошенко указывает, что «для определения правового статуса гражданина в качестве участника гражданских правоотношений важное значение имеет имя (фамилия, собственно имя и отчество) как средство индивидуализации личности» [Ярошенко 1990: 13]. В. А. Тархов подчеркивает: «для того, чтобы быть субъектом гражданских прав и обязанностей, граждане должны обладать личной определенностью и имущественной обособленностью», причем «личная определенность достигается путем наделения каждого гражданина именем» [Тархов 1997: 146].

Нельзя не согласиться с позицией М. М. Агаркова о том, что «в числе признаков, которые служат официальным средством индивидуализации граждан (профессия, местожительство и т. д.), имя, несомненно, занимает первое место. Оно сильнее всего связано с личностью, и перемена его, возможная только при наличии особо важных мотивов, не зависит от произвола его носителя, а должна производиться в особо законом предусмотренном порядке» [Агарков 2002: 186]. В соответствии с п. 3 ст. 19 ГК РФ «имя, полученное гражданином при рождении, а также перемена имени подлежат регистрации в порядке, установленном для регистрации актов гражданского состояния». Согласно п. 4 ст. 19 ГК РФ «приобретение прав и обязанностей под именем другого лица не допускается».

Наряду с именем схожую роль выполняет псевдоним (ст. 19 ГК РФ). Используя псевдоним, автор стремится создать уникальную личность, одновременно желая отделить ее от своей реальной жизни, скрыв настоящее имя от окружающих. Например, Ярослав Дронов, известный как Shaman, говорит, что сценическое имя ему нужно для разделения личной и публичной жизни.

Через вымышленное имя автор формирует особую литературную, художественную или артистическую идентичность. Цель псевдонима аналогична гражданскому имени – выражение индивидуальности. Однако, в отличие от настоящего имени, псевдоним может быть легко изменен или отменен по желанию автора. Так, А. П. Чехов использовал большое количество псевдонимов: он мог писать под одним именем серьезные произведения, а под другим – юмористические рассказы.

Кроме того, использование псевдонима может порождать интерес к личности автора. Публика задается вопросом, кто на самом деле скрывается за этим именем, что может повысить интерес. В некоторых случаях псевдоним становится товарным знаком, привлекая читателей и создавая имидж бренда. Например, псевдоним Баста является одним из зарегистрированных товарных знаков (товарный знак № 657729).

Сейчас повседневные действия людей переместились в виртуальную среду и использование никнеймов пользователей стало обычным явлением, в связи с этим высказывается мнение о необходимости введения регистрации «виртуальных псевдонимов». С одной стороны, такая мера может помочь в борьбе с онлайн-мошенничеством и кибербуллингом, с другой – это может ограничить свободу самовыражения. При этом важно учитывать, что никнейм индивидуализирует не личность, а пользователя сети; никнейм – это не замена реальному имени, а лишь способ идентификации в виртуальном пространстве, поэтому можно зарегистрироваться под любым именем и стать довольно популярным, не раскрывая своих персональных данных.

В научной литературе ведущая роль имени как средства индивидуализации физического лица находит активную поддержку. Путем толкований положений главы 3 ГК РФ в доктрине делается вывод, что средством индивидуализации гражданина является имя гражданина (ст. 19 ГК РФ).

В юридической литературе прослеживается идея о том, что индивидуализация гражданина не охватывается только его именем. Кроме того, обсуждается вопрос о возможности использования понятия «индивидуализация» применительно к гражданам. Б. М. Гонгало отмечает, что участие лица в гражданских правоотношениях невозможно без индивидуализации субъекта. Ученый убежден в том, что правоспособность становится таковой только для субъекта, отличимого от иных лиц [Гонгало 2017: 104]. В учебнике по гражданскому праву кафедры юридического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова отмечено, что гражданин (физическое лицо) как участник гражданских правоотношений обладает рядом общественных и естественных признаков и свойств, которые определенным образом индивидуализируют его и влияют на его правовое положение [Суханов 2023: 117]. Позиции известных цивилистов подтверждают мысль о том, что индивидуализация гражданина является необходимым атрибутом гражданско-правовых отношений, а также указывают на возможность употребления рассматриваемого понятия по отношению к физическим лицам.

Действительно, в ГК РФ в качестве легальной юридической конструкции используется понятие «индивидуализация юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий», и оно не употребляется в отношении граждан. Для обоснования возможности использования этой категории в действующем гражданском законодательстве в отношении физических лиц

обратимся к филологическому значению этого понятия. В соответствии со словарями русского языка под термином «индивидуализировать» понимается «сделать индивидуальным, установить что-нибудь применительно к отдельному лицу, случаю» [Ожегов, Шведова 1996: 554], а также «обособить по характерным, индивидуальным признакам» [Евгеньева 1999: URL]. Именно эту цель и преследует индивидуализация гражданина, поэтому представляется, что указанное понятие допустимо использовать при характеристике правового положения гражданина. Любой признак физического лица, которому объективным правом сообщено правовое значение, может быть признан индивидуализирующим, а правовое средство, с помощью которого этот признак закрепляется в правовом порядке, может быть квалифицировано как средство индивидуализации.

В современных реалиях переосмыслению подлежат базовые средства индивидуализации, а также возникает необходимость признания иных категорий в качестве подобных средств, так как одного лишь имени недостаточно. Так, нередко возникают вопросы при квалификации сделок, совершенных под чужим именем или однофамильцем заинтересованного лица. Вследствие полного совпадения имени, фамилии и отчества законопослушные граждане рискуют быть ошибочно привлечены к ответственности за чужие долги. Наличие «двойников» создает препятствия при получении заграничного паспорта гражданина Российской Федерации, разрешения на оружие и при выезде за границу. Ситуации из практической жизни доказывают, что имя как традиционное средство индивидуализации граждан не может гарантировать однозначное определение физического лица среди других.

Индивидуальные особенности гражданина учитываются правом: правовая система признает каждого гражданина субъектом правоотношений, обладающим определенными правами и обязанностями. Однако на данный момент нет единого мнения по поводу определения различных индивидуализирующих признаков.

В учебнике по гражданскому праву, изданному под редакцией Е. А. Суханова, указано, что «имя, гражданство, возраст, семейное положение, пол и состояние здоровья характеризуют индивидуальные особенности граждан» [Суханов 2023: 117-118], следовательно, перечисленные категории являются средствами индивидуализации. По мнению М. Н. Малеиной, «к нематериальным благам, индивидуализирующим гражданина, можно отнести имя (ст. 19 ГК РФ), внешний облик (ст. 152.1 ГК РФ), честь (ст. 152 ГК РФ)... Функцию индивидуализации выполняют и другие нематериальные блага, а также отдельные свойства человека, элементы статуса» [Малеина 2017: 20].

Как в юридической литературе, так и на бытовом уровне отмечается, что внешность имеет первостепенное значение для отличия людей друг от друга в повседневной жизни. Лицо – это своего рода «паспорт» человека, позволяющий быстро и безошибочно отличить его от других граждан. В эпоху цифровых технологий, когда визуальная и аудиальная информация распространяется мгновенно и повсеместно, значимость изображения и голоса как средств индивидуализации гражданина возрастает многократно. Системы распознавания лиц и голоса становятся все более совершенными, однако легкость манипулирования изображениями и голосом, создания дипфейков и других форм цифровой мимикрии ставит под вопрос надежность этих средств индивидуализации. Появление новых средств обработки информации требует оперативного реагирования со стороны законодателей по решению вопросов охраны изображения и голоса гражданина. Проблемность демонстрирует обращение Союза дикторов в Государственную Думу Российской Федерации с предложением о введении правового регулирования, касающегося синтеза и последующего использования человеческого голоса [Лебедева, Литвиненко 2023: URL]. В связи с этим уже были разработаны соответствующие поправки: Гражданский кодекс Российской Федерации предлагалось дополнить новой статьей 152.3 («Охрана голоса гражданина») [Законопроект 2024: URL].

Данная поправка была предложена в рамках проекта изменений законодательства, направленных на усиление защиты частной жизни и персональных данных граждан, и не получила единогласного одобрения. По мнению некоторых экспертов, новая правовая норма содержит формулировку «охрана голоса», однако само понятие было недостаточно детализировано и использовано по аналогии со ст. 152.1 «Охрана изображения гражданина» [Президентские эксперты... URL].

Использование современных технологий позволяет создавать синтетические голоса, копировать звучание речи, что поднимает серьезные вопросы о доверии к информации. В эпоху цифровизации в практическом применении возникают трудности при установлении лиц, совершивших действия в виртуальном пространстве; наблюдается рост правонарушений, связанных с незаконным использованием образа человека в цифровых технологиях (deepfake).

Введение новой категории споров способно увеличить количество судебных разбирательств, усложнив работу судов и увеличив сроки рассмотрения дел. Это приводит к выводу, что большинство проблем, связанных с использованием голоса, можно решить другим способом: путем расширения существующих статей, защищающих личные данные и интеллектуальную собственность, то есть без введения отдельной статьи, посвященной охране голоса гражданина.

Неслучайно правовое регулирование изображения и голоса гражданина имеет общественный интерес: они представляют собой одно из наиболее ярких и узнаваемых проявлений личности и позволяют идентифицировать личность. Например, лица участников специальной военной операции не рекомендуется показывать в сети Интернет – это объясняется тем, что известны неоднократные случаи неконтролируемого сбора биометрических данных россиян: программы распознавания лиц находят аккаунты военнослужащих и их родственников в социальных сетях, в результате сведения о призванных и их близких могут быть использованы против них. В связи с этим при опубликовании изображений вышеназванных граждан следует ретушировать их лица или не выкладывать фотоснимки и видеозаписи без балаклав.

На рассмотрении Министерства обороны Российской Федерации совместно с другими ведомствами находится вопрос о введении обязательной государственной геномной регистрации военнослужащих и лиц гражданского персонала, участвующих в специальной военной операции либо направляемых в районы проведения контртеррористической операции. В случае необходимости будут представлены предложения о внесении соответствующих изменений в законодательство Российской Федерации.

Использование биометрических показателей также становится все более распространенным, особенно в банковской сфере – в целях предоставления отдельных видов услуг. Так, биометрия востребована для установления личности в сфере электронного документооборота.

Научно-технический прогресс оказывает влияние и на делопроизводство, цифровизация трудовых отношений является закономерным этапом развития организационной составляющей труда. Электронная подпись, которая также индивидуализирует граждан, служит эффективным способом защиты документов и отвечает требованиям времени.

Современное общество характеризуется стремительным развитием технологий, происходит переход к новому технологическому укладу, базирующемуся на цифровизации общественных взаимодействий: согласно Указу Президента Российской Федерации, одной из национальных целей развития, определенных до 2030 года, обозначена цифровая трансформация [Указ Президента Российской Федерации 2020]. В условиях стремительного развития технологий необходимо найти баланс между инновациями и сохранением индивидуальности, в связи с этим глубокое исследование проблемы индивидуализации физических лиц является крайне актуальным.

Обозначенные проблемы приводят к выводу о том, что в действующем гражданском законодательстве недостаточно внимания уделяется исследуемому вопросу и нужно совершенствование ГК РФ в этом направлении. Предложения по этому поводу имеются в научной литературе и на уровне законопроектов.

На наш взгляд, все перечисленные проблемы с очевидностью свидетельствуют о необходимости модернизации законодательства об индивидуализации гражданина. Влияние цифровых технологий и возникновение новых средств индивидуализации физических лиц демонстрируют необходимость разработки другого подхода к правовому регулированию этих вопросов со стороны законодателя. Первым шагом может быть дополнение ГК РФ отдельной статьей 18.1 «Средства индивидуализации гражданина». Содержание этой статьи может включать регламентированный перечень средств индивидуализации физических лиц, который будет учитывать влияние современных технологий на развитие цифровой среды и общественных отношений.

Литература

- Агарков М. М. Право на имя / Агарков М. М. Избранные труды по гражданскому праву: в 2-х т. Т. II. М., 2002. С. 182-207.
- Гонгало Б. М. Гражданское право: учеб. В 2 т. / С.С. Алексеев, О.Г. Алексеева, К.П. Беляев и др.; под ред. Б.М. Гонгало. М., 2017. Т. 1.
- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1996.
- Лебедева В., Литвиненко Ю. У дикторов крадут голоса: Представители отрасли просят о регулировании технологий синтеза речи / Коммерсант. - 2023. - URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5785920?ysclid=mc4ebdg0m0707776870>.
- Малеина М. Н. Формирование понятия «человек» в российском праве / Государство и право. – 2017. – № 1. – С. 20.
- О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации : Законопроект от 16.09.2024 № 718834-8. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/718834-8>.
- О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года: Указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 года № 474 / Собрание законодательства РФ. - 2020. - № 30. - Ст. - 4884.
- Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. М., 2001.
- Президентские эксперты не поддержали законопроект об охране голоса. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2024/10/25/1070810-ne-podderzhali-zakonoproekt-ob-ohrane-golosa>.
- Словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1999. Т. 1. URL: <https://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/09/ma166530.htm>.
- Суханов Е. А. Гражданское право : учебник : в 4 т. / отв. ред. Е. А. Суханов. М., 2023. Т. 1.
- Тархов В. А. Гражданское право. Чебоксары, 1997.
- Ярошенко К. Б. Жизнь и здоровье под охраной закона. М., 1990.

References

- Agarkov, M. M. (2002). The right to a name. Agarkov M. M. Selected works on civil law, in 2 volumes, 2, 182-207 (in Russian). Dictionary of the Russian language (1999). In 4 volumes. Ed. by A. P. Evgenyeva. Vol. 1. Moscow. Available from: <https://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/09/ma166530.htm> (in Russian).
- Gongalo, B. M. (2017). Civil Law: Textbook. In 2 volumes / S.S. Alekseev, O.G. Alekseeva, K.P. Belyaev, et al.; edited by B.M. Gongalo. Moscow, Vol. 1 (in Russian).
- Lebedeva, V., Litvinenko, Yu. (2023). Voices are being stolen from announcers: Industry representatives ask for regulation of speech synthesis technologies. Kommersant. Available from: <https://www.kommersant.ru/doc/5785920?ysclid=mc4ebdg0m0707776870> (in Russian).
- Maleina, M. N. (2017). Formation of the concept of "person" in Russian law. State and Law. No. 1, 20 (in Russian).
- On Amendments to Part One of the Civil Code of the Russian Federation: Bill of 16.09.2024 No. 718834-8. Available from: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/718834-8> (in Russian).
- On the national development goals of the Russian Federation for the period up to 2030: Decree of the President of the Russian Federation of July 21, 2020 No. 474. Collection of Legislation of the Russian Federation, 2020, no. 30, art. 4884 (in Russian).
- Ozhegov, S. I., Shvedova, N. Yu. (1996). Explanatory dictionary of the Russian language (in Russian).
- Pokrovsky I. A. (2001). Basic problems of civil law. Moscow (in Russian).

Presidential experts did not support the bill on voice protection. (2024). Available from: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2024/10/25/1070810-ne-podderzhali-zakonoproekt-ob-ohrane-golosa> (in Russian).

Sukhanov, E. A. (2023). Civil law: textbook: in 4 volumes, rep. ed. E. A. Sukhanov. 3rd ed. reworked and additional, Moscow, Vol. 1 (in Russian).

Tarkhov, V. A. (1997). Civil law (in Russian).

Yaroshenko, K. B. (1990). Life and health under the protection of the law. Moscow, 1990, 13 (in Russian).

Citation:

Филиппова Т. А., Вознюк С. В. Индивидуализация гражданина как субъекта гражданских правоотношений // Юрислингвистика. – 2025 – 38. – С. 39-43.

Philippova T. A., Vozniuk S. V. (2025) Individualization of a Citizen as a Subject of Legal Civil Matters. Legal Linguistics, 38, 39-43.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

ПРАВОВАЯ КОММУНИКАЦИЯ УДК 340.113, 808.5, ББК 67.410, ГРНТИ 10.07.01, 16.21.55, Код ВАК 5.1.1

Юридическая риторика: драгоценная часть теории права

А. А. Беженцев

Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Президентская академия), (РАНХиГС)

Средний пр. Васильевского Острова, 57/43, 199178, Санкт-Петербург, Россия. E-mail: adovd@mail.ru

Работа посвящена современному комплексному системному изучению проблем юридической риторики как важного правового базиса для: а) применения юридической техники; б) осуществления конституционного принципа состязательности сторон в суде; в) выработки правовой речевой культуры и на ее основе общей правовой культуры; г) качественного уголовного, гражданского, арбитражного и административного процессов. Доказано непосредственное влияние евразийской юридической риторики на: а) формирование демократических, правовых и социальных государств; б) воспитание у населения евразийского правопонимания, соответствующего правосознания и правовой культуры; в) становление на континенте единого евразийского гражданского общества. Выяснена значимость юридической риторики для оптимизации процессов правотворчества, законообразования и правоприменения. Аргументирована предопределяющая роль юридической риторики для выработки, эволюции и модернизации современного процессуального законодательства и его результативного применения в жизнедеятельности социума. Обозначена потребность усиления уровня развития юридической риторики как существенного базиса для реализации высококачественного правосудия и оптимизации системы судопроизводства. Практическое значение полученных результатов состоит в том, что сформулированные теоретические положения, предложения, рекомендации и выводы имеют прикладное значение. Они могут быть полезны для более точной формулировки законов, подзаконных актов, в том числе в разрезе унификации терминологического аппарата, а также в просветительской деятельности с целью правового воспитания граждан и повышения их правосознания и правовой культуры.

Ключевые слова: теория права, юридическая риторика, судебная риторика, технология коммуникации, юридическая лингвистика, юридическая аргументация, участник судебного процесса, состязательность сторон, правовая традиция, правосознание, правопонимание, правовая культура, евразийская интеграция.

Legal Rhetoric: A Precious Part of Legal Theory

A. A. Bezhentsev

North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Presidential Academy), (RANEPA)

57/43 Sredny pr. Vasilievsky Island, 199178, St. Petersburg, Russia. E-mail: adovd@mail.ru

The work discusses a modern comprehensive systemic study of the problems of legal rhetoric as an important legal basis for: a) the application of legal technique; b) the implementation of the constitutional principle of adversarial proceedings in court; c) the development of legal speech culture and, drawing on it, general legal culture; d) high-quality criminal, civil, arbitration and administrative processes. Here has been confirmed the direct influence of Eurasian legal rhetoric on: a) the formation of democratic, legal and social states; b) development of the Eurasian legal understanding, corresponding legal consciousness and legal culture in the general public; c) the formation of a single Eurasian civil society on the continent. The significance of legal rhetoric for the optimization of lawmaking, law formulation and law enforcement processes is clarified. The predetermining role of legal rhetoric for the development, evolution and modernization of current procedural legislation and its effective application into the life of society is substantiated. Here has been stated the need to strengthen the development of legal rhetoric as a significant basis for implementing high-quality justice and optimizing the judicial system. The relevance of the obtained results lies in the fact that the stated theoretical propositions, proposals, recommendations, and conclusions have practical application. They can be useful for more precise wording of laws and regulations, including the aspect of unifying terminology, as well as in education aimed at updating citizens on the legal aspects of the law and enhancing their legal awareness and legal culture.

Key words: legal theory, legal rhetoric, judicial rhetoric, communication technology, legal linguistics, legal argumentation, litigants, adversarial proceedings, legal tradition, legal awareness, legal understanding, legal culture, Eurasian integration.

В условиях глобализации и интенсивного развития коммуникационных технологий, а также с углублением тенденций к нормированию общественных отношений во всех сферах жизнедеятельности общества растет значение *юридической риторики* как таковой, из которой берут начало юриспруденция в целом и теория государства и права в частности. Наблюдается углубление энтузиазма к данному научному направлению со стороны ученых и законодателей разных государств, исследующих юридическую риторику с теоретико-правовых и философских позиций. Особенно интересует современных исследователей этой проблематики вопрос понимания правового текста, а также умение правильно вести правовые переговоры и провозглашать судебные речи. Не случайно во многих странах мира уже несколько десятилетий подряд в высших учебных заведениях, преимущественно на юридических факультетах, преподают такие учебные дисциплины, как «Юридическая (правовая) риторика», «Риторика для юристов», «Юридическое красноречие», «Риторика и документоведение в юриспруденции», «Культура речи юриста», «Правовая культура и юридическая риторика», «Ведение юридических переговоров», «Ораторское искусство юриста», «Профессиональная речь юриста», «Судебная риторика», «Судебное красноречие», «Адвокатская риторика», «Риторика государственного обвинения», где обращается внимание как на письменный сценарий ведения переговоров по юридическим вопросам, так и на качество выступлений их участников, в том числе и в суде.

Именно поэтому многие мировые и, в частности, евразийские страны развитой демократии устанавливают оптимальные правила правового речевого поведения в обществе, которые основываются исключительно на общих и специальных правовых принципах и механизмах убеждения и опираются на международные, в том числе евразийские, правовые стандарты и нормы национальных и международных нормативно-правовых актов. Благодаря этому и осуществляемым в странах мирового сообщества научным исследованиям в сфере юридической риторики, успешно внедряемым в практическую жизнь, страны развитой демократии успешно за достаточно короткий промежуток времени построили современные правовые и социальные государства, сформировали развитое гражданское общество с высоким уровнем правопонимания, правосознания и правовой культуры.

Россия, входящая в евразийское правовое пространство, успешно построившая демократическое, социальное и правовое государство с высокоразвитым гражданским обществом, все более интенсивно внедряет международные правила и стандарты в сфере юридической риторики, интенсивно заключая соответствующие международные соглашения. Непосредственное введение в правооборот международной юридической риторики, правил, стандартов и нормативов влечет за собой некоторые коллизионные ситуации в правовой жизни нашей державы, которые можно объяснить различиями в правовых традициях восточнославянских и других стран. Указанное побуждает ученых разных стран изучать эти вопросы, в частности, исследовать проблемы введения евразийской юридической риторики в систему права тех стран, чьи правовые системы, подобно российской, входят традиционно не в романо-германскую правовую семью.

Потребность в устранении указанных разногласий, что позволит максимально гармонизировать национальную правовую систему и адаптировать национальное законодательство, правовую систему в общемировую, требует осуществления глубоких научных исследований в сфере юридической риторики, особенно со стороны ученого сообщества и законодателей.

Необходимо отметить, что в научных трудах: а) дореволюционных исследователей: В. М. Гессена, А. Д. Градовского, И. А. Ильина, Б. А. Кистяковского, С. А. Котляревского, П. И. Новгородцева, М. Я. Острогорского, Л. И. Петражицкого, Е. Н. Трубецкого, Б. Н. Чичерина, Г. Ф. Шершеневича; б) советских ученых-юристов: Н. Н. Алексеева, С. С. Алексеева, А. Б. Венгерова, Д. А. Керимова, Б. М. Лазарева, О. В. Мартышина, М. Н. Марченко, В. С. Нерсисянца, В. Е. Чиркина, М. Д. Шаргородского; в) зарубежных представителей философии и права: Э. Берка, Ж. Бодена, Г. Гегеля, Г. Гроция, Р. Дворкина, Г. Кельзена, Ш. Монтескье, Ф. Савиньи, А. Токвиля, А. Шопенгауэра, Р. Штаммлера – обращалось внимание на проблемы толкования языка права, общетеоретические аспекты культуры речи юриста, судебной риторики.

Следует отметить и то, что в советское время [Пашин 1988; Данилевич 1983; Остапчук 1980; Ковалев 1973], за последний период в России [Трофимова 2021; Потапова 2006; Максименкова 2005; Володина 2002; Мазур 2001] защищен ряд диссертаций по различным отраслям права, написаны научные статьи [Гаджиев 2023; Гаджиев 2025; Дединкин 2024; Амосова, Берестенников, Смирнов 2025], опубликованы материалы для подготовки и повышения квалификации юристов [Введенская, Павлова 2005; Анисимова 2024; Брусенская, Куликова 2024; Некрасов 2025; Абрамова 2025; Мамишева, Чеботарева, Савина 2023; Красовская 2020; Ткачева 2023; Никулина 2025; Никулина 2024], содержащие анализ отдельных аспектов юридической риторики.

Однако существующие публикации и диссертационные работы не содержат современного, с учетом завершения становления многополярного мира, комплексного научного подхода к проблемам юридической риторики как науки и учебной дисциплины, определения точного ее места в системе правовых и общественных наук в целом, поэтому данная статья органически дополняет их.

Указанное, а также настоятельная необходимость в осуществлении, благодаря и на основе реформированной национальной юридической риторики, трансформированной в евразийскую, усовершенствования систем правообразования и правоприменения, разработке постоянно действующих гармонизационных и адаптационных механизмов, поиске средств сближения национальной правовой системы России с национальными правовыми системами развитых стран мира, адаптации ее к евразийской, подтверждают актуальность настоящей научной статьи.

В основу методологии исследования положена система: а) философско-мировоззренческих; б) общенаучных; в) специально-научных методов и подходов, принципов познания юридической риторики как составляющей теории государства и права.

Так, системный метод дал возможность рассмотреть юридическую риторику как систему методов, способов и

форм содействия правообразованию и правоприменению. Исторический метод позволил максимально учесть опыт, аспекты новизны и наследственности в современных подходах к проблематике использования юридической риторики как элемента усовершенствования прикладных юридических наук. Сравнительный метод использовался для характеристики направлений дальнейшего усовершенствования правовых составляющих юридической риторики, а также для анализа развития юридической риторики на разных этапах. Диалектический метод обеспечил применение соответствующих категорий диалектики в комплексе, таких как форма и содержание, вероятность и реальность. Применение структурного метода позволило в процессе исследования обнаружить устойчивые взаимосвязи между составными элементами юридической риторики. Функциональный метод позволил выявить основные свойства и предназначение механизмов юридической риторики для: а) обеспечения законодательного процесса; б) оптимизации судебного процесса; в) интенсификации интеграционных процессов на основе реформирования национальной правовой системы и максимальной адаптации ее к евразийской. Формально-правовой метод позволил описать, классифицировать и систематизировать юридическую риторику как правовой феномен, а также исследовать ее внутреннюю структуру и внешнюю форму.

Теоретическое значение полученных результатов заключается в том, что они могут быть использованы в учебном процессе при преподавании таких учебных дисциплин, как «История государства и права», «Теория государства и права», «Философия права», «Социология права», «Сравнительное правоведение», «Юридическая риторика», «Юридическая логика», «Культура речи юриста», а также для подготовки отдельных учебных изданий по соответствующим правовым дисциплинам.

I. Становление и развитие юридической риторики как составляющей теории государства и права на разных этапах мировой истории.

Ознакамливаясь с возникновением и становлением юридической риторики в Античную эпоху, укажем, что этот период человечество может благодарить за появление юридической риторики, которая стала одной из основ для формирования юриспруденции, теории государства и права, юридических и других гуманитарных наук. Риторика (проистекает от древнегреческого «ῥητορικὴ τέχνη» (rhētorikḗ tékhnē), что обозначает «искусство убеждения» или «ораторское искусство») античности – это наметившаяся в Древней Греции и эволюционирующая в Древнем Риме (хотя ораторское искусство знали и в Древнем Египте, Вавилоне, Ассирии, Индии, Китае) наука и искусство убеждающего красноречия, базирующегося на принципах Платона (считал риторику искусством убеждения, сформированным на знании истины, а не на «пустой» софистике, утверждал, что подлинный оратор должен быть философом, грамотным в абсолютной истине, чтобы вести людей к благу), Аристотеля (сотворил первое комплексное учение о красноречии (трактат «Риторика») как о способности находить и реализовывать средства убеждения), Цицерона (представитель римской риторики, который развил идеи классического красноречия), Квинтилиана (его трактат «Наставления оратору» стал одним из важнейших памятников по античной риторике), сплетенное с политикой, правом и судебной практикой.

Античные ученые раскрыли огромную роль юридической риторики в формировании юриспруденции, других общественных наук, доказали, что уровень владения риторикой в обществе свидетельствует об уровне его развитости и духовности. Античные греки устами Протагора первыми провозгласили демократический принцип приоритетности прав человека в государстве и обществе, где человек – мера всех вещей. Формализуя юридический язык, греки-софисты первыми в истории юриспруденции установили для правового словесного мастерства специальные критерии: грамматическую правильность правового языка и его стилистичность.

Существенное внимание со стороны древнегреческих мыслителей и ораторов уделялось нормированию правовой мысли, ее формализации, закладке научных основ юридической техники. Древнегреческие философы-риторы сформулировали теорию убеждения, заложили теоретическую основу юридической психологии и теории восприятия. Риторы Древнего Рима систематизировали греческую риторику, трансформировали ее в государственную идеологию, заложив базу современной юридической риторики. Римлянами же было усовершенствовано учение о правовых речах, их типах, структуре.

Именно в античную эпоху возникло учение о правовых статусах, теории судебной речи и судебных дебатов, теории доказывания правильности выдвинутого тезиса; определены судебные процедуры, установлены порядок и сроки подачи исковых документов в суд. Потребность в развитии научно-теоретических основ юридической риторики и ее составной части – судебной риторики – стимулировала зарождение и формирование институтов юридической речи, юридической аргументации, юридической техники, в том числе языка законов и института прикладного искусства ведения судебных прений и осуществления судебных речей.

В античный период сформировались прототипы современных правовых институтов: представительства, профессиональных участников судебного процесса (судьи, прокурора, адвоката); суда присяжных. Также были сформулированы требования к профессиональной юридической подготовке, созданы первые учебные заведения и научные центры для изучения юридической риторики и осуществления научных исследований в соответствующей сфере. Была развита и теория правдоподобности, которая уже тогда широко применялась в судебных речах и дебатах, научных юридических спорах и дискуссиях. На основе этой теории в дальнейшем была сформирована прецедентная система права, которая функционирует на территории разных стран мира, а также служит фундаментом для функционирования некоторых международных судебных систем.

Разбирая развитие юридической риторики в эпоху Средневековья, обозначим, что эта эпоха характеризовалась тем, что в области юридической риторики место демократических институтов античных времен заняли строгий догматизм и схоластика, что обусловило введение юридической риторики в жесткие императивные рамки. В условиях становления церкви как института власти и процветания схоластики вместе с назначением риторики меняется ее суть. Риторика проявляла себя преимущественно в письменных юридических документах: а) письмах; б) публичных письменных правовых дискуссиях специалистов; в) сухом языке судебных процессов. В упомянутую эпоху научные исследования в сфере юридической риторики привели к систематизации письменного юридического текста, а также текстов речей, к

упорядочению терминологии юридических текстов и речей, включая судебные.

У средневековых славян именно в этот период происходит формирование и расцвет юридической риторики. Особенно активно ее развитие наблюдается после принятия христианства на территории Киевской Руси. Именно в Киевской Руси IX–XII ст., во времена правления киевских князя Игоря, княгини Ольги, князей Святослава, Владимира, Ярослава Мудрого были открыты первые библиотеки, школы, где значительное место отводилось юридической риторике.

Воспринимая эволюцию юридической риторики в эпоху Возрождения и Просвещения, отметим, что Возрождение ознаменовалось достаточно значительными переменами в культуре народов мира. Именно в этот период вместе с возобновлением судебной и парламентской риторики рождается торговая риторика. Все три типа риторики являются составляющими юридической. Рост ведущей роли упомянутых элементов юридической риторики привел к усиленному развитию письменной полемики.

Широкое внедрение в эпоху Возрождения письменной формы юридической риторики значительно обогатило ее как область научных знаний, а также служило совершенствованию прикладной юриспруденции. В эту эпоху сухой и щепетильный юридический язык обогатился литературной лексикой. Усилилось и значение юридической техники и стилистики.

В эпоху Просвещения в XVIII ст. на территории Европы, особенно в Англии и Франции, были написаны многочисленные научные труды по вопросам риторики. В XVII–XVIII ст. в учебных заведениях России изучалась античная риторика, а также произведения французских авторов эпохи Возрождения и Просвещения.

Освещая историю юридической риторики в XIX–XX ст., заметим усиление интереса к риторике, что объясняется, в частности, увеличением интереса к языку. Налицествуя аргументированная позиция, что для философии и гуманитарных наук XIX–XX ст. характерен так называемый языковой переворот, вследствие которого представители самых многообразных наук, школ и направлений начинают уделять существенное внимание языку.

Признание человека, его прав и интересов приоритетными в демократических государствах, а также бурный законодательный процесс, связанный с появлением новых сфер регулирования правоотношений, внешнеполитические стремления стран усиливают заинтересованность законодателей разных государств в развитии юридической риторики.

Не случайно видный правовед, государственный и общественный деятель, блестящий судебный оратор XIX–XX ст. **А. Ф. Кони** в своих трудах обращал внимание, что юрист должен быть человеком, у которого общее образование идет впереди специального, так как юрист постоянно контактирует и общается с различными по а) гендерной принадлежности; б) расовым и национальным признакам; в) происхождению; г) имущественному и служебному положению; д) месту жительства; е) взглядам на религию; ж) убеждению; з) принадлежности к социальным объединениям; и) знанию языков людьми, «вклинивается» в их правоотношения. В данном контексте юристу судьбоносно обладать такими коммуникативными качествами, которые способны обеспечивать оптимальное выполнение профессиональных обязанностей. На самое первое место целесообразно поставить культуру речи юриста. От того, сколь богат, состоятелен и крепок его словарный запас, сколь он умело и рационально распоряжается индивидуальным лексическим фондом, во многом зависит успех его служебной деятельности [Кони 2025].

Еще в дореволюционный период отечественной истории (до 1917 г.) на территории нашего отечества риторика преподавалась как учебная дисциплина. Как таковая она предусматривала овладение обучающимися определенной системой теоретических знаний, а также приобретение практических навыков. Не случайно практическое овладение риторикой основывается на знаниях, умении и длительном опыте составления и озвучивания выступлений перед разными по социальному и количественному составу аудиториями.

Активное развитие риторики современного периода связано с политическими изменениями, характеризующимися увеличением спроса на искусство публичного доказывания. Однако состояние современного судебного ораторского искусства свидетельствует, прежде всего, об определенных дискуссионных тенденциях в подготовке профессиональных участников судебного процесса, особенно адвокатов и прокуроров. Авторитет правосудия несовместим с осуждением невиновных по вине ненадлежащего уровня подготовки их защитников или государственных обвинителей. Профессионализм как в правовой подготовке, так и во владении мастерством судебной риторики должен быть положен в основу дальнейшего развития правосудия.

II. Формирование юридической риторики как составляющей теории государства и права в системе правовых знаний.

Обозревая развитие юридической риторики как теоретической и прикладной дисциплины в составе теории государства и права и ее связь с другими юридическими науками, укажем, что теория государства и права, во-первых, устанавливает это понятие. Значение теории государства и права как методологического источника всех юридических дисциплин напрямую связывает эту науку с профессиональной юридической риторикой, которая является ее составляющей. Достижения теории государства и права относительно предпосылок происхождения и закономерности эволюции явлений общественно-правовой и государственно-политической действительности непосредственно касаются конкретно-исторических и социальных условий речевой деятельности юриста, а следовательно, позволяют проследить и предусмотреть возможные изменения, генезис профессиональной юридической риторики и как составляющей теории государства и права, и как самостоятельной научной дисциплины. Усматривается и обратная связь этих двух наук. Юридическая риторика как специализированная дисциплина исследует определенный вид официального поведения юриста-профессионала, выступающего исполнителем определенных функций государства, является частью государственно-правовой действительности. Здесь предметы теории государства и права и юридической риторики совпадают.

Анализируя связь юридической риторики с отраслевыми юридическими науками, следует иметь в виду, что последние, такие, к примеру, как а) конституционное; б) административное; в) уголовное; г) гражданское; д) финансовое; е) трудовое; ж) земельное; з) жилищное; и) семейное право, могут восприниматься в двух неидентичных измерениях: 1) как

соответствующая совокупность нормативно-правового материала; 2) как система знаний о характере правового регулирования дифференцированной сферы общественных отношений.

С появлением новых юридических отраслей, их реформированием, происходящими изменениями в правовых системах, особенно в условиях глобализации, установления нового миропорядка, юридическая риторика как составляющая теории государства и права и как научная дисциплина не только не может и не должна терять своего значения, а наоборот, должна занять достойное место в системе правовых и всех общественных наук, ведь она является, как уже отмечалось, неотъемлемой их частью, в том числе и как форма их выражения.

Следовательно, чем выше будет качество юридической риторики как теоретико-прикладной дисциплины, тем значительнее будет уровень преподавания и восприятия всей правовой науки, а вместе с ней других общественных наук, поскольку юридическая риторика должна отражать состояние не только всего действующего законодательства и всех форм активной речевой деятельности юристов, особенно выступающих участниками судебных процессов, но и общие социальные и моральные условия, продиктованные национальным обществом на современном этапе развития. Это приводит к вариативности связей юридической риторики с юридическими (нормативными) дисциплинами и другими общественными науками.

Следует отметить, что юридическая риторика приобретает особенно важное значение именно в период международной и евразийской правовой, экономической и социальной интеграции, так как она является основой всех интеграционных связей, происходящих при активном процессе имплементации международных и евразийских правовых стандартов, гармонизации и унификации национальных правовых систем и их адаптации к международной и евразийской правовым системам.

Таким образом, юридическую риторику в системе правовых дисциплин следует определить как комплексную теоретико-прикладную специально-юридическую дисциплину.

Описывая соотношение юридической риторики с другими общественными науками, отметим, что в системе других общественных наук юридическая риторика занимает особое место, что обусловлено не только ее способностью к формированию и выражению юридической мысли, но и выполнением ею комплекса жизненно важных для общества функций. При этом юридическая риторика, исходя из системы логических доказательств и применяя механизмы аргументации, действует в тесной взаимосвязи с другими общественными науками: а) юридической лингвистикой и психолингвистикой; б) языкознанием и литературоведением; в) социологией, психологией и философией; г) логикой и этикой.

Философию с юридической риторикой объединяет интеллектуально-духовная связь и нравственность. Логически связывается с профессиональной юридической риторикой этика как одно из древнейших предметных направлений философского знания. Эстетика применяется для формирования стиля речи.

В современной юридической риторике логика, как часть философского знания, одновременно является и самостоятельной отраслью науки, и базисом аргументации. Логичность утверждений (применительно к содержанию) и изложения материала (применительно к форме, применению тех или иных речевых средств) речи профессионального участника судебного процесса означает, что она будет понята судебной аудиторией, а изложенные тезисы – восприняты как правдоподобные. Психология способствует юристу-ритору в исследовании общих психологических особенностей, например прокурору – в создании портрета подсудимого, а адвокату – в изображении фигуры подзащитного.

Психологически точно представленные риториками-юристами фигуры указанных участников судебного процесса помогают в создании предпосылок для принятия успешного и юридически правильного решения.

Этика связывается с юридической риторикой вдвойне: 1) как общая наука она предоставляет сведения о моральных устоях общества, в значительной степени определяющих впечатление и предвзятость аудитории; 2) как специальная юридическая деонтология – заимствует у юридической риторики коммуникативные стандарты адекватности и точности речи, средства достижения эффективности профессионального общения.

Практическая юридическая психология является основой методологического наполнения юридической риторики в части рекомендаций и приемов, соблюдение которых юристом-ритором, например профессиональным участником судебного процесса, существенно повышает эффективность его официальной речи через эмоциональность и психологическое воздействие.

Несмотря на комплексность юридической риторики и ее взаимодействие и связь с другими общественными науками, она неразрывно связана со всей системой юридических наук.

На основе исследований ученых, обращающихся к проблеме коммуникативных качеств юридической речи [Малюкова 2023; Белова 2022; Блажевич 2025], и изучения юридической риторики в контексте других общественных наук важно сформировать оптимальную модель речи современного юриста-профессионала. Поскольку такая модель предполагает прямо или косвенно определенные правовые последствия, она должна быть: а) адресной; б) терминологически точной; в) логически выверенной; г) юридически корректной; д) понятной; е) убедительной.

Распознавая место юридической риторики в сфере правообразования и правоприменения, утвердим, что она играет здесь одну из ведущих ролей. Особое внимание при правообразовании должно уделяться основным языковым средствам и правилам их использования. Должны быть установлены правила языково-стилистического оформления как законов, так и подзаконных нормативных правовых актов. Подзаконные нормативные правовые акты не могут изменять значение терминов, использованных в законе, и поэтому для изложения их содержания могут быть использованы предложения более сложной конструкции. При их формировании является недопустимым употребление экспрессивности допускаемого языка.

Исследуя слова как важнейшую исходную единицу речи и текста, следует анализировать определенные свойства и особенности самостоятельных лексических групп слов. В этом аспекте особое внимание предлагается уделять характеристике

терминологии нормативных правовых актов всех уровней. Через норму закона должно быть выдвинуто унифицированное требование к терминологии законодательных актов в части их: а) четкости; б) однозначности; в) простоты; г) доступности в восприятии; д) соответствия нормам российской лексики.

Предлагается закрепить нормативно правила и способы структурирования нормативных правовых актов, требования к порядку изложения их содержания, а также отдельных структурных элементов таких правовых актов, как, например, письменные акты-документы. Ведь правильная структуризация нормативных правовых актов и последовательное размещение в них нормативного материала обеспечивают такие свойства, как а) выразительность; б) логическая последовательность; в) цельность; г) доступность для восприятия, а также облегчают поиск и систематизацию нормативных правовых актов. Представляется целесообразным ввести правила, относящиеся к порядку изложения нормативного правового материала – от общего к конкретному (частному). Последовательность содержания должна соответствовать развитию регулируемых отношений: вначале целесообразно излагать регулятивные предписания, а затем определяющие юридическую ответственность и процедуру.

Особое внимание целесообразно уделить юридической технике. Предлагается выделить критерии, по которым могут группироваться нормативно-правовые предписания: 1) по однородности субъектов или объектов права; 2) по юридическим фактам, а также необходимо установить правила обозначения рубрик с помощью букв и цифр с тем, чтобы нумерация структурных частей нормативного правового акта была а) сквозной; б) стабильной; в) одинаковой; г) удобной.

Повествуя о коррелятивной связи юридической риторики с теорией юридической аргументации, установим, что юридическая риторика имеет коррелятивную и неразрывную связь с теорией аргументации. От убедительности доказательств прокурора, защитной речи адвоката, аргументированности искового заявления зависит окончательное решение дела, справедливость судебного решения. Более того, в законодательстве многих стран, регулирующих судебную систему, прямо записано, что судья обязан обосновывать свое решение.

Рассматриваемые в парламентах законопроекты также требуют обязательных аргументов в пользу их целесообразности и актуальности. Например, в Федеральном Собрании обязательно предоставление объяснительных записок и технико-экономических обоснований к законопроектам, которыми доказывается целесообразность их рассмотрения и принятия.

Итак, юридическая риторика тесно взаимодействует и переплетается с теорией аргументации. Методологической основой профессиональной риторики специалиста-юриста, в частности, участника судебного процесса на современном этапе, следует признать концепцию риторической аргументации как соответствующего философского учения, которое наиболее приспособлено к потребностям такого специалиста.

Исследуя вопросы теории юридической аргументации, усматриваем, что и логический, и диалогический подходы напрямую связаны с риторическим аспектом, поскольку и логика юридической аргументации, и диалогический аспект – это неотъемлемые составляющие юридической риторики. Теория юридической аргументации изучает и воспроизводит четко определенные, легализованные и формализованные юридические дискуссионные средства, применяемые в процессе юридической аргументации. Исходя из этого, сформулируем авторскую дефиницию теории юридической аргументации как науки, изучающей механизмы и предлагающей правила доказывания и обоснования правильности юридического тезиса с применением риторических и логических средств и приемов доказывания и убеждения.

Таким образом, предметом рассмотрения в юридической аргументации будет процесс юридического риторического обоснования, отстаивания определенного правового положения (утверждения, гипотезы, концепции) на основании проанализированных, исследованных фактов, обобщенных наблюдений, экспериментов, а также употребления известных юридических аргументов, применяемых для доказывания по аналогии.

Разрабатывая юридическую риторику как теоретико-прикладную основу для оптимизации технологий коммуникаций, раскроем, что она занимает особое место, поскольку в ней одинаково важную роль играет как форма, так и содержание юридического текста. Нетрудно убедиться, что юриспруденция во всех ее проявлениях (отраслях, подотраслях, институтах) основывается на технологиях коммуникаций. Ведущее место в деятельности каждого юриста играет уровень владения технологией коммуникации и ее основными средствами, среди которых приоритетное место занимает именно юридическая риторика, которая проявляется через юридический язык. Точность и ясность юридического языка, четкое применение формулировок, терминологии в значительной степени определяют результативность юриспруденции в целом и каждого ее вида и подвида в частности. Важным элементом юридической риторики является речь как инструмент и средство правоприменительной деятельности. Для качества юридической речи важными условиями являются правильность формы изложения текста, его определенность и понятность, доступность для каждого рядового гражданина; индивидуальные качества ратора, позволяющие ему произнести речь таким образом, чтобы она была результативной, оптимально достигала поставленных целей.

III. Особенности развития судебной риторики как ведущей составляющей юридической риторики.

Анализируя специфику развития судебной риторики в контексте развития современной юридической риторики, рассмотрим общие вопросы, касающиеся риторики профессиональных участников судебного процесса: а) судьи; б) прокурора; в) адвоката.

Судебная риторика с момента ее возникновения в древних Афинах занимает особое место в обществе. Еще при античности от профессионального участника судебного процесса – судебного ратора – общество требовало оптимального владения: а) познавательными; б) коммуникативными; в) организаторскими; г) воспитательными знаниями и умениями.

Современные судебные риторы-профессионалы призваны осуществлять свою деятельность в четко определенных правовых формах, в границы которых вписываются конкретные жизненные ситуации, общение с разными типами аудиторий – заявителей, подозреваемых и обвиняемых, свидетелей. В этих общественных связях профессиональный участник судебного процесса должен действовать всегда не как абстрактное лицо с определенным кругом полномочий, а как субъект мыслящий, индивидуализированный, которому должны быть присущи как высокое профессиональное правосознание, так и наличие

высоких духовных и нравственных обществ, уровень знаний и осведомленности по широкому кругу вопросов.

Значительное влияние на сферу профессиональных знаний судебного ратора оказывает современное состояние процессуального законодательства и правовой, в том числе процедурной, регламентации деятельности профессиональных участников судебного процесса, непосредственно определяющих легализованные формы их официального общения.

В целях обеспечения качества и эффективности судебного процесса и в целом системы демократического судопроизводства предлагается разработать проект Федерального закона «О юридической риторике официальных участников судебного процесса», который будет определять основы образования, теоретической и практической подготовки, аттестации и присвоения квалификации будущим профессиональным участникам судебного процесса. При этом во главу угла стоит поставить культуру речи юриста. От того, насколько богат его словарный запас, профессионально владение как общей, так и профессиональной лексикой, насколько он умело распоряжается индивидуальным лексическим фондом, во многом будет зависеть успех его деятельности как юриста.

Подготовка профессиональных участников судебного процесса (судебных раторов) требует изучения и овладения ими на высоком профессиональном уровне основными элементами юридической риторики, а также ее неотъемлемыми атрибутами, в частности: а) логическими основами судебного языка; б) теорией и практикой убеждения; в) теорией аргументации; г) установившейся композицией судебной речи. В проекте закона целесообразно уделить внимание вопросам установления юридических приемов и средств построения судебных речей, употребляемой в них юридической терминологии, приспособления каждой судебной речи к составу потенциальной судебной аудитории, которая будет состоять, в основном, как из профессиональных, так и из непрофессиональных участников судебного процесса.

Осмысливая особенности риторики судьи как профессионального участника судебного процесса, укажем, что она имеет особенности, отличающие ее от риторики других профессиональных участников судебного процесса, таких как прокурор и адвокат. Специфичность риторики судьи объясняется особенностью его места в процессе в отличие от других участников. Среди характерных признаков следует отметить, что судья: а) председательствует в суде; б) расписывает сценарий судебного заседания; в) является модератором судебного заседания; г) задает вопросы и ведет переговоры со всеми участниками процесса; д) допрашивает свидетелей в судебном заседании; е) обеспечивает порядок во время судебного заседания; ж) оценивает материалы, предоставленные сторонами (прокурором, адвокатом). Следовательно, и язык судьи всегда имел и имеет отличия от судебной речи других участников судебного процесса, в том числе и профессиональных – прокурора и адвоката. Это имеет значение для определения коммуникативных связей, требующих от судьи навыков профессиональной речи, а также определения особенностей применения определенных риторических приемов и средств, избрания стратегии и тактики публичного официального общения.

Представляется целесообразным в предложенном выше проекте Федерального закона «О юридической риторике официальных участников судебного процесса» предусмотреть отдельный раздел, посвященный языку судебного процесса, определив в нем правила применения перевода судебного процесса и требования к применению языков субъектов Российской Федерации. Кроме того, в предложенном законопроекте следует предусмотреть раздел: «Юридическая риторика судьи как профессионального участника судебного процесса».

По нашему мнению, в местах компактного проживания национальных меньшинств следует проводить подбор судей, владеющих языками соответствующих национальных меньшинств, для возможности самостоятельно, без услуг переводчика, осуществлять ведение процесса на обоих языках – государственном и языке национального меньшинства (языке субъекта федерации), проживающего в соответствующей местности. Особенно это важно для уголовного процесса, когда неточность перевода или незнание переводчиком тонкостей правовой лексики может привести к роковой ошибке и принятию неправильного судебного решения. В предложенном разделе должны быть определены требования к судье как ратору, публично озвучивающему собственноручно написанный или подготовленный другим уполномоченным лицом текст судебного монолога, а также диалога с участием судьи.

Юридическая риторика, в частности, судебная, которой владеет и пользуется прокурор во время выступлений на судебных процессах, играет ведущую роль в осуществлении судебного процесса, особенно в условиях развития правового государства и гражданского общества. Публичное ознакомление общества, в том числе и через средства массовой информации, с уровнем преступности в государстве, причинами и условиями совершения общественно опасных деяний, с состоянием соблюдения законности, реакцией органов прокуратуры на правонарушения, с ходом расследования отдельных резонансных преступлений (при условии правильного, содержательного построения прокурорами сообщений, эффективного использования информационного пространства) способствует: а) утверждению активной гражданской позиции по недопустимости правонарушений; б) преодолению правового нигилизма; в) воспитанию правовой культуры; г) формированию гражданского общества.

Утверждение социальных ценностей, в том числе и высших – защиты жизни, здоровья, чести и достоинства граждан, обеспечение принципа неотвратимости наказания за общественно-опасные действия органами прокуратуры осуществляется путем реализации функции уголовного преследования и поддержания государственного обвинения в суде. Следовательно, риторика прокурора является важной частью осуществления им его профессиональных обязанностей и одновременно отражением состояния правосудия в стране, утверждением верховенства права и закона в государстве.

Учитывая важность риторики прокурора и применяемых им коммуникационных средств и технологий в процессе осуществления возложенных Конституцией Российской Федерации и законодательством задач, предлагается ввести на юридических факультетах специальную учебную дисциплину: «Юридическая риторика прокурора как профессионального участника судебного процесса». В связи с необходимостью формировать методологическую базу такого курса важное значение приобретает изучение и исследование отдельных составляющих риторики прокурора.

Кроме того, учитывая достаточно широкие полномочия прокуратуры и специфику участия прокурора в судебном процессе, в предложенном проекте Федерального закона «О юридической риторике официальных участников судебного

процесса» следует выделить отдельный раздел: «Риторика прокурора как профессионального участника судебного процесса».

Устанавливая специфику юридической риторики адвоката как профессионального участника судебного процесса, упомянем, что в обществе профессия адвоката занимает особое место, что обусловлено не только задачами и полномочиями адвокатуры согласно действующему законодательству, но и высокой общесоциальной правозащитной миссией.

Наиболее ярко профессионализм адвоката проявляется и подтверждается при участии в судебном процессе, профессиональным участником которого он является вместе с прокурором и судьей. Именно адвоката общество и государство наделяют полномочиями защиты прав и свобод граждан, обеспечения принципов законности, верховенства права и закона. Свою правозащитную функцию адвокат выполняет через средства судебной риторики. Уровень владения им судебной риторикой и способность это умение представить в наиболее оптимальном виде в значительной степени влияет на содержание судебного решения, на позицию судьи, прокурора, суда присяжных и на всех участников судебного процесса. Важным для обеспечения результативности и эффективности судебной риторики адвоката является тесное взаимодействие института адвокатуры с другими институтами гражданского общества.

Исходя из важности речи адвоката и в целом применяемых им коммуникационных средств и технологий в процессе осуществления возложенных законодательством задач, предлагается предусмотреть на юридических факультетах специальную учебную дисциплину: «Юридическая риторика адвоката как профессионального участника судебного процесса». Кроме того, в вышеупомянутом проекте Федерального закона «О юридической риторике официальных участников судебного процесса» следует отвести самостоятельный раздел: «Риторика адвоката как профессионального участника судебного процесса».

IV. Совершенствование юридической риторики в контексте концептуальной евразийской интеграции.

Постигая роль юридической риторики для осуществления адаптационно-гармонизационных процессов в условиях комплексной евразийской интеграции, озаглавим, что анализ ситуации, сложившейся в рассматриваемой сфере, позволяет сделать вывод о том, что определенное торможение интеграционных процессов в правовой сфере, некоторая пробуксовка законодательства, принятого за два последних десятилетия, имплементированных международных и евразийских правовых норм и стандартов, определенное затягивание выполнения предписаний международных и евразийских судов связано с ошибочным отнесением правовой системы нашей страны к романо-германской правовой семье или вообще пренебрежением вопросом о правовой традиции России, отличающейся от правовой традиции большинства мировых стран. Поскольку коммуникативные связи, включая связь правовых систем и систем законодательства, реализуются через языковые средства и приемы, основой максимальной интеграции национальной правовой системы в евразийское правовое пространство должна стать модифицированная на основе общемировой и евразийской юридической риторики России. Совершить такой переход станет возможным путем наибольшего приспособления национальной юридической риторики к евразийской. Для этого следует создать оптимальные адаптационные правовые механизмы конгломеративного типа.

Осязая решение проблемы унификации юридической терминологии как основного компонента юридической риторики в контексте максимальной гармонизации национального законодательства с евразийским, подчеркнем важность внедрения адаптационно-гармонизационных правовых мероприятий в рамках евразийских международных соглашений, включая максимальное сближение национальной юридической терминологии с евразийской, согласования и соединения политических и экономических планов державы с евразийскими. Одна из проблем, которая влечет за собой коллизионную ситуацию в отечественном законодательстве, связана с разногласиями в смешанном и одновременном применении национальной и евразийской юридической терминологии. Это требует осуществления мер по устранению терминологически понятийных коллизий и противоречий в двух направлениях на основе трансформированной в евразийскую юридической риторики страны: через унификацию национальных терминов с евразийскими и одновременно путем унификации национальных терминов между собой в пределах однородного национального законодательства.

Упорядочение и систематизация правовой терминологии (международно-правовых, евразийских нормативно-правовых документов, прецедентной практики международных, евразийских судов, отечественного правотворчества и правоприменения) юридической риторики, включая судебную, должно осуществляться в режиме глубоких научных исследований их содержания и формы, понимании юридической терминологии, понятийно-терминологических категорий, регламентируемых на международном, евразийском и национальном уровнях.

Пересекая финишную черту, мы пришли к нижеследующим выводам:

1. Историко-правовой анализ фундаментальных идей, концепций, положений по поводу понятия юридической риторики, сформировавшихся на разных этапах мировой истории, позволил утверждать, что периодизация развития юридической риторики совпадает с общепринятой периодизацией мировой истории.

2. Юридическая риторика зародилась в эпоху Античности с появлением прототипов современных правовых институтов: представительства, профессиональных участников судебного процесса. Именно в эту эпоху возникли требования к профессиональной юридической подготовке, были созданы первые учебные заведения и научные центры с целью изучения юридической риторики. Правовая риторика Средних веков характеризовалась преобладанием догмы и императивов, определенных властью церкви и монарха. Вместе с тем период Средневековья отметился систематизацией письменного риторического текста, была упорядочена терминология юридических текстов. Определено, что характерной чертой риторики эпохи Возрождения и Просвещения явилось возвращение к традициям Античности. Ограничение королевской власти, зарождение и распространение института парламентаризма, частичная или полная независимость суда от королевской и княжеской власти способствовали усиленному развитию письменной риторики. Благодаря этим явлениям юридическая риторика достигла качественно нового уровня развития. Этот период стал временем расцвета риторики и на

русских землях. Дальнейшее развитие юридической риторики на протяжении XIX – начала XXI ст. было обусловлено выделением судебной ветви власти и ростом спроса на искусство публичного доказывания.

3. Определено место юридической риторики в системе теории государства и права как методологической составляющей развития последней. Юридическая риторика является лингвистико-правовым методологическим инструментом, позволяющим готовить высококвалифицированных специалистов права, обладающих основами законопроектирования и законодательной техникой.

4. Установлен экспликационный характер юридической риторики как составляющей теории государства и права, в том числе определены связи между юридической техникой и юридической риторикой с точки зрения исторического соответствия и взаимосвязи этих категорий. На основании этого установлено, что юридическая риторика является системой знаний, идей, учений, концепций, теорий и взглядов на роль и значение письменного юридического текста или устной правовой речи, их содержание и структуру, особенности создания и реализации, обусловленные современным статусом и задачей профессионального участника правовой коммуникации. Исходя из этого основания, зафиксировано, что юридическая риторика как теоретическая дисциплина является составной частью теории государства и права, а следовательно, и функционально-формальным компонентом системы права и обуславливается состоянием эволюции социума, отвечает функционирующим в нем общечеловеческим принципам права и прямо влияет и участвует в выработывании, функционировании и реформировании права, правовых систем, их институтов и систем законодательства, обеспечивает их качество. Юридическая риторика как прикладная дисциплина представляет собой совокупность методов, средств, форм и способов использования научно-понятийного аппарата общей теории права и всех отраслей права, международного права, процесса правообразования и правоприменения.

5. Юридическая риторика как целостное лингвистически правовое явление является дисциплиной, основывающейся на философии и этике, правовой лингвистике, однако предметно неразрывно связана со всей системой юридических наук. Теснейшие методологические связи сочетают профессиональную юридическую риторику с логикой, психологией, процессуальными отраслями права, а также специальными (криминология, правоохранительные органы, прокурорский надзор, оперативно-розыскная деятельность) и прикладными (криминалистика, юридическая психология, юридическая техника) юридическими науками. Учитывая специализированный и одновременно комплексный (системный) характер дисциплины, профессиональную риторику следует отнести к специально-юридическим научным дисциплинам в системе теории государства и права. Профессиональная юридическая риторика основывается на: а) законодательно закрепленной системе принципов правовой доктрины; б) демократических ценностях гражданского общества, защищаемых государством; в) методологии юридических, философских, лингвистических, психологических, социологических и других общественных наук.

6. Усиление внимания к юридической риторике как правовой дисциплине связывается с процессами реформирования системы судопроизводства, институтов прокуратуры и адвокатуры, с необходимостью улучшения качества их функционирования. На основе юридической риторики реализуется процесс правотворения и законообразования, формируются правовые документы разного уровня. Юридическая риторика является фундаментом, на котором формируется правосознание и правопонимание в обществе, строится и реализуется правовая культура.

7. Юридическая риторика имеет неразрывную связь и постоянно взаимодействует с теорией аргументации. Юридическая аргументация в юридической риторике является одним из ключевых компонентов, который сказывается на результативности и качестве юридического дискурса. Методологической основой профессиональной риторики специалиста-юриста, в частности участника судебного процесса на современном этапе, следует признать концепцию риторической аргументации как соответствующее философское учение. Теория юридической аргументации – это научное учение о механизмах и правилах доказывания и обоснования правильности юридического тезиса с применением риторических и логических средств и приемов доказывания и убеждения.

8. Судебная риторика с ее возникновения является важной составляющей юридической риторики. С расширением юридической деятельности она развилась в отдельную систему доктрин, идей, взглядов, приемов, занимая особое место в современной юридической практике. Обратим внимание на значимость коммуникации судебного ратора, что предполагает как владение им профессиональной терминологией, так и понятность положений и аргументов его выступления для всех без исключения участников судебного процесса.

Целью работы являлось установление места и роли юридической риторики в системе правовых знаний и ее влияния на развитие современной теории государства и права. Согласно поставленной цели в статье сосредоточено внимание на решении следующих *научных задач*: а) проанализированы исторические этапы становления и развития юридической риторики; б) юридическая риторика определена как наука и дисциплина; в) установлена взаимосвязь юридической риторики с другими юридическими и неюридическими науками; г) определено влияние юридической риторики на правотворчество и правоприменение; д) обосновано значение юридической аргументации для юридической риторики; е) прослежено развитие судебной риторики как составляющей современной юридической риторики; ж) выяснены особенности риторики отдельных участников судебного процесса; з) определена роль юридической риторики в адаптационно-гармонизационных процессах.

Литература

- Абрамова Н. А., Никулина И. А. Риторика: 8 шагов юриста к успеху. М., 2025. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=68546279>.
- Амосова Т. В., Берестенников А. Г., Смирнов А. Е. Риторика государственного обвинения: проблемы и решения (по материалам круглого стола) / Искусство правоведения. – 2025. – № 2(14). – С. 116-124. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=82619521>.

- Анисимова Т. В. Юридическая риторика. Калининград, 2024. 336 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=74772243>.
- Белова Н. М. Роль юридической риторики в профессиональной деятельности юриста / Юридическое образование и наука. – 2022. – № 12. – С. 32-35. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=50025771>.
- Блажевич Н. В. Особенности риторики научного текста по юриспруденции / Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. – 2025. – № 1(24). – С. 61-73. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=82795619>.
- Брусенская Л. А., Куликова Э. Г., Беляева И. В. Юридическая риторика. М., 2024. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=80373572>.
- Введенская Л. А., Павлова Л. Г. Риторика для юристов. Ростов-на-Дону, 2005.
- Володина С. И. Юридическая риторика в деятельности адвоката по уголовным делам: дис. ... канд. юрид. наук. Московская государственная юридическая академия. Москва, 2002. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=15999935>.
- Гаджиев Х. И. Роль судебной аргументации в обеспечении устойчивого конституционно-правового развития / Журнал российского права. – 2025. – Т. 29, № 8. – С. 34-49. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=82785567>.
- Гаджиев Х. И. Судебная риторика как фактор эффективности правовой аргументации / Журнал российского права. – 2023. – Т. 27, № 7. – С. 5-20. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=54191785>.
- Данилевич А. А. Основы теории и профессиональной культуры судебных прений: дис. ... канд. юрид. наук. Белорусский государственный университет им. В. И. Ленина. Минск, 1983.
- Дединкин А. Л. Юрислингвистика в Беларуси: специфика и перспективы развития / Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2024. – № 1. – С. 125-136. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=65363548>.
- Ковалев В. М. Судебные прения в советском уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Саратовский юридический институт им. Д. И. Курского. Саратов, 1973.
- Кони А. Ф. Записки судебного деятеля. Серия «Всемирная литература (новое оформление)». М., 2025.
- Красовская Н. А. Юридическая риторика. Тула, 2020. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44122702>.
- Мазур Т. В. Профессионально ориентированная риторическая подготовка студентов-юристов в вузе: дис. ... канд. пед. наук. Московский педагогический гуманитарный университет. Москва, 2001. URL: <https://www.dissercat.com/content/professionalno-orientirovannaya-ritoricheskaya-podgotovka-studentov-yuristov-v-vuze?ysclid=mgun7z9dxx168770600>.
- Максименкова М. В. Устная речь как жанрообразующий признак судебной защитительной речи: дис. ... канд. юрид. наук. Смоленский гуманитарный университет. Смоленск, 2005. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=16059525>.
- Малюкова О. В. Логические основания законов юридической риторики / Lex Russica (Русский закон). – 2023. – Т. 76, № 9(202). – С. 121-132. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=54594145>.
- Мамишева З. А., Чеботарева И. Ю., Савина С. В. Ораторское искусство юриста. Майкоп, 2023. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=54933452>.
- Некрасов В. Н. Риторика в юриспруденции: особенности публичного выступления. М., 2025. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=82541102>.
- Никулина И. А. Судебное красноречие. М., 2025. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=70310449>.
- Никулина И. А. Хрестоматия по дисциплинам «Риторика» и «Риторика для юристов». М., 2024. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=80426881>.
- Останчук Н. Н. Вопросы теории и практики судебной речи в советском уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Свердловский юридический институт. Свердловск, 1980.
- Пашин С. А. Судебные прения в механизме установления истины по уголовному делу: дис. ... канд. юрид. наук. Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. М., 1988.
- Потапова Л. А. Защитительная речь адвоката в отечественном уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского. Нижний Новгород, 2006. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=16090493>.
- Ткачева И. В. Культура речи и риторика для юристов. М., 2023. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=56785387>.
- Трофимова В. А. Феномен коммуникативного давления в юрислингвистическом аспекте: дис. ... канд. филол. наук. Южный федеральный университет. Ростов-на-Дону, 2021. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=54418297>.

References

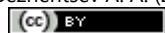
- Abramova, N. A., Nikulina, I. A. (2025). Rhetoric: 8 Steps of a Lawyer to Success. Moscow (in Russian).
- Amosova, T. V., Berestennikov, A. G., Smirnov, A. E. (2025). Rhetoric of Public Prosecution: Problems and Solutions (based on the round table). The Art of Jurisprudence, 2(14), 116-124 (in Russian).
- Anisimova, T. V. Legal Rhetoric (2024). Kaliningrad (in Russian).
- Belova, N. M. (2022). The Role of Legal Rhetoric in the Professional Activities of a Lawyer. Legal Education and Science, 12, 32-35.
- Blazhevich, N. V. (2025). Features of the rhetoric of a scientific text on jurisprudence. Bulletin of the Tyumen Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 1(24), 61-73 (in Russian).
- Brusenskaya, L. A., Kulikova, E. G., Belyaeva, I. V. Legal Rhetoric. (2024). Moscow. (in Russian).
- Danilevich, A. A. (1983). Fundamentals of the Theory and Professional Culture of Judicial Debates: diss. ... cand. of law. sciences. Minsk (in Russian).
- Dedinkin, A. L. (2024). Legal Linguistics in Belarus: Specifics and Development Prospects. Actual Problems of Philology and Pedagogical Linguistics, 1, 125-136 (in Russian).

- Gadzhiev, Kh. I. (2023). Judicial Rhetoric as a Factor in the Effectiveness of Legal Argumentation. *Journal of Russian Law*, 7, 5-20 (in Russian).
- Gadzhiev, Kh. I. (2025). The Role of Judicial Argumentation in Ensuring Sustainable Constitutional and Legal Development. *Journal of Russian Law*, 8, 34-49 (in Russian).
- Koni, A. F. (2025). Notes of a Judicial Figure. Series "World Literature (new design)". Moscow (in Russian).
- Kovalev, V. M. (1973). Judicial Debates in Soviet Criminal Procedure: diss. ... cand. of law. sciences. Saratov (in Russian).
- Krasovskaya, N. A. (2020). Legal Rhetoric. Tula (in Russian).
- Maksimenkova, M. V. (2005). Orality as a Genre-Forming Feature of a Court Defense Speech: diss. ... candidate of sociological sciences. Smolensk (in Russian).
- Malyukova, O. V. (2023). Logical Foundations of the Laws of Legal Rhetoric. *Lex Russica (Russian Law)*, 9, 121-132 (in Russian).
- Mamishcheva, Z. A., Chebotareva I. Yu., Savina S. V. (2023). Oratory of a Lawyer. Maykop (in Russian).
- Mazur, T. V. (2001). Professionally Oriented Rhetorical Training of Law Students at the University: diss. ... candidate of pedagogical sciences. Moscow (in Russian).
- Nekrasov, V. N. (2025). Rhetoric in Jurisprudence: Features of Public Speaking. Moscow (in Russian).
- Nikulina, I. A. (2024). Reader on the Disciplines "Rhetoric" and "Rhetoric for Lawyers". Moscow (in Russian).
- Nikulina, I. A. (2025). Judicial Eloquence. Moscow (in Russian).
- Ostapchuk, N. N. (1980). Issues of Theory and Practice of Judicial Speech in Soviet Criminal Procedure: diss. ... cand. of law sciences. Sverdlovsk (in Russian).
- Pashin, S. A. (1988). Judicial Debates in the Mechanism of Establishing the Truth in a Criminal Case: diss. ... cand. of law sciences. Moscow (in Russian).
- Potapova, L. A. (2006). Defense Speech of a Lawyer in Domestic Criminal Proceedings: diss. ... cand. of law sciences. Nizhny Novgorod (in Russian).
- Tkacheva, I. V. (2023). Culture of Speech and Rhetoric for Lawyers. Moscow (in Russian).
- Trofimova, V. A. (2021). Phenomenon of Communicative Pressure in the Legal Linguistic Aspect: diss. ... candidate of philological sciences. Rostov-on-Don (in Russian).
- Volodina, S. I. (2002). Legal Rhetoric in the Activities of a Criminal Defense Attorney: diss. ... cand. of law sciences. Moscow (in Russian).
- Vvedenskaya, L. A., Pavlova, L. G. Rhetoric for Lawyers. (2005). Rostov-on-Don (in Russian).

Citation:

Беженцев А. А. Юридическая риторика: драгоценная часть теории права // Юрислингвистика. – 2025 – 38. – С. 44-54.

Bezhtentsev A. A. (2025) Legal Rhetoric: A Precious Part of Legal Theory. *Legal Linguistics*, 38, 44-54.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Суперструктура дискурса последнего слова подсудимого: когнитивная перспектива и иллокутивный код

Л. В. Воронина

*Рязанский филиал Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя
ул. 1-я Красная, 18, 390043, Рязань, Россия. E-mail: lv-voronina@mail.ru*

В фокусе внимания дискурс последнего слова подсудимого, его когнитивно-риторическая организация, структурная и жанровая специфика. Методом сплошной выборки из видеоматериалов судебных заседаний, с привлечением методов лингвистического наблюдения, дискурс-анализа и формализации результатов научного исследования были выделены и проанализированы медиафрагменты суперструктуры дискурса последнего слова подсудимого на предмет его организации, моделирования иллокутивного профиля, выявления когнитивных механизмов, обеспечивающих успешность исходной коммуникативной интенции субъекта речи. В ходе исследования было установлено, что последнее слово подсудимого представляет собой иерархически организованную систему категорий, формирующихся на основе и вокруг оппозиции «признание вины vs отрицание вины vs частичное признание вины», неодинаковая регулярность и факультативность которых позволила выделить два неоднородных по составу подвида дискурса последнего слова подсудимого – «Признание вины» и «Отрицание вины». Было выявлено, что иллокутивный профиль объекта настоящего научного исследования формируется на основе исходной коммуникативной интенции субъекта речи (самозащиты) в двух ее версиях – оправдание и смягчение наказания – через воздействие в двух направлениях – убеждение и создание впечатления о личности подсудимого посредством включения ряда когнитивных механизмов (конкретизации, амплификации, спиндокторинга, каузации и других). Риторические графы дискурса последнего слова подсудимого убедительно свидетельствуют о неодинаковой коммуникативной значимости дискурсивных отношений между единицами в составе исследуемой суперструктуры, а также позволяют выявить и обосновать частотность интенциональных риторических отношений в сравнении с предметными, характер производных коммуникативных интенций субъекта речи и их иерархию в общей структуре глобального дискурса.

Ключевые слова: дискурс, последнее слово подсудимого, суперструктура, когнитивные механизмы, иллокутивный код.

The Superstructure of the Defendant's Final Statement Discourse: Cognitive Perspective and Illocutionary Code

L. V. Voronina

*The Ryazan Branch of the Vladimir Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
18 Pervaya Krasnaya St., 390043, Ryazan, Russia. E-mail: lv-voronina@mail.ru*

The article deals with the discourse of the defendant's last word, its cognitive-rhetorical organization, structural and genre specificity. Using a continuous sample of video content, linguistic observation, discourse analysis, and formalization of research findings, we identified and analyzed the media fragment of the superstructure by defendant's final statement discourse in terms of its organization, modeling of the illocutionary profile, and identification of the cognitive mechanisms that ensure the success of the speechact participant's initial communicative intention. The study established that the defendant's final statement represents a hierarchically organized system of categories formed on the basis of and around the opposition «admission of guilt vs. denial of guilt vs. partial admission of guilt». Their varying regularity and optionality allowed us to identify two heterogeneous subtypes of the defendant's final statement discourse – «Admission of Guilt» and «Denial of Guilt». It was revealed that the illocutionary profile of the object of this scientific study is formed based on the initial communicative intention of the speaker (self-defense) in its two versions—justification and mitigation of punishment—through bidirectional influence—persuasion and the creation of an impression of the defendant's personality through the activation of a number of cognitive mechanisms (specification, amplification, spin-doctoring, causation, and others). The discursive rhetorical graphs of the defendant's final statement convincingly demonstrate the unequal communicative significance of the discursive relations between discourse entities within the superstructure under study, and also allow us to identify and substantiate the frequency of intentional rhetorical relations compared to substantive ones, the nature of the speaker's derived communicative intentions, and their hierarchy within the overall structure of global discourse.

Key words: discourse, defendant's final statement, superstructure, cognitive mechanisms, illocutionary code.

Не вызывает сомнений факт: иллокутивный профиль высказывания моделируется на основе его исходной интенции – стимула к коммуникации – как комплекс, состоящий из ряда интенций (коммуникативных намерений) субъекта речи (коммуникатора) относительно адресата информации. В свою очередь характер исходной интенции инициирует предполагаемый результат речевого взаимодействия и определяется ситуацией коммуникации, обуславливающей тип речевого взаимодействия и специфику его реализации в коммуникативном пространстве.

Юридический дискурс как предмет настоящего научного размышления строго регламентирован институциональными отношениями его участников и общими условиями их общения, функционально структурирован и жанрово разнообразен.

В фокусе внимания данной научной работы коммуникативная ситуация, которая разворачивается вокруг дискурса последнего слова подсудимого – «логического продолжения прений сторон» [Захарова 2023: 59]. Цель научного исследования – выявить когнитивно-риторическую специфику суперструктуры дискурса последнего слова подсудимого в его видовом разнообразии и лингвистическом исполнении.

Изучение открытых источников показало: как самостоятельный этап судебного разбирательства последнее слово подсудимого (ПСП) оказалось практически вне поля зрения языковедов, а в юридической парадигме научного знания оно рассматривается как один из этапов судебного разбирательства [Белкин 2019; Хайдаров 2011]. В очень немногочисленных научных работах по юриспруденции отмечается его значимость, «целевая нагрузка и конкретные задачи» [Захарова 2023: 58], а также функционал [Мирзоева 2025: 233], справедливо указывается, что последнее слово подсудимого может выступать как «действенный правовой инструмент института защиты в российском праве» [Чулкова 2023: 268], несмотря на то, что в текущий момент «на уровне нормативного правового регулирования и в правоприменительной практике ему не уделяется достаточного внимания» [Захарова 2023: 59].

В лингвистической литературе последнее слово как один из жанров юридического дискурса, обладающий несомненным аффективным ореолом, привлекает исследователей в ракурсе эмотивной лингвоэкологии [Шаховский, Колосова 2016], а также судебной риторики [Голованова, Фетисова: URL] и коммуникации [Мальцева 2011], оставляя за рамками научного поиска выявление характера иллокутивного кода и его когнитивные проекции в языке и речи.

В нашем понимании последнее слово подсудимого представляет собой особенный дискурсивный сегмент, который в силу специфической интенциональности и текстовой архитектуры может быть квалифицирован как суперструктура – «всеобщая абстрактная глобальная "форма" связного текста, состоящая из иерархически организованного набора категорий, специфических для определенного жанра» [ван Дейк 2000: 195].

В дискурсе ПСП верхнюю иерархию таких категорий образует оппозиция «признание вины vs отрицание вины vs частичное признание вины»:

Конечно, выстрелил! Раскаиваюсь [Последнее слово подсудимых Реальный Каменск-Уральский]: URL] vs *Уважаемый суд! Ваша честь! Уважаемая сторона обвинения! Позвольте мне не согласиться с тем, в чем меня обвиняют!* [Последнее слово подсудимого Бакова А.В.: URL] vs *Я убийство признаю, а по 112 не признаю* [Последнее слово подсудимых Реальный Каменск-Уральский]: URL].

Континуум реализуется в двух направлениях, обуславливая выделение двух соответствующих подвидов суперструктуры ПСП – «Признание вины» и «Отрицание вины», которые моделируются из последующих категорий:

- прошение о снисхождении / смягчении приговора: *Прошу меня строго не наказывать* [Последнее слово подсудимых по делу убийства подростка у ТРК «Космос»: URL];

- извинения: *Еще раз хочу попросить прощение у потерпевшего, что не смог предотвратить смерть его сына* [Последнее слово подсудимого: URL];

- раскаяние: *Ваша честь, как я уже говорил, я очень сожалею, что такое произошло* [Полный судебный процесс: URL];

- просьба об объективности и справедливости: *Прошу суд максимально объективно разобраться в нашем деле и оправдать меня, потому что я не виноват* [Стрелок Раимджанов: последнее слово подсудимого: URL];

- обещание исправиться: *Я прошу, пожалуйста, освободите меня. Буду я работать, буду деньги выплачивать, больше этого никогда не повторится* [Последнее слово подсудимой: URL];

- приведение доводов: *А следовательно, имея такие полномочия, не воспользовался ими, не назначал и не проводил самые необходимые экспертизы, хотя бы даже по изучению следов рук на том свертке. Как можно судить о моей виновности, не выполнив самое необходимое следственное действие?* [Последнее слово подсудимого Быкова А.В.: URL]

Указанные категории не имеют строгой закреплённости, однако в композиции каждого из подвидов ПСП очевиден ряд тенденций: в суперструктуре ПСП «Признание вины», как правило, прошение о снисхождении следует после обращения к суду, извинение и раскаяние находятся в финале речи и могут дублироваться на всем ее протяжении, просьба об объективности и справедливости факультативна, но в суперструктуре ПСП «Отрицание вины» логична, как и категория «Доводы к суду» (рис. 1).

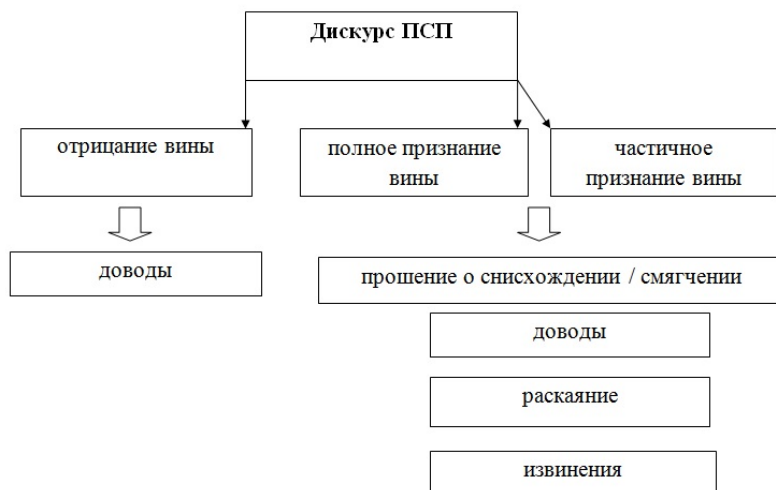

Рис. 1. Суперструктура дискурса ПСП

Иллокутивный код дискурса ПСП выстраивается на основе его функционала, выделяемого учеными-правоведами: «склонить чашу весов правосудия на свою сторону, а также выразить свое отношение к инкриминируемому ему деянию» [Мирзоева 2025: 233]; быть «веским правовым контраргументом позиции стороны обвинения» [Чулкова 2023: 268]; наконец, «сконцентрировать внимание суда на доводах, приводимых подсудимым в свою защиту, с тем чтобы суд удалился на совещание под непосредственным впечатлением сказанного» [Энциклопедия юриста 2005: URL]. Информацию о степени влияния на суд и присяжных ПСП мы также обнаружили и в ходе обзора соответствующих сайтов отечественных юридических бюро¹.

Представляется закономерным: на поверхности исходная коммуникативная интенция последнего слова подсудимого, самозащита в двух ее версиях – оправдание или смягчение обвинения, – реализуемая через **воздействие** на адресата (судью, присяжных), которое, как справедливо отмечает Г. А. Захарова, является дифференцированным и с юридической точки зрения охватывает довольно широкий спектр: «в отношении видения происшедшего, виновности или невиновности, в том числе и квалификации действия, в отношении меры наказания, которая будет соответствовать, в том числе, и личности подсудимого, его отношению к совершенному деянию, раскаянию» [Захарова 2023: 59].

С точки зрения языка вышесказанное означает, что иллокутивный код дискурса ПСП представляет собой комплекс из коммуникативных намерений адресанта и моделируется посредством не прямых аффективных речевых действий в направлении убеждения и создания впечатления и в своей базе может быть представлен следующим образом (рис. 2):

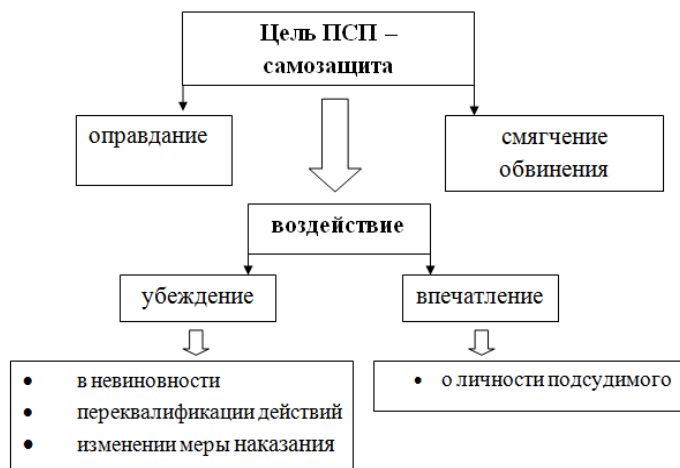

Рис. 2. Иллокутивный код суперструктуры дискурса ПСП

Под убеждением мы вслед за Н. Н. Болдыревым понимаем «речевую стратегию коммуниканта, заключающуюся в попытке трансформирования наличного «состояния мира» реципиента, попытке склонить слушающего совершить или не совершить какой-либо авербальный или вербальный акт» [Болдырев 2020: 147], в рамках настоящего исследования – вынесение оправдательного вердикта или смягчение приговора.

В дискурсе ПСП иллокуции, связанные с убеждением суда в невиновности, реализуются в рациональных доводах и апелляциях к эмоциональной сфере.

¹ <https://katsaylidi.ru/yuridicheskie-uslugi-fizicheskim-litsam/rech-podsudimogo-v-svoyu-zaschitu>; <https://pravo163.ru/poslednee-slovo-podsudimogo-prakticheskie-momenty/>.

Так, логическая аргументация представляет собой приведение доказательств, обеспечивающих твердость позиции подсудимого: *Хочу сказать, что на момент столкновения мой автомобиль находился на своей половине проезжей части. Я на встречную полосу не выезжал. Полностью был на своей половине проезжей части* [Стрелок Раимджанов: последнее слово подсудимого: URL], включая сильные аргументы-свидетельства: *Заключение эксперта: у последнего, как и у всех остальных отсутствовал во внутренних органах планктон, что свидетельствует о том, что все потерпевшие погибли от механической асфиксии в течение нескольких минут после падения в воду* [В Петрозаводске суд выслушал последние слова обвиняемых: URL]. Аргументы к эмоциям выстраиваются с целью создания позитивного впечатления о личности подсудимого, его очевидном раскаянии и выражении сожаления о содеянном: *В первую очередь я хочу извиниться, принести свои... попросить прощения у супруги Садыкова Ришата, у его детей, у Мазанова Сергея, а также его семьи. Я искренне раскаиваюсь. Простите меня, пожалуйста* [Стрелок Раимджанов: последнее слово подсудимого: URL], часто подчеркивается факт случайного проступка, непреднамеренность действия: *...Я говорю, старался жить так, чтобы никого не задеть, и тут такое случилось... Это не специально* [Полный судебный процесс: URL].

Аргументы иррационального порядка в большей степени ориентированы на когнитивные механизмы, которые и обеспечивают убеждение адресата в невиновности подсудимого. В дискурсе ПСП наиболее частотны:

- конкретизация: *Это убийство вышло просто случайно. Я ни с кем не договаривался. Никто мне оружие не передавал. Никто мне нож не давал. Я никого не заставлял в драке участвовать* [Последнее слово подсудимых по делу убийства подростка у ТРК «Космос»: URL];

- спиндокторинг: *Еще раз хочу попросить прощение у потерпевшего, что не смог предотвратить смерть его сына, а также что нанес удар, причем я уверен, что удар не послужил причиной смерти* [Последнее слово подсудимого: URL];

- каузация: *Позвольте мне не согласиться с тем, в чем меня обвиняют! Я с первых дней возбуждения уголовного дела настаивал на своих показаниях о своей невиновности. При моем задержании при мне не находился тот обнаруженный у меня сверток* [Последнее слово подсудимого Быкова А.В.: URL];

- противопоставление: *Да, я конечно, виноват, в том, что было до этого, что я употреблял, делал затяжку во время алкогольного испития, а она хранится целый месяц, вот оно и оказалось, что я какой-то наркоман. Нет, я алкоголик* [Полный судебный процесс: URL];

- амплификация: *Хочу выразить соболезнования семье Е. Я искренне чувствую: им тоже тяжело. Прошу вас, ваша честь, я очень сожалею от всего происходящего* [Последнее слово подсудимых по делу убийства подростка у ТРК «Космос»: URL].

Риторические графы приведенных выше фрагментов дискурса позволяют подсветить процесс убеждения изнутри (рис. 3).

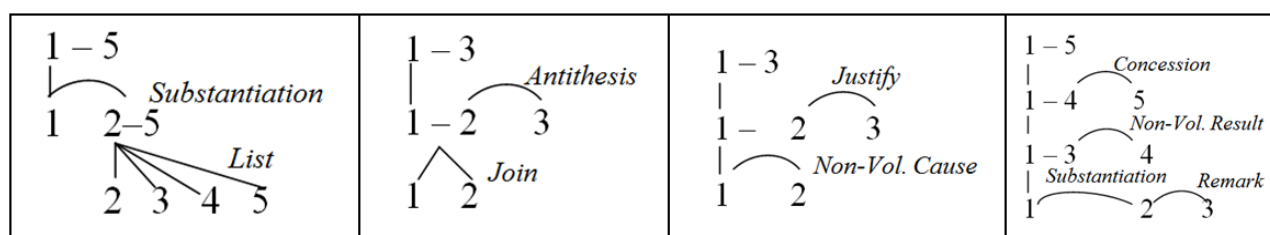

Рисунок 3. Риторический граф фрагментов дискурса ПСП №№ 1–4

Представляются очевидными следующие выводы:

1) риторические отношения первого уровня иерархии, организующие указанные фрагменты дискурса ПСП, носят презентациональный характер, то есть ориентированы не на выражение смысловых отношений, но на усиление иллюзии: Antithesis (противопоставление) и Concession (уступка) – «increases positive regards», Justify (обоснование) – «increases acceptance» [Mann, Thompson 1987: 19];

2) риторические отношения второго и последующего уровней, напротив, носят предметный характер конкретизации (Substantiation), замечания (Remark), дизъюнкции (Joint), перечисления (List);

3) риторические отношения обусловленности подчеркивают неволевитивный характер пропозиции, то есть действия, о которых сообщает коммуникатор, представляются непреднамеренными, независимыми от его воли;

4) характер структуры фрагмента № 4 свидетельствует о спонтанном (неподготовленном) характере дискурса говорящего, стремящегося на пути к выражению основной интенции максимально конкретизировать рождающиеся в моменте речи дискурсивные единицы;

Риторический граф дискурсивных фрагментов подчеркивает главное: линейное расположение дискурсивных единиц не имеет никакого значения: коммуникативно значимая информация отображается на верхних уровнях иерархии, именно там сосредоточены показатели коммуникативного посыла говорящего. Все, что ниже, второстепенно.

Риторический граф глобальной структуры дискурса, представленного ПСП в полном объеме, а не в отдельных его эпизодах, позволяет выявить специфику его организации комплексно, как синтез риторических, когнитивных и прагматических установок и реализаций.

Приведенная ниже суперструктура ПСП – дискурсивный отрезок, ориентированный на самозащиту посредством убеждения в собственной невиновности и производства нужного впечатления (раскаяния) – предполагает особую риторическую организацию дискурсивных единиц (ДЕ), задействующую конкретные когнитивные механизмы, обеспечивающие максимальное воздействие на адресата (рис. 4):

1) *Прошу меня строго не наказывать.* 2) *Это убийство вышло просто случайно.* 3) *Я ни с кем не договаривался.* 4) *Никто мне оружие не передавал.* 5) *Никто мне нож не давал.* 6) *Я никого не заставлял в драке участвовать.* 7) *Хочу выразить соболезнования семье Е.* 8) *Я искренне чувствую: им тоже тяжело.* 9) *Прошу вас, ваша честь, я очень сожалею от всего происходящего.* 10) *Также хочу сказать, что полностью признаю ст. 213 «Хулиганство».* 11) *Еще хочу сказать, что не*

признаю себя виновным по ст. 105 ч. 2. 12) Что я там не участвовал, 13) ни с кем тоже не договаривался. 14) Я не ударил никого. 15) Никого там не трогал. 16) Прошу, Ваша честь, не судите меня строго. 17) Я искренне раскаяваюсь [Последнее слово подсудимых по делу убийства подростка у ТПК «Космос»: URL].

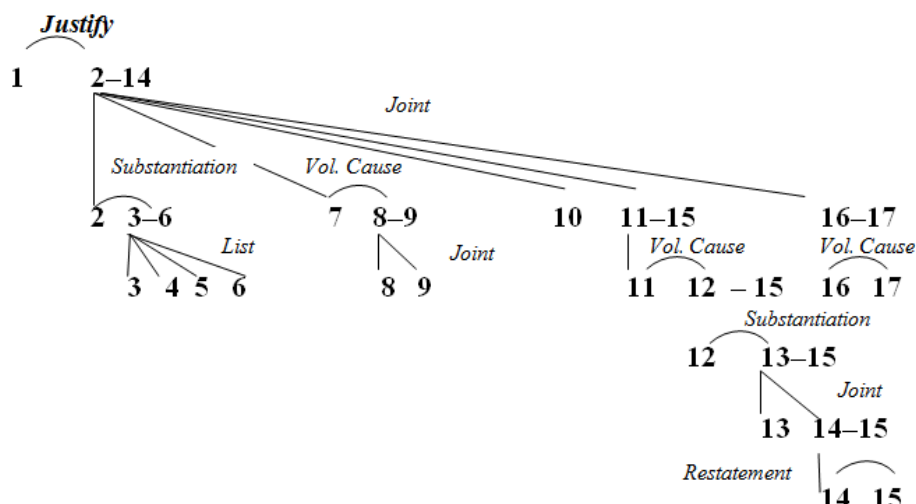

Рис. 4. Риторический граф суперструктуры дискурса ПСП

Фрагмент ПСП включает 17 дискурсивных единиц (ДЕ), которые на первом уровне иерархии группируются в два блока, между которыми устанавливаются риторические отношения *Justify* (Обоснование) – самая значимая коммуникативная интенция говорящего, реализуемая в семантике случайности, подчеркивающей независимость произошедшего от его воли.

Исходная коммуникативная интенция реализуется посредством риторических отношений второго уровня иерархии и раскрывается в четырех дискурсивных блоках: ДЕ₂₋₆, ДЕ₇₋₉, ДЕ₁₀₋₁₅, ДЕ₁₆₋₁₇, между которыми устанавливаются равноправные (симметричные) отношения конъюнкции (*Joint*). На третьем уровне иерархии коммуникативно-значимые для субъекта речи риторические отношения, подчеркивающие его невиновность – *Vol. Cause* (Волитивная причина) – и детализирующие *List* (Перечисление) и *Joint* (Конъюнкция). На последующих уровнях – теряющие свою риторическую значимость *Substantiation* (Конкретизация) и *Restatement* (Переформулировка).

Очевидно, чем выше уровень, тем значимей отношения, очевиднее иллокутивный профиль и, соответственно, цели коммуникатора. Подчеркнем: риторические отношения организуются по вертикали, и это означает, что коммуникативно значимые дискурсивные блоки и входящие в их состав дискурсивные единицы и риторические отношения между ними находятся наверху и не совпадают с линейным (синтагматическим) членением отрезка.

С точки зрения риторической организации исследуемый фрагмент ПСП построен по серкулярной модели: ДЕ₁ и ДЕ₁₆, ДЕ₉ и ДЕ₁₇ семантически близки. Кроме того, выстраивая риторический граф дискурсивного фрагмента полностью, следует отметить высокую коммуникативную значимость ядерных ДЕ₁ (*Прошу меня строго не наказывать*), ДЕ₂ (*Это убийство вышло просто случайно*), ДЕ₇ (*Хочу выразить соболезнования семье Е.*), ДЕ₉ (*Прошу вас, ваша честь, я очень сожалею от всего происходящего*) и ДЕ₁₆ (*Прошу, Ваша честь, не судите меня строго*). Они оказываются коммуникативно выделенными и составляют коммуникативный центр, доминанту суперструктуры дискурса ПСП.

Как оказалось, с лингвистической точки зрения дискурс последнего слова подсудимых представляет собой довольно любопытный феномен. Ставя перед собой целью выявление его когнитивно-риторической специфики, мы пришли к следующим выводам:

1) последнее слово подсудимого представляет собой суперструктуру, состоящую из иерархически организованных категорий (рис. 1), обладающих очевидной регулярностью в соответствующих ситуациях коммуникации;

2) два подвида дискурса последнего слова подсудимого выделяются на основе его ключевых категорий, именуются ПСП «Признание вины» и «Отрицание вины» и моделируются из категорий «Прошение о снисхождении / смягчении наказания», «Доводы», «Раскаяние», «Извинения», «Обещание исправиться» и «Доводы», «Призывы к объективности и справедливости» соответственно;

3) иллокутивный код дискурса последнего слова подсудимого представляет собой комплекс из коммуникативных интенций субъекта речи (рис. 2), включающий исходную – самозащиту, реализуемую посредством речевых действий с целью воздействия на адресата (судью или присяжных), осуществляемого в двух направлениях – рациональном, через убеждение в невиновности, перекалфикации действия, изменения меры наказания; и эмоциональном, путем создания положительного впечатления о подсудимом;

4) риторические графы дискурсивных отрезков последнего слова подсудимых позволили выявить новые риторические отношения между дискурсивными единицами, дополнив известный перечень *Substantiation* (Конкретизация) и *Remark* (замечание), а также подсветить когнитивно-риторические аспекты убеждения посредством включения когнитивных механизмов конкретизации, амплификации, спиндокторинга и проч., а также определить коммуникативные доминанты, статус которых не зависит от линейного расстояния, а представляется обусловленным коммуникативными интенциями субъекта речи и ситуацией общения.

Литература

- Белкин А. Р. Три кита судебного разбирательства: непосредственность, устность, гласность / Судебная власть и уголовный процесс. – 2019. – № 3. – С. 41-47.
- Болдырев Н. Н., Григорьева В. С. Доминантный принцип и интегративность формата речевого взаимодействия в диалогическом дискурсе. Тамбов, 2020.
- В Петрозаводске суд выслушал последние слова обвиняемых. URL: https://vkvideo.ru/video-28893798_456239426.
- ван Дейк Т. А. Язык. Познание. Коммуникации. Благовещенск, 2000.
- Голованова М. А., Фетисова М. А. Место последнего слова подсудимого в судебном красноречии. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mesto-poslednego-slova-podsudimogo-v-sudebnom-krasnorechii/viewer>.
- Захарова Г. А. Прения сторон и последнее слово подсудимого в разбирательстве / Вестник Московского университета имени С. Ю. Витте. Серия 2. Юридические науки. 2023. – Выпуск № 1.1. (37). – С. 57-61.
- Мальцева В. А. Судебные прения: речевые стратегии и тактики / Вопросы психолингвистики. – 2011. – № 13. – С. 152-159.
- Мирзоева А. А. Процессуальный порядок разбирательства уголовного дела в суде первой инстанции / Закон и право. – 2025. – № 1. – С. 229-234.
- Полный судебный процесс. URL: https://vkvideo.ru/video-180396746_456239503.
- Последнее слово подсудимого Быкова А. В. URL: https://vk.com/wall-59513386_224.
- Последнее слово подсудимого. URL: https://vkvideo.ru/video-108031382_171761650.
- Последнее слово подсудимой. URL: https://vkvideo.ru/video-113721728_456242128.
- Последнее слово подсудимых по делу убийства подростка у ТРК «Космос». URL: https://vkvideo.ru/video-8575126_456270838.
- Последнее слово подсудимых Реальный Каменск-Уральский». URL: https://vkvideo.ru/video-218947590_456239260.
- Стрелок Раимджанов: последнее слово подсудимого. URL: https://vkvideo.ru/video-272_456243307.
- Хайдаров А. А. Проблема соотношения понятий «судебное заседание», «судебное разбирательство» и судебное следствие в уголовно-процессуальном законе / Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2011. – Выпуск № 3. – С. 48-53.
- Чулкова Д. С. Последнее слово подсудимого в российском уголовном процессе / Вопросы российского и международного права. – 2023. – Том 13. № 11А. – С. 268-274.
- Шаховский В. И., Колосова Н. Г. Стилистика последнего слова приговоренных к смертной казни / Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Филологические науки. – 2016. – № 1 (105). – С. 143-147.
- Энциклопедия юриста 2005. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_law/1665/ПОСЛЕДНЕЕ
- Mann W. C., Thompson S. A. Rhetorical Structure Theory: a Theory of Text Organisation. USA: CA, 1987.

References

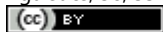
- Belkin, A. R. (2019). Three trial whales: first-hand directness, orality, publicity. *Judicial Authority and Criminal Procedure*, 3, 41-47 (in Russian).
- Boldyrev, N. N., Grigorieva, V. S. (2020). The Dominant Principle and Integrativeness of the Format of Speech Interaction in Dialogic Discourse. Tambov (in Russian).
- Chulkova, D. S. (2023). The last word of the defendant in the Russian criminal procedure / *Issues of Russian and International Law*, 13. 11A, 268-274 (in Russian).
- Final statement of defendant A.V. Bykov. Available from: https://vk.com/wall-59513386_224 (in Russian).
- Final statement of the defendant. Available from: https://vkvideo.ru/video-108031382_171761650 (in Russian).
- Final statement of the defendant. Available from: https://vkvideo.ru/video-113721728_456242128 (in Russian).
- Final statement of the defendants in the case of the murder of a teenager near the Kosmos shopping center. Available from: https://vkvideo.ru/video-8575126_456270838 (in Russian).
- Final statement of the defendants. "Real Kamensk-Uralsky". Available from: https://vkvideo.ru/video-218947590_456239260 (in Russian).
- Full trial. Available from: https://vkvideo.ru/video-180396746_456239503 (in Russian).
- Golovanova, M. A., Fetisova, M. A. The Place of the Defendant's Final Statement in Judicial Eloquence. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/mesto-poslednego-slova-podsudimogo-v-sudebnom-krasnorechii/viewer> (in Russian).
- In Petrozavodsk, the court heard the defendants' final statements. Available from: https://vkvideo.ru/video-28893798_456239426 (in Russian).
- Khaydarov, A. A. (2011). The relationship between the concepts of "court hearing", "trial" and "judicial investigation" in criminal procedure law. *Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 3, 48-53 (in Russian).
- Lawyer's Encyclopedia, 2005. Available from: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_law/1665/ПОСЛЕДНЕЕ (in Russian).
- Maltseva, V. A. (2011). Judicial debate: speech strategy and tactics. *Issues of Psycholinguistics*, 13, 152-159 (in Russian).
- Mirzoeva, A. A. (2025). The procedural procedure for the trial of a criminal case in the court of first instance. *Law and Right*, 1, 229-234 (in Russian).
- Shakhovsky, V. I., Kolosova, N. G. (2016). The stylistics of the last statements of those sentenced to death. *Bulletin of the Volgograd State Pedagogical University. Philological Sciences*, 1 (105), 143-147 (in Russian).
- Shooter Raimdzhanov: The Defendant's Final Statement. Available from: https://vkvideo.ru/video-272_456243307 (in Russian).
- van Dijk, T. A. (2000). *Language. Cognition. Communication*. Blagoveshchensk (in Russian).

Zakharova, G. A. (2023). Deliberations of the parties and last words of the defendant in court. Bulletin of the Moscow University named after S. Yu. Witte. Series 2. Legal Sciences, 1.1. (37), 57-61 (in Russian).

Citation:

Воронина Л. В. Суперструктура дискурса последнего слова подсудимого: когнитивная перспектива и иллокутивный код // Юрислингвистика. – 2025 – 38. – С. 55-61.

Voronina L. V. (2025) The Superstructure of the Defendant's Final Statement Discourse: Cognitive Perspective and Illocutionary Code. Legal Linguistics, 38, 55-61.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Статистическое исследование цифровых следов в киберпространстве: языковые маркеры деструктивных сообществ

И. Д. Мамаев^{1, 2}, М. А. Марусенко³, В. В. Петров⁴

¹Балтийский государственный технический университет «Военмех» им. Д. Ф. Устинова
ул. 1-я Красноармейская, 1, 190005, Санкт-Петербург, Россия. E-mail: mamaev_id@voenmeh.ru

Санкт-Петербургский государственный университет
Университетская наб., д. 11, 199034, Санкт-Петербург, Россия. E-mail: ²i.mamaev@spbu.ru,

³m.marusenko@spbu.ru

⁴22-я линия Васильевского Острова, 7, 199105, Санкт-Петербург, Россия. E-mail: vadim.petrov@spbu.ru

В связи с повсеместным распространением информационно-коммуникационных технологий растет и тенденция к увеличению агрессивного и деструктивного контента, который представлен в текстовом формате, в связи с чем возникает потребность в разработке новых методов выявления и описания групп лиц, оставляющих подобные «цифровые следы». В настоящей работе описана процедура лингвистического профилирования текстов, основанная на системно-структурном изучении языковых параметров и их количественном исчислении. Для эксперимента собран тестовый набор данных, представленный текстами с платформ, на которых потенциально публикуется деструктивный контент. Корпус кластеризован методом k-means, были определены тематически ориентированные группы текстов – проекции деструктивных сообществ пользователей. С помощью языка программирования Python реализован алгоритм, который включает предобработку текстов, вычисление статистических связей между языковыми характеристиками и, наконец, определение уровня значимости, который позволяет утверждать о характерных языковых признаках деструктивных сообществ. Установлены значимые зависимости между коэффициентом лексической плотности и частотой употребления глаголов/имен существительных, а также type-token ratio (коэффициент лексического богатства, отношение количества уникальных слов к общему количеству слов в тексте). Приведена стилиметрическая характеристика представленных кластеров.

Ключевые слова: криминалистика, деструктивные группы, экстремистский контент, профилирование автора текста, социальные сети, языковые маркеры.

A Statistical Study of Digital Footprint in Cyberspace: Language Markers of Destructive Communities

I. D. Mamaev^{1, 2}, M. A. Marusenko³, V. V. Petrov⁴

¹Baltic State Technical University "Voenmeh" named after D. F. Ustinov

1 1st Krasnoarmeyskaya, 190005, St. Petersburg, Russia. E-mail: mamaev_id@voenmeh.ru
St. Petersburg State University

11 Universitetskaya Emb., 199034, St. Petersburg, Russia. E-mail: ²i.mamaev@spbu.ru, ³m.marusenko@spbu.ru

⁴7 22nd Line V.O., 199105, St. Petersburg, Russia. E-mail: vadim.petrov@spbu.ru

With the widespread use of information and communication technologies, the tendency to spread aggressive and destructive content presented in text format is growing, which creates a need to develop new methods for detecting and describing groups of people who leave such "digital footprint". This paper presents a procedure for linguistic profiling of texts based on a systemic and structural study of language parameters and their quantitative calculation. For the experiment, a test dataset has been collected, it is represented by texts from platforms where potentially destructive content is published. The corpus is clustered using the k-means method, and topically oriented groups of texts, which are the projections of destructive user communities, are detected. Using the Python programming language, the authors implement an algorithm that includes text preprocessing, calculating statistical relationships among language characteristics and, finally, determining the level of significance, which allows asserting the

characteristic language tendencies of destructive communities. Significant dependencies between the coefficient of lexical density and the frequency of use of verbs/nouns, as well as the type-token ratio (the coefficient of lexical richness, the ratio of the number of unique words to the total number of words in the text) are established. The stylistic characteristics of the presented clusters are given.

Key words: forensics, destructive communities, extremist content, authorship profiling, social networks, language markers.

В последние годы проблема противодействия экстремистскому контенту приобрела особую актуальность, поскольку цифровая среда предоставляет преступным сообществам удобные инструменты для распространения идеологических установок. А. Л. Осипенко верно отмечает, что в этой связи «важно организовать прогнозирование изменений оперативной обстановки в киберпространстве на основе ее мониторинга» [Осипенко 2017: 187].

В судебной лингвистике существует сложность однозначной идентификации текстов, которые публикуются членами деструктивных сообществ. Традиционные методы экспертизы зачастую не обеспечивают оперативный анализ больших массивов данных, в связи с чем исследовательский фокус смещен в сторону применения автоматизированных методов лингвистического анализа. Мы вполне согласны со следующим положением, которое высказано В. Д. Пристансковым, А. Г. Харатишвили и Ю. А. Евстратовой: «С ростом числа киберпреступлений по всему миру возрастает необходимость их эффективного и своевременного выявления и расследования... Анализ логов или обычных данных недостаточен в работе с большими данными информации (Big Data). Искусственный интеллект, с его возможностью обрабатывать и анализировать большие объемы информации, может предоставить новые тактико-технические приемы (инструменты) в борьбе с киберпреступностью...» [Пристансков, Харатишвили, Евстратова 2023: 588].

В настоящей статье предлагается алгоритм, который позволяет выявлять маркеры, характерные для интернет-дискурса, создаваемого деструктивными сообществами. Используемые методы направлены на описание языковых закономерностей в текстах деструктивных сообществ. Цель исследования – тестирование алгоритма на корпусных данных.

Социальные сети и другие онлайн-платформы активно используются экстремистскими группами для распространения пропаганды и вербовки сторонников, что активно обсуждается в научных трудах как с позиций поведенческих моделей, так и с позиций языковых параметров. В исследовании [Бакиров, Грязнов, Валиахметов 2023] социально-психологические особенности членов организованных преступных групп сводятся к шести факторам: реалистичность, эгоцентричность, рефлексивность, нормативность, эмпатийность и конформность. На основе этих характеристик выделяются два социально-психологических типа членов организованных преступных групп: ресоциализирующийся (появление новых качеств, которые способствуют быстрой адаптации к обществу) и десоциализирующийся типы (проявление черт социальной дезинтеграции). Анализ этих типов позволяет интерпретировать их как уровни готовности к социальной интеграции и классифицировать как ресоциализирующие и десоциализирующие типы. Работа [Ананьева, Девяткин, Кобозева, Смирнов 2016], напротив, посвящена лингвистической составляющей, а именно – количественному анализу экстремистских текстов с целью выявления характерных лексико-грамматических особенностей. Основное внимание уделено распределению ключевых слов (или выражений), тематических категорий текстов и их последующей обработке методами машинного обучения, однако, по заверению авторов, «тексты не являются линейно-разделимыми с помощью представленной системы маркеров» [Ананьева, Девяткин, Кобозева, Смирнов 2016: 213].

Методы стилеметрии, которые изначально применялись к определению авторства неизвестного текста или отдельных фрагментов художественных произведений [Марусенко, Бессонов, Богданова, Аникин, Мясоедова 2001], могут быть адаптированы под задачи исследования участников экстремистских сообществ. Т. А. Литвинова провела серию экспериментов на основе текстов пользователей форума, который внесен в Федеральный список экстремистских материалов РФ. В исследовании [Литвинова 2020] показаны различия в лексическом выборе мужчин и женщин, которые являются участниками экстремистских групп. В целом мужчины чаще обсуждают оружие, Россию и правоохранительные органы, а женщины – литературу и выражение чувств, хотя это наблюдение не всегда применимо к отдельным авторам. Развивая данное направление, Т. А. Литвинова показывает, что тексты, которые созданы участникам экстремистских форумов, близки к текстам лиц, которые обладают низкими показателями на уровне экстраверсии и уровне эмоциональной лабильности [Литвинова 2019].

Для решения задач выявления преступных сообществ разрабатываются и отдельные сетевые ресурсы – лексические онтологии, которые являются формализованным способом представления лексических единиц естественного языка и их семантики. В статье [Resende de Mendonça, Felix de Brito, de Franco Rosa, dos Reis, Bonacin 2020] предложена онтология жаргонных выражений преступного мира. Сформирован корпус более 8 миллионов испаноязычных твитов – коротких текстовых сообщений в сети X (Twitter)¹ – с целью применения онтологии к проблеме обнаружения преступных сообщений и намерений пользователей, которые их опубликовали. Например, для корпусного поста *Quero pó e loló de cafe da manha* (рус. Я хочу на завтрак кокаиновый порошок и аэрозольный наркотик) автоматически определяется категория выражения желаний, а также сочетания, указывающие на пристрастие автора к запрещенным веществам.

Таким образом, представленные исследования демонстрируют разнообразие подходов к анализу экстремистских текстов. Настоящая работа дополняет существующие подходы: в ней предлагается применение системно-структурного лингвистического алгоритма для выявления языковых маркеров, характерных для риторики определенных сообществ. Предположение о наличии относительно однообразных лингвистических признаков основано на теории дискурсивных

¹ Социальная сеть X (Twitter) заблокирована на территории Российской Федерации на основании федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», согласно которому связи с призывами к массовым беспорядкам допустима блокировка.

сообществ, описанной Джоном Свейлзом в 1988 году. В его работе [Swales 1988: 212-213] под дискурсивным сообществом понимается некоторая группа, члены которой, разделяя общий идеологический конструкт, неизбежно воспроизводят сходные риторические стратегии и языковые формулы. Это подтверждается, в частности, рядом исследований повседневной риторики радикально настроенных лиц [Васильева, Майборода, Ясавеев 2017].

Для проведения эксперимента по лингвистическому профилированию социально опасных групп необходимо создать специализированный датасет из открытых источников сети Интернет. На территории РФ (на момент проведения эксперимента – июль 2025 г.) сохраняется доступ к ряду зарубежных веб-корпусов, которые содержат русскоязычные данные, в частности – к Araneum Russicum III Maximum в корпусном менеджере NoSketch Engine [Benko, Zakharov 2016]. Из общего объема корпуса более 15 миллиардов словоупотреблений были отобраны тексты по поиску в поле Simple Query по словам негативного смыслового содержания: «убить», «революция», «ненависть», «насилие», «война», «беспредел». С последующим ручным анализом метаданных был собран тестовый корпус с информационного портала Hatefulwall общим объемом 36 постов (4824 словоупотреблений). Однородность лингвистического корпуса обеспечивалась двумя факторами – единством источника и единством социально-идеологической направленности (ручная верификация каждого текста на соответствие целевой семантике ненависти и агрессии, заданной поисковым запросом). Некоторая информация с рассматриваемого сайта уже признана экстремистской Министерством Юстиции РФ [Министерство юстиции Российской Федерации. Экстремистские материалы. Hatefulwall: URL, материалы под номерами 2748 и 3130], поэтому настоящий метод автоматизированного системно-структурного анализа языковых параметров в дальнейшем может послужить базой для усовершенствования существующих методик судебной лингвистики в целях исследования лингвистической экспертизы деструктивных текстов.

С использованием языка программирования Python был разработан специализированный скрипт, решающий эту задачу. На первом этапе установлены необходимые библиотеки, такие как stanza для обработки текста, pandas, numpy для работы с данными и matplotlib для визуализации результатов. На втором этапе загружается собранный корпус в формате Excel в виде матрицы, у которой два столбца: в первом отображены обобщенные метки текстов, а во втором – сами тексты. Далее создана функция, которая анализирует текст и извлекает различные морфосинтаксические и лексические метрики: среднее количество употреблений имен существительных, среднее количество употреблений имен прилагательных, среднее количество употреблений глаголов, среднее количество употреблений наречий, средняя длина предложений, средняя длина предложных конструкций, type-token ratio (коэффициент лексического богатства, отношение количества уникальных слов к общему количеству слов в тексте) и коэффициент лексической плотности. Несмотря на то, что подобные метрики традиционно применяются в задачах атрибуции текста, в данном исследовании вектор направлен не на идентификацию стиля дискурсивного сообщества, а на выявление статистически значимых особенностей, которые характеризуют дискурс сообщества в целом и в дальнейшем потенциально могут применяться в программах автоматической модерации онлайн-сообществ. В скрипте для каждой метрики выполняется тест на нормальность распределения с использованием теста Шапиро-Уилка. Строится матрица корреляций между метриками. В зависимости от результатов теста нормальности и типа данных выбирается соответствующий метод корреляции: для количественных данных с нормальным распределением (далее в работе используется обозначение normal) и линейной связью – корреляция Пирсона, а для случаев нарушений нормальности (далее в работе используется обозначение non-normal) или нелинейных связей – коэффициент ранговой корреляции Спирмена. После статистического анализа выводится тепловая карта, которая отражает системно-структурные связи между исследуемыми метриками и информацию о значимости этих корреляций. В случае значимых корреляций (в эксперименте отмечены три уровня значимости: * для 0.05, ** для 0.01 и *** для 0.001) выводятся корреляционные графики с линией тренда. Значимость коэффициента корреляции определяется через проверку статистической гипотезы о том, что корреляция между переменными отличается от нуля в генеральной совокупности, применяется t-статистика.

Совокупность значимых корреляций понимается как лингвистический профиль сообщества – формализованная модель, количественные показатели морфосинтаксических и лексических параметров которой используются для интерпретации текстов корпуса и прогнозирования дискурсивной активности. Системное представление этих параметров в виде матрицы корреляций и их визуализация позволяют реконструировать диагностические признаки, которые отличают исследуемую группу от других сообществ (подробнее о методологии написано в [Мамаев, Митрофанова, Петров, Марусенко 2025]).

В законодательстве РФ понятие «деструктивное сообщество» напрямую не прописано, однако в Федеральном законе от 25 июля 2002 года № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [Федеральный закон от 25.07.2002 №114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» URL], Федеральном законе от 6 марта 2006 года № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» [Федеральный закон от 6 марта 2006 года № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» URL], статьях 280 и 282 Уголовного кодекса РФ [Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ URL] и ряде других официальных документов указано, что все положения, которые касаются групп лиц, пропагандирующих насилие, экстремизм, терроризм или оказывающих психологическое воздействие на участников, подлежат регуляции через соответствующие законы. С точки зрения прикладной лингвистики настоящий корпус текстов деструктивного сообщества был разделен на тематические группы, которые затем подвергались процедуре лингвистического профилирования. Для этого был разработан скрипт кластеризации корпуса методом k-means, который оптимально подходит для анализа корпусов различного объема и менее ресурсоемок, чем альтернативные алгоритмы [Ahmed, Tiun, Omar, Sanı 2022]. В качестве признаков для кластеризации использовались векторные представления текстов, которые построены на основе частотности лексем (bag-of-words) с нормализацией TF-IDF. Таким образом, тексты объединялись в кластеры по максимальному сходству их лексического состава: чем ближе распределение лексем и их весов в двух текстах, тем меньше расстояние между ними в многомерном пространстве признаков. Оптимальное количество кластеров определялось с помощью метода «локтя»: для разных значений числа кластеров вычислялась сумма внутрикластерных расстояний (инерция) и строился график зависимости этой величины от количества кластеров. В точке, где уменьшение инерции переставало быть значительным,

образуя характерный «излом», фиксировалось оптимальное число кластеров. И для исходных, и для предобработанных текстов эта точка приходилась на значение $k = 4$, что указывает на наличие четырех устойчивых тематических сообществ внутри корпуса (см. рис. 1 и 2). Для наглядности распределения текстов по кластерам их многомерные векторы были спроецированы в двумерное пространство методом главных компонент (PCA), что позволило визуализировать границы и плотность каждого кластера.

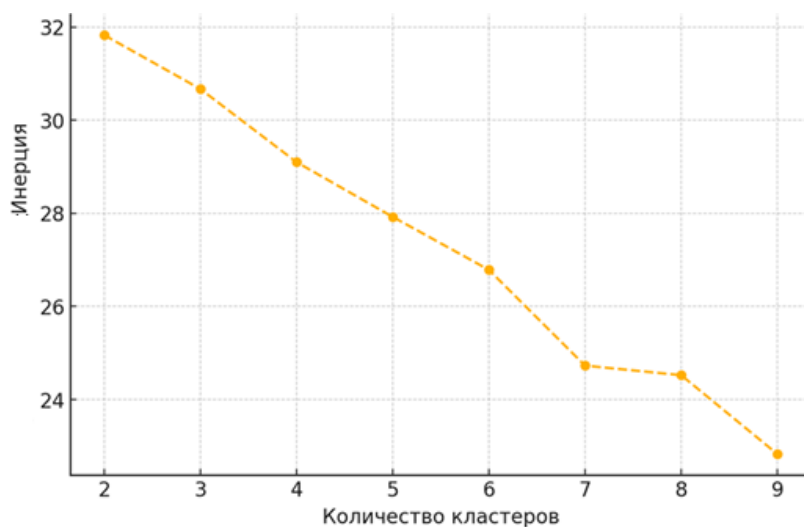

Рис. 1. Визуализация «метода локтя» для определения количества кластеров в корпусе необработанных текстов

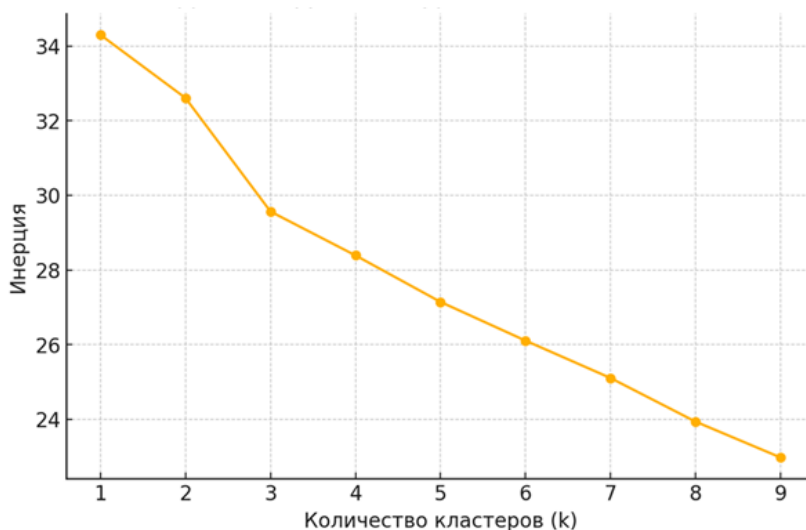

Рис. 2. Визуализация «метода локтя» для определения количества кластеров в корпусе обработанных текстов

Результаты кластерного анализа (рис. 3 и 4) показывают, что в «сырых» данных кластер 4 представлен наибольшим количеством вхождений – 12 текстов, за ним идет кластер 2 – 11 текстов, кластер 3 – 8 текстов, кластер 1 – 5 текстов. После обработки данных распределение меняется. Кластер 4 продолжает занимать лидирующую позицию: в нем оказывается 17 текстов. В кластере 1 количество текстов увеличилось до 8. Кластер 2 теряет часть текстов, общий объем сокращается до 7. Наконец, в кластере 3 оказалось 4 текста. Доля постов, которые остались в своем кластере после проведения процедур обработки, составляет 38.9%, что указывает на относительную чувствительность корпуса к деструктуризации текстов, при этом кластер 4 сохранил наибольшее количество текстов – 7, а кластер 3 оказался полностью перераспределенным. Общее распределение текстов по кластерам представлено в таблице 1 (RAW – необработанные тексты, PROCESSED – обработанные тексты).

Таблица 1

Принадлежность текстов к кластерам в зависимости от типа входных данных

Файл	Кластер (RAW)	Кластер (PROCESSED)
extremist_post_1.txt	2	2
extremist_post_2.txt	1	1
extremist_post_3.txt	4	4
extremist_post_4.txt	2	2
extremist_post_5.txt	2	2
extremist_post_6.txt	1	1
extremist_post_7.txt	1	1

extremist_post_8.txt	3	1
extremist_post_9.txt	2	1
extremist_post_10.txt	4	4
extremist_post_11.txt	4	4
extremist_post_12.txt	2	3
extremist_post_13.txt	2	3
extremist_post_14.txt	2	3
extremist_post_15.txt	2	3
extremist_post_16.txt	3	4
extremist_post_17.txt	4	4
extremist_post_18.txt	2	1
extremist_post_19.txt	4	2
extremist_post_20.txt	4	4
extremist_post_21.txt	4	2
extremist_post_22.txt	3	4
extremist_post_23.txt	4	4
extremist_post_24.txt	3	4
extremist_post_25.txt	1	4
extremist_post_26.txt	2	4
extremist_post_27.txt	4	1
extremist_post_28.txt	4	1
extremist_post_29.txt	3	4
extremist_post_30.txt	1	4
extremist_post_31.txt	2	2
extremist_post_32.txt	4	2
extremist_post_33.txt	3	4
extremist_post_34.txt	3	4
extremist_post_35.txt	4	4
extremist_post_36.txt	3	4

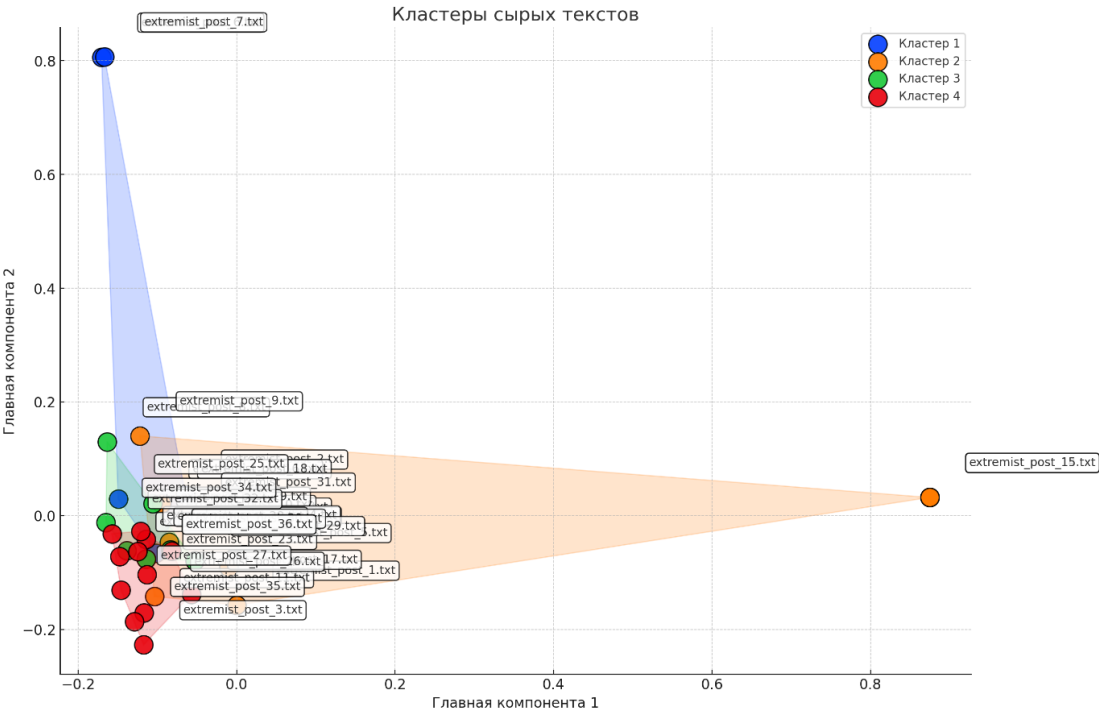

Рис. 3. Кластеры необработанных текстов корпуса

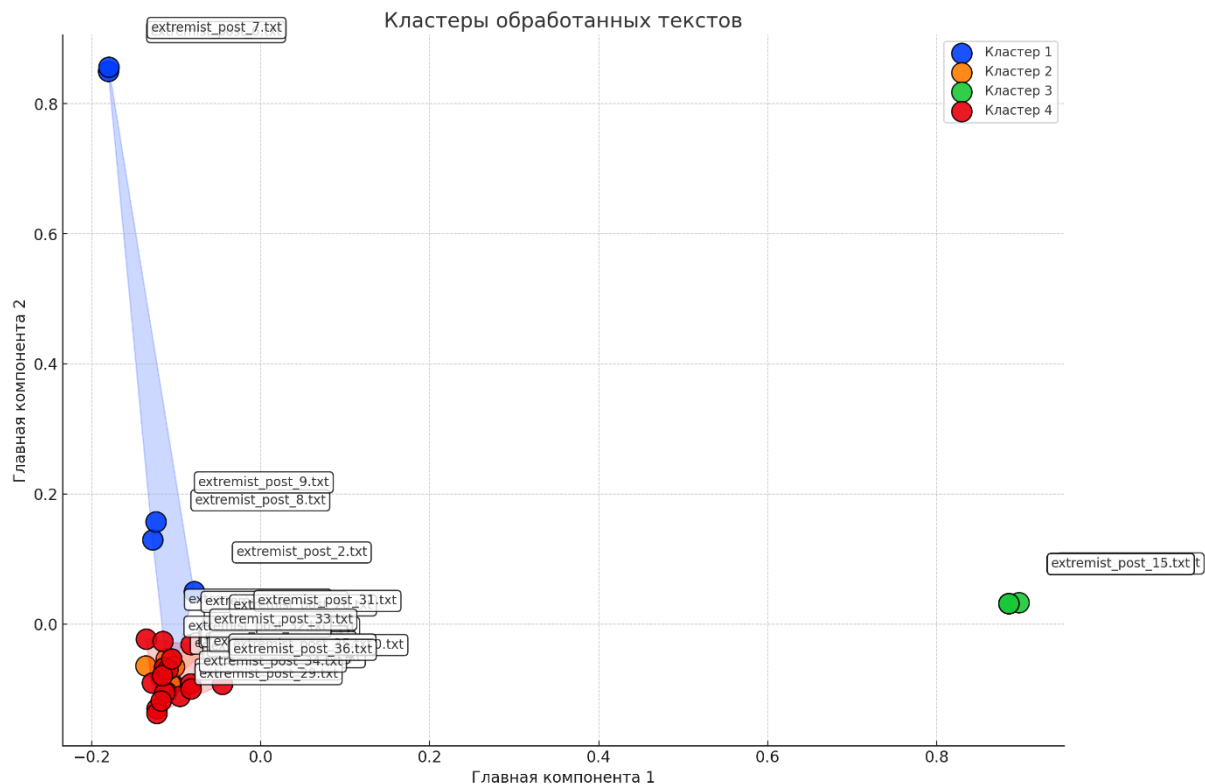

Рис. 4. Кластеры обработанных текстов корпуса

Выявленные сообщества могут быть описаны с двух точек зрения: уголовно-наказуемой и лингвистической. С уголовно-наказуемой позиции тексты кластеров 1, 2 и 3 (RAW и PROCESSED) потенциально связаны со статьей 280 УК РФ (экстремизм): «...у вас один выход и это революция!...»² (extremist_post_6.txt), «Да я уверен, что если бы началась война вы бы, патриоты, забились бы по углам и сидели стонали, а не пошли бы в бой...» (extremist_post_1.txt), «...Сейчас у нас намечается чуть ли ни революция, буряты хотят добиться отставки главы республики.....» (extremist_post_2.txt). 18 текстов (50% всего корпуса) как раз можно рассматривать с позиции упомянутой статьи. Напротив, кластер 4 (RAW и PROCESSED) наиболее разнородный: тексты потенциально можно рассматривать с позиции статьей 105 УК РФ (убийство) – «...Хотела убить её за это, потому, что это мой кот...» (extremist_post_23.txt), 135 УК РФ (нарушение норм сексуальной морали) – «...мне всего 45, но ненависть к мужским *** нас объединяет...» (extremist_post_15.txt), а также со статьями 280 и 282 (разжигание ненависти) УК РФ – «...Я ненавижу жирных баб! Куда вы столько жрете??...» (extremist_post_19.txt). При этом к общим собственно языковым признакам постов относятся политически маркированные слова и сочетания («революция», «война», «отставка главы республики»), негативно окрашенные единицы («ненавижу», «жирных баб», «патриоты... забились бы по углам») и применение ряда риторико-стилистических приемов: гиперболы («чуть ли ни революция») и сарказма («Куда вы столько жрете??»).

На рисунках 5 и 6 на материале необработанных текстов отмечается несколько фрагментов, которые могут дать представление о системно-структурных лингвистических особенностях (значимых языковых корреляциях) текстов отдельных деструктивных сообществ.

² Прим. авторов: в настоящей статье примеры публикаций приводятся с сохранением оригинальной орфографии и пунктуации, obscene лексика замаскирована.

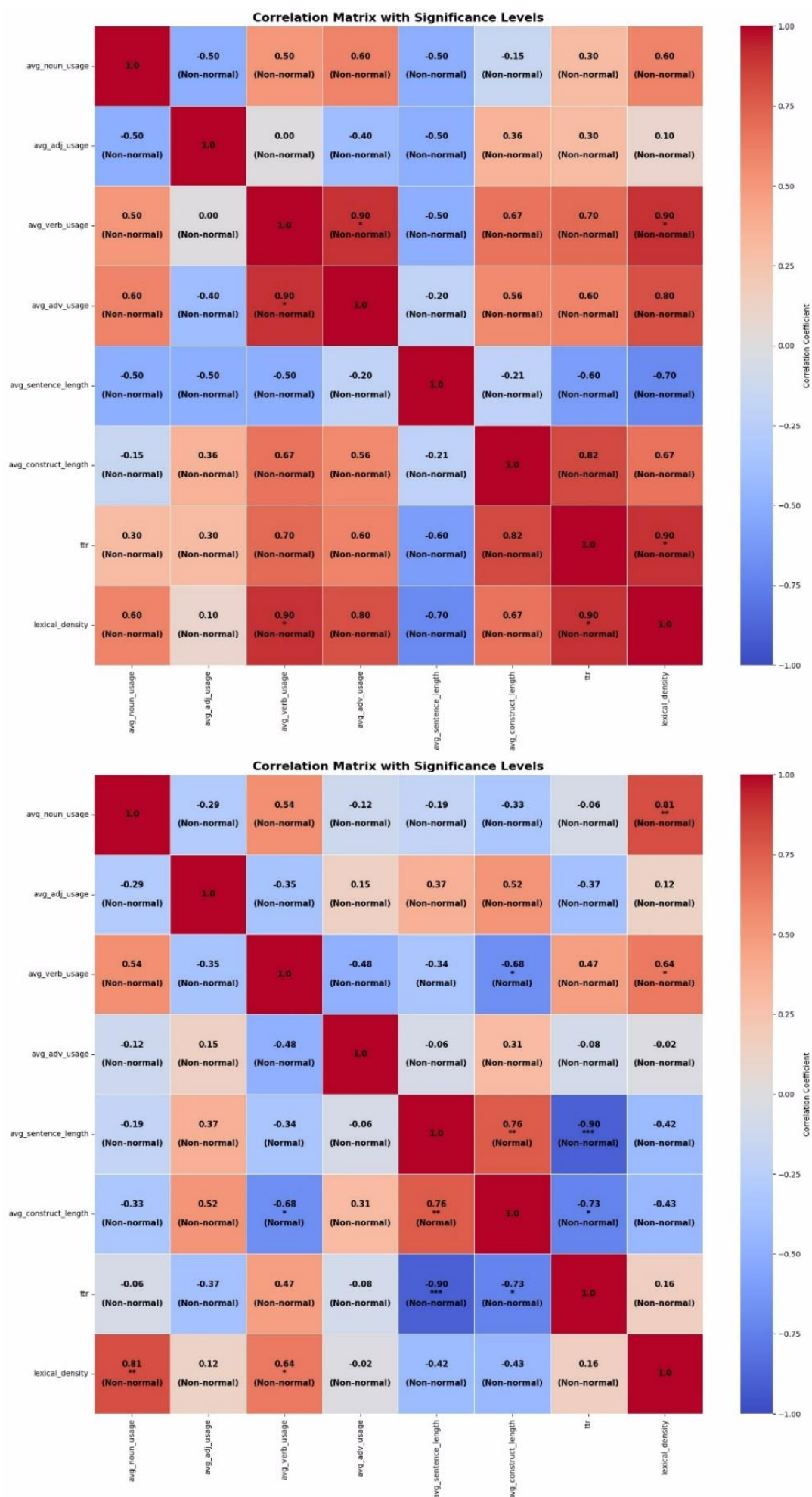

Рис. 5. Лингвистические профили кластеров (сообществ) 1 и 2, полученных на основе необработанных текстов корпуса

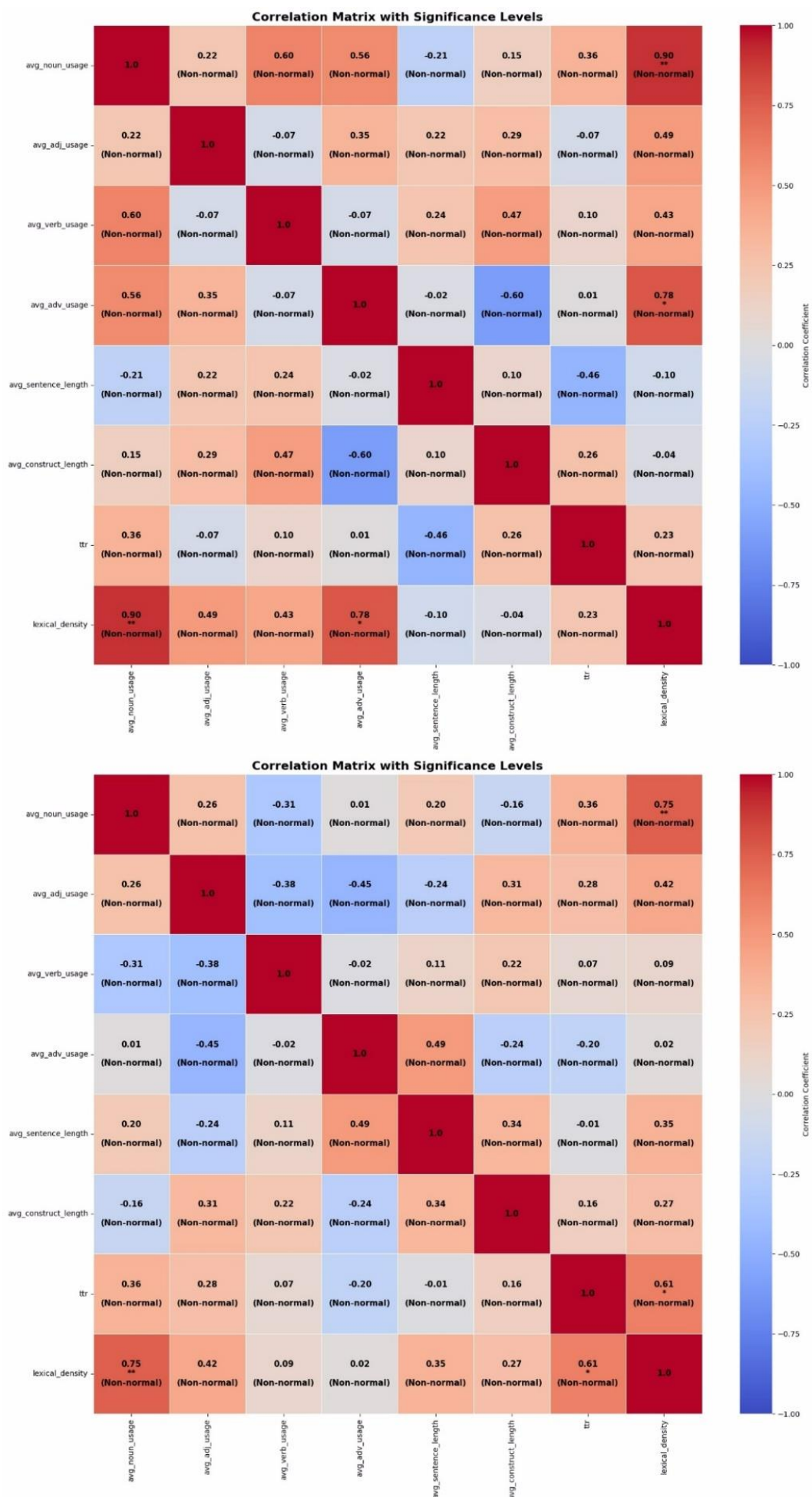

Рис. 6. Лингвистические профили кластеров (сообществ) 3 и 4, полученных на основе необработанных текстов корпуса

В первом кластере наблюдается высокая положительная корреляция между коэффициентом лексической плотности и средним употреблением глаголов ($k = 0.90$, $\alpha = 0.05$), что указывает на аргументативный характер создаваемых пользователями платформы сообщений: «...убейте *** и всех его приспешников и тогда США и Евросоюз будут к вам благосклонны...» (extremist_post_6.txt). Во втором кластере эта же корреляция обладает средней силой связи ($k = 0.64$, $\alpha = 0.05$), а корреляция лексической плотности и среднего количества употребления существительных выражена сильнее ($k = 0.81$, $\alpha = 0.01$), что указывает на тенденцию пользователей создавать более номинализированные тексты без акцента на действия: «А на этот вопрос: "Почему ты не любишь Россию?" есть только один типичный ответ: "Да там же грязь, насилие и беспредел."» (extremist_post_18.txt). В кластерах 3 и 4 коэффициент корреляции лексической плотности и среднего количества употребления существительных соизмерим с показателями в кластере 2 ($k = 0.90$, $\alpha = 0.01$ и $k = 0.75$, $\alpha = 0.01$ соответственно), корреляции лексической плотности и среднего количества употребления глаголов не значима. Еще одной значимой корреляцией, которая прослеживается кластерах 1 и 4, является связь между type-token ratio и лексической плотностью ($k = 0.90$, $\alpha = 0.05$ и $k = 0.61$, $\alpha = 0.01$ соответственно), график корреляции для указанного коэффициента в кластере 4 представлен на рисунке 7. В кластере 4 наблюдается превалирование коэффициентов корреляции, которые стремятся к 0 или к отрицательным значениям, что связано с тематической неоднородностью полученной группы.

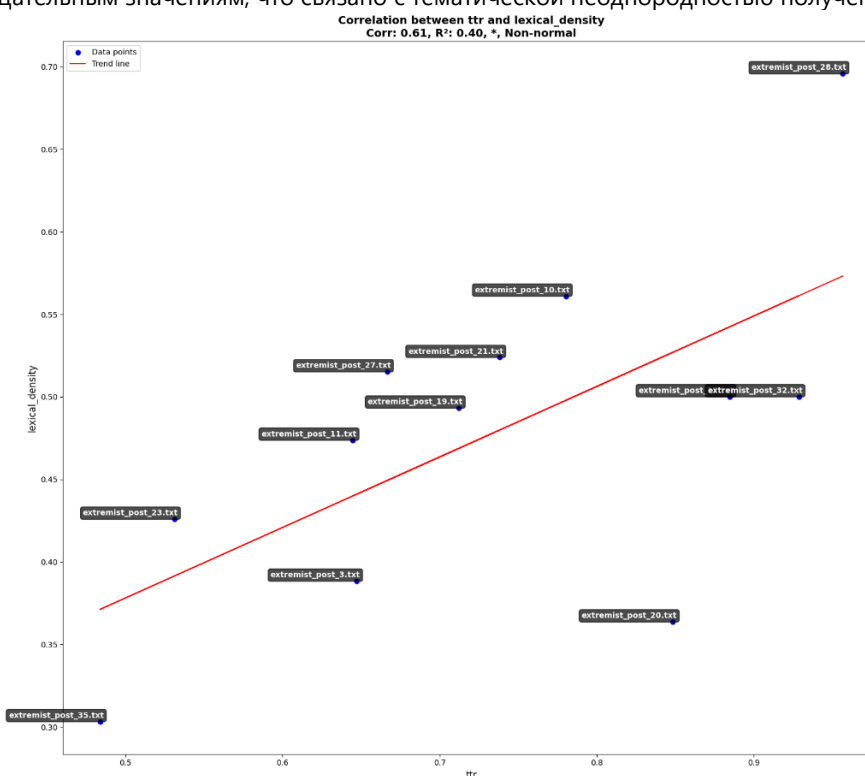

Рис. 7. График корреляции между лексической плотность и type-token ratio в кластере 4

Общая тенденция сохранения профилей с незначительными изменениями уровней значимости и колебаниями коэффициентов корреляции сохраняется в лингвистических профилях, которые получены для сообществ на основе кластерного анализа обработанных текстов. Кластер 3 не был подвергнут процедуре лингвистического профилирования, поскольку выборка постов для сообщества значительно мала (4 текста).

Итоговым этапом эксперимента стал стилиметрический анализ полученных кластеров с помощью программы Stylo в среде R. В качестве базовых единиц анализа были выбраны слова (words). В связи с небольшими размерами корпуса частотный диапазон слов (Most Frequent Words, MFW) был установлен в пределах от 16 до 60 слов с шагом 1. Метод culling использовался для устранения редких и слишком частотных слов, что позволяло сосредоточиться на стабильных стилиметрических признаках. Минимальный порог был установлен на уровне 0%, максимальный – 20%, шаг – 4. При визуализации результатов в виде консенсусного дерева (рис. 8) оказалось, что наиболее единообразным в стилистическом плане является кластер 3 (синий цвет), так как ветви расположены близко друг к другу, а соединительные линии минимальной длины, что свидетельствует об использовании близких языковых конструкций участниками данной преступной группы. В кластере 2 (зеленый цвет) также наблюдается достаточно высокая однородность элементов. Разреженная структура характерна для кластеров 1 и 4, при этом, как уже отмечалось, для кластера 4 характерна гетерогенная тематическая наполненность, а также практически полное отсутствие значимых корреляций.

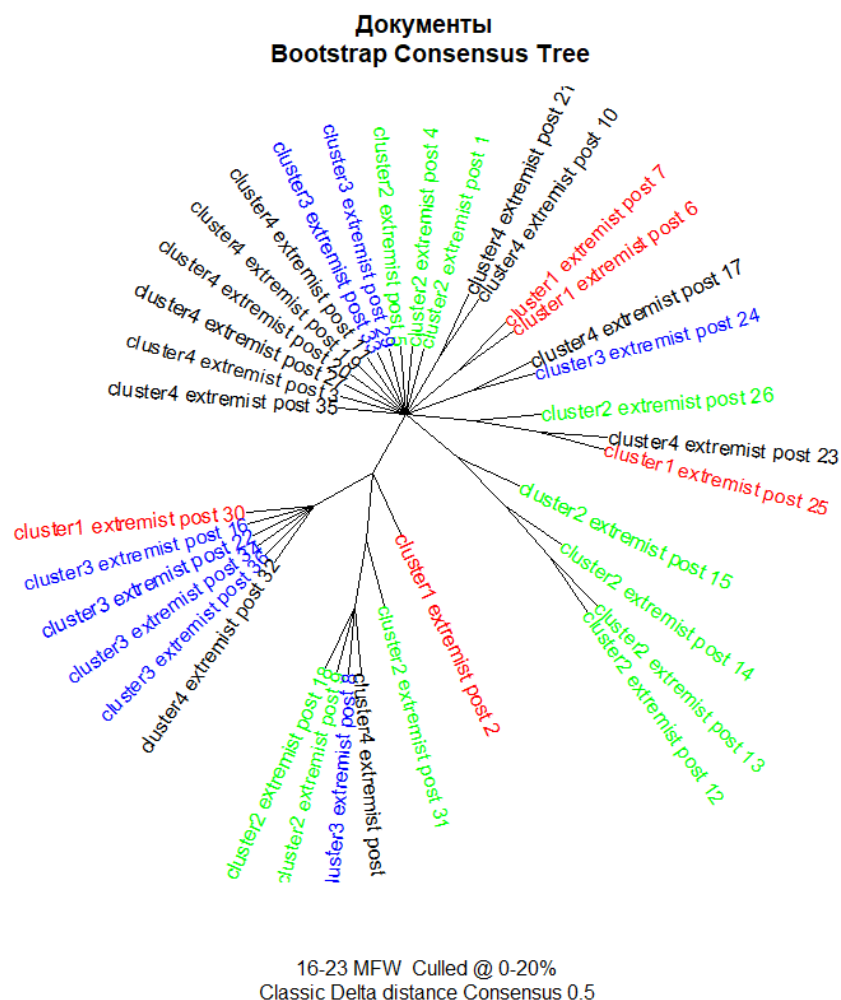

Рис. 8. Результаты стилеметрического анализа корпуса

В процессе исследования с применением процедур кластеризации тексты корпуса были сгруппированы по тематикам, каждая из которых представляет отдельный аспект деструктивной деятельности. К каждому сообществу применен алгоритм лингвистического профилирования: статистически значимые корреляции показывают, что дискурс сообщества тяготеет к высокой лексической плотности при повышенной частоте глаголов либо существительных, что указывает на преобладание аргументативных или номинализированных стратегий выражения агрессии. Результаты исследования пригодны для автоматизации процедур судебно-лингвистических экспертиз и могут служить основой систем автоматического мониторинга сообществ. Дальнейшие шаги предполагают расширение корпуса и обсуждение этико-правовых рамок применения цифровых технологий.

Особое внимание в будущих исследованиях следует уделить этическим и правовым аспектам внедрения цифровых лингвистических технологий в судебную практику. Автоматизированные методы анализа текстов должны использоваться с учетом соблюдения принципов конфиденциальности, объективности и законности, а итоговое слово остается за экспертом [Володин 2025].

Литература

- Ананьева М. И., Девяткин Д. А., Кобозева М. В., Смирнов И. В. Лингвостатистический анализ текстов экстремистской направленности / Ситуационные центры и информационно-аналитические системы класса 4i для задач мониторинга и безопасности: материалы Международной конференции (SCVRT2015–16). – 2016. – С. 210–213.
- Бакиров Р. Р., Грязнов А. Н., Валиахметов И. Р. Социально-психологическая типология членов ОПГ с позиции их готовности к социальной интеграции / Общество, государство, личность: применение научных знаний и технологий в решении социально-экономических задач региона. – 2023. – С. 101–111.
- Васильева Н. В., Майборода А. В., Ясавеев И. Г. «Почему уходят в ИГИЛ³?»: дискурс-анализ нарративов молодых дагестанцев / Социологическое обозрение. – 2017. – Т. 16. – №. 2. – С. 54–74.
- Володин Е. А. Особенности внедрения искусственного интеллекта в судебные процессы: автоматизация и цифровизация правоприменения / Юридическая наука. – 2025. – №. 4. – С. 85–89.

³ ИГИЛ — «Исламское государство Ирака и Леванта», организация, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации.
Legal Linguistics, 38, 2025

- Литвинова Т. А. Компаративное исследование текстов участников экстремистского форума и лиц с известными психологическими характеристиками с использованием методов стилистического анализа / Известия Воронежского государственного педагогического университета. – 2020. – №. 1. – С. 168-175.
- Литвинова Т. А. Стилистическое исследование текстов участников экстремистского форума: гендерный аспект / Известия Воронежского государственного педагогического университета. – 2019. – №. 4. – С. 227-236.
- Мамаев И. Д., Митрофанова О. А., Петров В. В., Марусенко М. А. Методы автоматического выявления и анализа дискурса сообщества иностранных агентов в цифровой среде (лингвокриминалистический аспект) / Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2025. – Т. 18. – №. 7. – С. 3106-3115.
- Марусенко М. А., Бессонов Б. Л., Богданова Л. М., Аникин М. А., Мясоедова Н. Е. В поисках потерянного автора: Этюды атрибуции. СПб., 2001.
- Министерство юстиции Российской Федерации. Экстремистские материалы. Hatewall. URL: <https://www.minjust.gov.ru/ru/extremist-materials/?q=hatewall>
- Осипенко А. Л. Организованная преступная деятельность в киберпространстве: тенденции и противодействие / Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2017. – №. 4 (40). – С. 181-188.
- Пристапсков В. Д., Харатишвили А. Г., Евстратова Ю. А. Искусственный интеллект – новая форма использования специальных знаний в расследовании и раскрытии киберпреступлений / Всероссийский криминологический журнал. – 2023. – Т. 17, № 6. – С. 586-596.
- Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 28.12.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 08.01.2025). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/
- Федеральный закон от 25.07.2002 №114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37867/
- Федеральный закон от 6 марта 2006 года № 35-ФЗ «О противодействии терроризму». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58840/
- Ahmed M. H., Tiun S., Omar N., Sani N.S. Short text clustering algorithms, application and challenges: A survey / Applied Sciences. – 2022. – Vol. 13. – No. 1. – Pp. 1-38.
- Benko V., Zakharov V. P. Very Large Russian Corpora: New Opportunities and New Challenges / Computational Linguistics and Intellectual Technologies. – Российский государственный гуманитарный университет. – 2016. – Pp. 79-93.
- Resende de Mendonça R., Felix de Brito D., de Franco Rosa F., dos Reis J. C., Bonacin R. A framework for detecting intentions of criminal acts in social media: A case study on twitter / Information. – 2020. – Vol. 11. – No. 3. – Pp. 1-40.
- Swales J. Discourse communities, genres and English as an international language / World Englishes. – 1988. – Vol. 7. – No. 2. – Pp. 211-220.

References

- Artanyeva, M. I., Devyatkin, D. A., Kobozeva, M. V., Smirnov, I. V. (2016). Linguostatistical analysis of extremist texts. In Situational centers and information-analytical systems of the 4i class for monitoring and security tasks: proceedings of the International Conference (SCVRT2015–16), 210-213 (in Russian).
- Bakirov, R. R., Gryaznov, A. N., Valiahmetov, I. R. (2023). Socio-psychological typology of organized crime group members in terms of their readiness for social integration. In Society, State, Individual: application of scientific knowledge and technologies in solving regional socio-economic problems, 101-111 (in Russian).
- Vasilyeva, N. V., Maiboroda, A. V., Yasaveev, I. G. (2017). "Why do they go to ISIL?": a discourse analysis of young Dagestanians' narratives. Russian Sociological Review, 16(2), 54-74 (in Russian).
- Volodin, E. A. (2025). Features of the introduction of artificial intelligence in lawsuits: automation and digitalization of law enforcement. Legal Science, 4, 85-89 (in Russian).
- Litvinova, T. A. (2020). A comparative study of texts of participants of extremist forum and persons with known psychological characteristics using methods of stylometric analysis. Izvestiya of Voronezh State Pedagogical University, 1, 168-175 (in Russian).
- Litvinova, T. A. (2019). A stylometric study of the extremist forum posts: gender dimension. Izvestiya of Voronezh State Pedagogical University, 4, 227-236 (in Russian).
- Mamaev, I. D., Mitrofanova, O. A., Petrov, V. V., Marusenko, M. A. (2025). Methods of automatic detection and analysis of the discourse of the foreign agent community in the digital environment (a forensic linguistic aspect). Philology. Theory & Practice, 18(7), 3106-3115 (in Russian).
- Marusenko, M. A., Bessonov, B. L., Bogdanova, L. M., Anikin, M. A., Myasoedova, N. E. (2001). In search of the lost author: studies of attribution. St. Petersburg (in Russian).
- Ministry of Justice of the Russian Federation. Extremist materials. Hatewall. Available from: <https://www.minjust.gov.ru/ru/extremist-materials/?q=hatewall> (in Russian).
- Osipenko, A. L. (2017). Organized criminal activities in cyberspace: trends and fighting. Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 4(40), 181-188 (in Russian).
- Pristanskov, V. D., Kharatishvili, A. G., Evstratova, Yu. A. (2023). Artificial intelligence – a new form of using special knowledge in investigating and solving cybercrimes. Russian Journal of Criminology, 17(6), 586-596 (in Russian).
- Criminal Code of the Russian Federation dated 13.06.1996 No. 63-FZ (as amended on 28.12.2024, effective from 08.01.2025). Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (in Russian).
- Federal Law dated 25.07.2002 No. 114-FZ "On Counteracting Extremist Activity". Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37867/ (in Russian).

Federal Law dated March 6, 2006 No. 35-FZ "On Counteracting Terrorism". Available from:

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58840/ (in Russian).

Ahmed, M. H., Tiun, S., Omar, N., Sani, N. S. (2022). Short text clustering algorithms, application and challenges: a survey. *Applied Sciences*, 13(1), 1-38.

Benko, V., Zakharov, V. P. (2016). Very large Russian corpora: new opportunities and new challenges. *Computational Linguistics and Intellectual Technologies. Russian State University for the Humanities*, 79-93 (in Russian).

Resende de Mendonça, R., Felix de Brito, D., de Franco Rosa, F., dos Reis, J. C., Bonacin, R. (2020). A framework for detecting intentions of criminal acts in social media: a case study on Twitter. *Information*, 11(3), 1-40.

Swales, J. (1988). Discourse communities, genres and English as an international language. *World Englishes*, 7(2), 211-220.

Citation:

Мамаев И. Д., Марусенко М. А., Петров В. В. Статистическое исследование цифровых следов в киберпространстве: языковые маркеры деструктивных сообществ // Юрислингвистика. – 2025 – 38. – С. 62-73.

Mamaev I. D., Marusenko M. A., Petrov V. V. (2025) A Statistical Study of Digital Footprint in Cyberspace: Language Markers of Destructive Communities. *Legal Linguistics*, 38, 62-73.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Анализ интернет-текстов с признаками информационных угроз при помощи больших языковых моделей

П. Д. Осокин¹, С. А. Осокина²

Алтайский государственный университет,

61 Lenin St., 656049, Barnaul, Russia. E-mail: ¹osokin@mail.asu.ru, ²osokina@filo.asu.ru

Статья направлена на верификацию гипотезы о способности современных больших языковых моделей ChatGPT и DeepSeek производить анализ текстов на естественном языке с целью выявления языковых средств, могущих свидетельствовать о наличии в них угрозы информационной безопасности, связанной с проявлениями экстремистской деятельности. Методологической основой исследования выступает принципиально новый подход к исследованию интернет-текстов посредством цифровых технологий с позиций информационной безопасности, с учетом юридических аспектов понимания сущности информационных угроз, в том числе угрозы экстремизма. Материалом анализа выступают 100 интернет-текстов на русском языке, представленные в открытом доступе в социальных сетях «ВКонтакте» и «Одноклассники», отобранные методом случайной выборки из открытых христианских сообществ в данных сетях. Семантический анализ отобранных текстов позволил распределить их в группы, отражающие проявление определенной субъективной тональности: нейтральные, одобряющие, оскорбляющие, осуждающие и содержащие резкую негативную оценку. Последние три группы попадают в зону риска наличия информационной угрозы. В результате анализа установлено, что обе системы – ChatGPT и DeepSeek – адекватно справляются с задачей выявления языковых средств, требующих дальнейшего анализа на предмет возможной угрозы информационной безопасности. Важно отметить, что данные, полученные в результате анализа, выполненного большими языковыми моделями, можно использовать только как дополнительный инструмент для формирования экспертной оценки текста на наличие признаков информационных угроз, которые помогают взглянуть на анализируемый текст более объективно, отдельно от личностных установок эксперта-человека. Однако окончательный вывод о наличии информационной угрозы вправе делать только эксперт-человек.

Ключевые слова: большая языковая модель, интернет-текст, тональность текста, информационная безопасность, информационная угроза.

Analysis of Internet Texts with Signs of Information Threats Using Large Language Models

P. D. Osokin¹, S. A. Osokina²

Altai State University

Lenin St. 61, 656049, Barnaul, Russia. E-mail: ¹osokin@mail.asu.ru, ²osokina@filo.asu.ru

The article aims to verify the hypothesis about the ability of ChatGPT and DeepSeek language models to analyze natural language texts in order to identify language means that may indicate an information security threat associated with extremist activities. The methodological basis of the research is a fundamentally new approach to the study of Internet texts through digital technologies from the standpoint of information security, taking into account the legal aspects of information threats research, including the threat of extremism. The analyzed material consists of 100 Internet texts in the Russian language, publicly available on the social networks VKontakte and Odnoklassniki, selected by random sampling from these networks' open Christian communities. The semantic analysis of the selected texts allowed us to divide them into groups reflecting their subjective sentiment: neutral, approving, insulting, condemning and containing a strong negative assessment. The last three groups fall into the risk of containing an information threat. The research showed that both ChatGPT and DeepSeek systems adequately cope with the task of identifying language expressions that require further analysis for possible threats to information security. It is important to note that the responses given by Large Language Models can only be used as an additional instrument to support an expert assessment of the text for signs of information threats. This instrument helps to look at the analyzed text more objectively, separately from the personal attitudes of a human expert. However, only a human expert can make a final conclusion about the existence of an information threat.

Key words: Large Language Model, Internet text, sentiment analysis, information security, information threat.

Введение

В эпоху стремительного развития цифровых технологий одним из актуальных направлений исследований становится изучение потенциала больших языковых моделей (Large Language Model, LLM) в различных направлениях языкознания, в том числе в сфере юрислингвистики.

Настоящее исследование направлено на изучение способности LLM анализировать интернет-тексты на наличие в них угроз информационной безопасности, в частности, признаков проявления экстремизма. Отнесение высказываний на определенном языке к экстремистским составляет одну из труднейших задач в области юрислингвистики [Королькова, Алексеева 2023; Куршакова, Рядчикова, Схалыхова 2023; Грушихина 2016], однако с ростом коммуникации посредством интернет-технологий данная проблема перемещается в сферу информационной безопасности и компьютерной лингвистики, поскольку анализу подвергаются публикации, размещенные в интернете.

В основе настоящего исследования лежит идея использования наиболее известных больших языковых моделей ChatGPT и DeepSeek для подтверждения или опровержения гипотезы о способности искусственного интеллекта (ИИ), существующего в виде сложных систем обработки больших массивов текстовых данных – больших языковых моделей, – производить анализ текстовых сообщений на предмет выявления характеристик, которые в дальнейшем могут получить правовую оценку как возможное проявление экстремизма.

Исследование приобретает дополнительную актуальность в свете внесения изменений и дополнений в «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 31.07.2025), связанных с установлением меры наказания за умышленный поиск материалов заведомо экстремистского содержания [КоАП РФ Статья 13.53 URL]. При этом под заведомо экстремистскими понимаются тексты, включенные в «Федеральный список экстремистских материалов», представленный на официальном сайте Министерства юстиции Российской Федерации¹.

Данное лингвистическое исследование не предполагает обсуждение и толкование правовых норм, но поднимает вопрос о возможном наличии в случайно встречающихся интернет-сообщениях определенных языковых признаков, могущих иметь отношение к высказываниям экстремистского характера, которые способны формировать угрозы информационной безопасности.

Материалом для анализа послужили интернет-тексты, представляющие собой посты и комментарии к ним в популярных христианских сообществах в социальных сетях «ВКонтакте» и «Одноклассники» (проанализировано 100 случайно встретившихся текстов на русском языке).

Методологические основания исследования

Проводимое исследование носит междисциплинарный характер. Поскольку работа направлена на выявление характеристик текстов, потенциально содержащих признаки информационных угроз экстремистского характера, исследование осуществляется на стыке юрислингвистики и информационной безопасности. Использование категориального аппарата информационной безопасности, в частности трактование наличия определенных языковых средств в тексте в качестве «угрозы», составляет научную новизну проводимого исследования. В частности, суть информационной безопасности как практической деятельности и научной дисциплины состоит в изучении способов предотвращения определенных информационных угроз и защиты от несанкционированных операций с информацией [Fullstack Academy 2025; Комов 2009; Юлдашев 2022], в том числе семантической информацией, передающейся языковыми знаками. При этом под угрозой в информационной безопасности понимается не факт совершения несанкционированного действия с информацией, существующей в том числе и в языковой форме, а наличие условий, которые потенциально могут привести к реализации такого действия [Joshi, Singh 2017: 129; TechTarget Contributor 2024]. Поскольку настоящее исследование направлено на изучение способности LLM определять наличие подобных условий в виде языкового материала в интернет-сообщениях, считаем использование категориального аппарата информационной безопасности в лингвистическом исследовании целесообразным и эффективным. В данном исследовании мы опираемся на наиболее полное понимание сущности информационной безопасности, представленное в «Доктрине информационной безопасности РФ», определяющее угрозу информационной безопасности как «совокупность действий и факторов, создающих опасность нанесения ущерба национальным интересам в информационной сфере» [Доктрина 2016: I, 26 URL]; в число таких действий входит информационное воздействие на сознание, связанное с экстремистской и террористической деятельностью [Доктрина 2016: III, 13 URL].

Определение сущности экстремизма представляет собой серьезную проблему в области российского и международного права. В первую очередь, при определении понятия экстремизма необходимо руководствоваться государственными нормативными актами определенной страны, в частности на территории Российской Федерации это Федеральный закон от 25 июля 2002 г. N114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». Однако, несмотря на то, что в законе перечислены определенные критерии, на деле весьма трудно доказать применительно к анализу языкового материала, можно ли рассматривать определенное высказывание как пропаганду, оправдание или одобрение противоправного действия. Деятельность лингвиста-эксперта в данном случае сводится к констатации наличия и характеристике определенных языковых средств в виде конкретных лексем, идиоматических выражений, грамматических конструкций, прагматики высказывания и тому подобного. Использование системы искусственного интеллекта в лингвистическом анализе может служить независимым объективным методом изучения языковых данных с целью установления факта наличия определенных языковых средств, в противовес и в дополнение к профессиональному анализу лингвистов-экспертов и юристов – конкретных личностей со своими ценностными установками.

Практическая значимость использования искусственного интеллекта в данном случае состоит в поиске внешних инструментов, свободных от личностных установок исследователя, для проведения анализа языкового материала,

¹ <https://minjust.gov.ru/ru/extremist-materials/>.

требующего получить определенную экспертную оценку. При совпадении результатов анализа, выполненного LLM, с результатами анализа человека-эксперта мы получаем дополнительное объективное свидетельство в виде оценки текста искусственным интеллектом. Однако, подчеркнем, результаты, представленные ИИ, могут носить характер только дополнительного (вспомогательного) инструмента анализа. Окончательное суждение о наличии/отсутствии в высказывании определенных языковых средств, соотносимых с видами информационных угроз, может вынести только человек.

Результаты и обсуждение

Наиболее трудной задачей является установление спектра языковых средств, свидетельствующих о формировании угрозы информационной безопасности в виде языкового проявления экстремизма. Полагаем, что для решения данной проблемы перспективным является использование методов исследований, направленных на определение тональности текста (sentiment analysis, opinion mining) [Bing 2010]. Анализ тональности текста предполагает выявление языковых маркеров определенной субъективной тональности, проявляющейся в виде конкретных лексем или выражений с оценочной семантикой. Необходим контент-анализ большого массива текстов, комплексный семантический анализ в сочетании с анализом контекста и прагматической направленности высказывания.

В частности, лексико-семантический анализ предполагает выявление текстов, в которых содержатся определенные лексемы, имеющие отношение к семантическому полю «экстремизм» и смежным полям: «раса», «национальность», «язык», «религия», «оправдание», «одобрение», «пропаганда» и подобных – примерный перечень таких семантических полей можно составить путем лингвистического анализа текста вышеупомянутого федерального закона.

Для воссоздания спектра слов, ассоциирующихся с данными семантическими полями, представляется эффективным использование ресурса «Карта слов» (Kartaslov.ru), на котором содержится множество объединений слов и словосочетаний, связанных с заданным словом. Например, по запросу «оправдание» ресурс выдает более 100 ассоциативно связанных слов, синонимов и выражений, среди которых: *правда, суд, ложь, оправдываться, вина, извинение, адвокат, человек, приговор, неправда, подсудимый* и другие. Контекстуальный анализ предполагает выявление «соседства» слов из указанных семантических полей (с одной стороны – «раса», «национальность», «язык», «религия», с другой – «оправдание», «одобрение», «суд», «ложь», «вина») в узком и широком контекстах. Прагматический анализ необходим для установления намерений автора, которые могут передаваться наличием эмоционально окрашенных слов, особых синтаксических конструкций, при помощи иных средств.

На предварительном этапе анализа был произведен отбор интернет-текстов, содержащих лексемы из перечисленных выше семантических полей, и исследована общая тональность данных текстов. Сначала производилось ранжирование отобранных текстов экспертом-человеком, а затем полученные результаты сопоставлялись с результатами анализа, выполненного LLM. Полученные результаты во многом совпали с результатами других исследований, направленных на изучение тональности текста машинными средствами, и подтвердили общую эффективность использования систем искусственного интеллекта для анализа текста (в частности, подобные выводы делаются в работе [Овсянникова 2025]).

Семантический анализ отобранных нами текстов позволил распределить их в группы, отражающие проявление определенной субъективной тональности:

- 1) нейтральные тексты (примерно 8% от общего числа проанализированных текстов);
- 2) тексты с одобрительной оценкой (примерно 50%);
- 3) осуждающие тексты, как правило, содержащие аргументацию (примерно 20%);
- 4) тексты с явно выраженной негативной оценкой (примерно 12%);
- 5) оскорбляющие тексты (примерно 10%).

Приведенное процентное соотношение текстов относительно, поскольку выделенные группы представляют собой пересекающиеся множества. Один и тот же текст может входить в несколько групп одновременно.

Нейтральные тексты, как правило, представляют собой короткие посты информационного характера, не содержащие в явном виде языковых средств, требующих дальнейшего анализа на предмет обнаружения угроз информационной безопасности. В текстах с одобрительной оценкой не обнаружено высказываний, которые можно было бы проинтерпретировать как одобряющие противоправные действия.

Тексты оскорбляющие, осуждающие и содержащие негативную оценку, по нашему мнению, попадают в зону риска наличия информационных угроз в виде нагнетания конфликтных ситуаций, в том числе с потенциальными признаками экстремистского содержания. Данные тексты далее были загружены для анализа в системы DeepSeek и ChatGPT. При этом обеим системам задавался вопрос «Носит ли данный текст экстремистский характер». В результате анализа обе системы отнесли 8 текстов к потенциально экстремистским, требующим дальнейшего изучения с точки зрения широкого контекста их создания и прагматических установок авторов. Остальные тексты были определены как содержащие негативное мнение или нейтральное мнение, выражающее религиозную позицию, что относительно коррелирует с группами, выделенными нами на этапе отбора и предварительного лингвистического анализа.

Приведем конкретные примеры текстов с разной языковой тональностью.

Ниже представлен Текст 1, который на этапе предварительного лингвистического анализа был отнесен нами к типу текстов осуждающего характера и, одновременно, содержащих резкую негативную оценку, однако не содержащих прямых призывов к противоправным действиям в виде глаголов в повелительном наклонении и иных языковых средств:

«Шарлотаны, обманываете других людей ничего невинно не подозревающих, грешите как хотите и тем самым обманываете себя что вы с Богом, Бог он не такой ,Он другой ,Он свет и Он абсолютно свят ,а вы грешите ,странно какому вы богу поклоняетесь? праведен суд на вас от Бога» (здесь и далее интернет-тексты скопированы в авторском написании).

На рисунках 1 и 2 представлены результаты анализа данного текста системами DeepSeek и ChatGPT.

Данное высказывание содержит резкую критику в адрес определенной группы людей, обвиняя их в обмане и грехе, а также утверждает, что над ними будет "праведный суд от Бога". Однако оно **не содержит прямых призывов к насилию, ненависти или дискриминации по этническим, религиозным или социальным признакам.**

Оценка на экстремизм:

✗ Не является экстремистским в юридическом понимании (например, по ст. 282 УК РФ), так как:

- Нет **прямых угроз** или призывов к враждебным действиям.
- Критика носит **религиозно-морализаторский** характер, а не направлена на разжигание ненависти к группе людей.
- Используются **богословские формулировки** ("праведен суд от Бога"), а не агрессивная риторика.

⚠ Но важно учитывать контекст:

Если подобные высказывания используются для систематического **унижения верующих** или подстрекательства к конфликту, они могут привлекать внимание правоохранительных органов.

Вывод: Само по себе это высказывание **не экстремистское**, но его тональность может считаться резкой или оскорбительной в зависимости от ситуации.

Рис. 1. Результат анализа Текста 1 при помощи DeepSeek

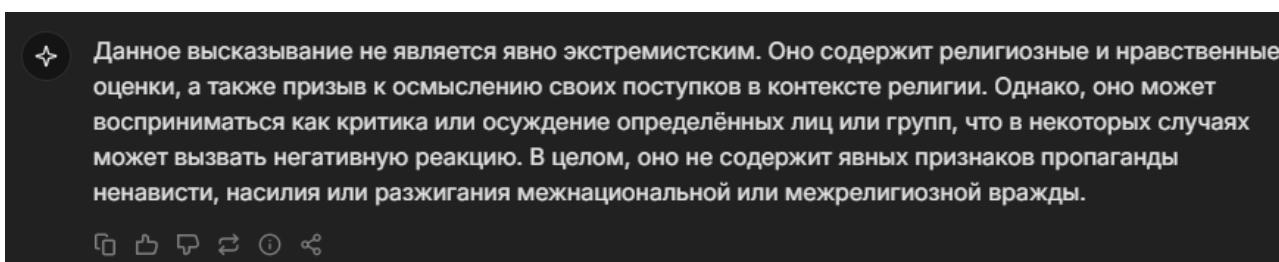

Рис. 2. Результат анализа Текста 1 при помощи ChatGPT

Стоит отметить, во-первых, аргументированность оценки, предоставленной DeepSeek: ссылку на действующее законодательство страны, на государственном языке которой задан промпт-вопрос, и пункты, по которым проводилась оценка; во-вторых, сноску о необходимости принятия во внимание контекста, в котором применяется данный текст. Также внимания заслуживает вывод LLM, крайне близко совпадающий с результатами предварительного анализа для данного интернет-текста. ChatGPT показал меньшую полноту анализа, аргументации и отсутствие ссылок на источники, что ставит данную оценку ниже, чем предоставленную DeepSeek.

Анализ Текста 2, содержащего фразу «<...> чтоб этим тварям церковным руки отрубили чтоб не поднимали руки на пожилых людей» позволяет выявить более яркие языковые признаки нагнетания конфликтной ситуации. В частности, текст содержит употребление слова *тварь* в адрес служителей церкви в значении «подлый человек», которое сопровождается в словарях русского языка пометой «презрительное» [Грамота.ру 2000–2025 URL]. Такое употребление слова придает тексту ярко выраженную оскорбляющую семантику и негативную оценку. Употребление глаголов в форме прошедшего времени, которая в данном случае приобретает семантику сослагательного наклонения со значением желаемого действия, в определенной степени можно проинтерпретировать как призыв к осуществлению действия.

На рисунках 3 и 4 представлены результаты анализа данного текста системами ChatGPT и DeepSeek. Анализ DeepSeek, как и в предыдущем примере, выделяется большей полнотой и точностью аргументации.

Да, данное высказывание **можно расценить как экстремистское** по следующим причинам:

1. **Призыв к насилию** – фраза "чтоб этим тварям церковным руки отрубили" содержит явное желание причинения физического вреда определенной группе людей (церковным служителям).
2. **Дезориентация и агрессия** – слова "тварям церковным" выражают крайнюю степень ненависти и унижения в адрес религиозных деятелей.
3. **Обобщение и подстрекательство** – утверждение строится на негативном стереотипе о всех представителях церкви, что может разжигать вражду.

Вывод

Текст нарушает нормы против экстремизма, так как содержит **призыв к насилию и унижительную риторику** в отношении религиозной группы. В ряде стран подобные высказывания могут быть основанием для правовых последствий.

Если вам нужен более нейтральный способ выразить критику, можно переформулировать мысль без оскорблений и угроз.

Рис. 3. Результат анализа текста «В отличие от церкви...» при помощи DeepSeek

✦ Данное высказывание содержит выражение негативного отношения и оскорбительные слова в адрес представителей церкви, а также призыв к насилию ("чтоб этим тварям церковным руки отрубили"). Такие выражения могут быть признаны экстремистскими, поскольку они пропагандируют насилие и разжигают ненависть по религиозному признаку. Поэтому, скорее всего, это высказывание можно считать экстремистским.

Рис. 4. Результат анализа текста «В отличие от церкви...» при помощи ChatGPT

Однако необходимо обратить внимание на то, что выражение *отрубить руки*, которое обе LLM охарактеризовали как призыв к осуществлению насильственного физического действия, может употребляться в русском языке не только в своем прямом значении, но и в качестве образного идиоматического выражения для усиления эмоциональной составляющей речи, а не призыва к конкретному физическому действию. Поэтому далее необходим более тщательный анализ прагматической составляющей высказывания экспертом-человеком.

Таким образом, проделанный анализ позволяет заключить, что системы ChatGPT и DeepSeek на современном этапе их разработки в целом адекватно интерпретируют языковые данные, поскольку результаты их анализа во многом совпадают с анализом, выполненным профессиональным лингвистом, но формируемые системами ответы можно использовать только в качестве вспомогательного инструмента для дальнейшего лингвистического анализа. Отметим, что для проведения исследования использовались базовые версии систем ChatGPT и DeepSeek, что позволяет сделать вывод о возможности более эффективного применения данных систем в случае использования их расширенных версий.

Принципиально важно подчеркнуть, что обнаружение в проанализированных текстах определенных языковых средств в виде негативно маркированных слов, стилистически сниженной или оценочной лексики, побудительных грамматических конструкций не является достаточным основанием для заключения о наличии/отсутствии в высказывании признаков экстремизма. Однако наличие указанных языковых средств свидетельствует о возможности формирования угрозы информационной безопасности в данном сообществе пользователей социальной сети. Формирование угрозы происходит при систематическом появлении подобных текстов и их бесконтрольном распространении в виде репостов.

Заключение

Большие языковые модели демонстрируют высокий потенциал для анализа текстов в качестве дополнительного вспомогательного инструмента в работе лингвиста-эксперта на предмет выявления информационных угроз экстремистского характера. Для повышения точности анализа требуется:

- дополнительное обучение моделей на специализированных датасетах;
- интеграция контекстного анализа (учет культурных и языковых нюансов);
- привлечение экспертов для финальной оценки спорных случаев.

Данное исследование вносит вклад в развитие инструментов автоматизированного мониторинга интернет-контента, что актуально для обеспечения информационной безопасности. Проведенное исследование может быть адаптировано для анализа других типов информационных угроз (мошенничество, дезинформация, кибербуллинг), а его результаты могут быть использованы для модерации социальных сетей или проведения комплексных исследований угроз, проявляющихся в виде языковой информации. В перспективе исследования входит также изучение этических и правовых оснований для

использования больших языковых моделей в рамках анализа информационных угроз и общей тональности интернет-текстов.

Литература

- Грамота.ру, 2000–2025. URL: [https://gramota.ru/poisk?query=тварь&mode=slovari&dicts\[\]=42](https://gramota.ru/poisk?query=тварь&mode=slovari&dicts[]=42)
- Грушихина В. А. Судебная психолого-лингвистическая экспертиза текста (на примере дела об экстремизме) / Деятельность правоохранительных органов в современных условиях. Сборник материалов XXI международной научно-практической конференции. – Иркутск, 2016. – С. 12–15.
- Доктрина информационной безопасности Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. №646. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1539546/.
- КоАП РФ Статья 13.53. Поиск заведомо экстремистских материалов и получение доступа к ним, в том числе с использованием программно-аппаратных средств доступа к информационным ресурсам, информационно-телекоммуникационным сетям, доступ к которым ограничен. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/d698a1c3214cb529c29991c00154e985d9d7f607/
- Комов С. А. Термины и определения в области информационной безопасности. Москва, 2009.
- Королькова А. В., Алексеева М. И. Лингвистическая экспертиза текстов, публично оправдывающих терроризм и/или экстремизм / Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2023. – Т. 16. – № 8. – С. 2339–2343.
- Куршакова Т. Д., Рядчикова Е. Н., Схалыхова С. Ш. Языковые маркеры экстремизма, фашизма, нацизма: из практики судебных лингвистических экспертиз / Казанская наука. – 2023. – № 6. – С. 27–33.
- Овсянникова М.А. Анализ тональности текста посредством инструмента искусственного интеллекта / Три «Л» в парадигме современного гуманитарного знания: Лингвистика, Литературоведение, Лингводидактика. Москва, 2025. С. 33–38.
- Юлдашев Ж. Б. К определению сущности международной информационной безопасности / Коммуникология: электронный научный журнал. – 2022. – Т. 7. – № 4. – С. 115–125.
- Bing Liu. Sentiment Analysis and Subjectivity / Handbook of Natural Language Processing (англ.) / под ред. N. Indurkha и F. J. Damerau. 2010. URL: <https://www.cs.uic.edu/~liub/FBS/NLP-handbook-sentiment-analysis.pdf>
- Fullstack Academy, LLC. What is Information Security? 2025. URL: <https://www.fullstackacademy.com/blog/what-is-information-security>
- Joshi Ch., Singh U.K. Information security risks management framework – A step towards mitigating security risks in university network / Journal of Information Security and Applications. – 2017. – No. 35. – Pp. 128–137. doi:10.1016/j.jisa.2017.06.006.
- TechTarget Contributor, 2024, Top 10 types of information security threats for IT teams, URL: <https://www.techtarget.com/searchsecurity/feature/Top-10-types-of-information-security-threats-for-IT-teams>.

References

- Article 13.53 of the Administrative Code of the Russian Federation. Searching for knowingly extremist materials and gaining access to them, including using hardware and software to access information resources, information and telecommunication networks, access to which is restricted. Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/d698a1c3214cb529c29991c00154e985d9d7f607 (in Russian).
- Bing Liu. (2010). Sentiment Analysis and Subjectivity. Handbook of Natural Language Processing <https://www.cs.uic.edu/~liub/FBS/NLP-handbook-sentiment-analysis.pdf>
- Fullstack Academy, LLC (2025). What is Information Security? Available from: <https://www.fullstackacademy.com/blog/what-is-information-security>.
- Gramota.ru, 2000–2025. URL: [https://gramota.ru/poisk?query=тварь&mode=slovari&dicts\[\]=42](https://gramota.ru/poisk?query=тварь&mode=slovari&dicts[]=42) (in Russian).
- Grushihina, V.A. (2016). Forensic psychological and linguistic examination of the text (using the case of extremism as an example). The activity of law enforcement agencies in modern conditions. Collection of materials of the XXI International scientific and practical conference, 12–15 (in Russian).
- Joshi, Ch., Singh, U. K. (2017). Information security risks management framework – A step towards mitigating security risks in university network. Journal of Information Security and Applications, 35, 128–137. doi:10.1016/j.jisa.2017.06.006.
- Komov, S. A. (2019). Terms and definitions in the field of information security. Moscow (in Russian).
- Korolkova, A. V., Alekseeva, M. I. (2023). Linguistic examination of the texts publicly justifying terrorism and/or extremism. Philology. Theory & Practice, 16, 8, 2339–2343 (in Russian).
- Kurshakova, T. D., Ryadchikova, E. N., Skhalyakhova, S. Sh. (2023). Linguistic markers of extremism, fascism, Nazism: from the practice of forensic linguistic examinations. Kazan Science, 6, 27–33 (in Russian).
- Ovsyannikova, M. A. (2025). Text tonality analysis using an artificial intelligence tool. Three "L" in the paradigm of modern humanitarian knowledge: Linguistics, Literary Studies, Linguodidactics. Moscow, 33–38 (in Russian).
- TechTarget Contributor, 2024, Top 10 types of information security threats for IT teams, Available from: <https://www.techtarget.com/searchsecurity/feature/Top-10-types-of-information-security-threats-for-IT-teams>.
- The Information Security Doctrine of the Russian Federation. Approved by Decree of the President of the Russian Federation No. 646 dated December 5, 2016. Available from: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1539546/. (in Russian).
- Yuldashev, Zh. B. (2022). Towards the definition of the essence of international information security. Kommunikologiya: electronic scientific journal, 7, 4, 115–125 (in Russian).

Citation:

Осокин П. Д., Осокина С. А. Анализ интернет-текстов с признаками информационных угроз при помощи больших языковых моделей // Юрислингвистика. – 2025 – 38. – С. 74-80.

Osokin P. D., Osokina S. A. (2025) Analysis of Internet Texts with Signs of Information Threats Using Large Language Models. Legal Linguistics, 38, 74-80.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

«Дело о плагиате открывается вновь»: экспертиза текстов, содержащих некорректные заимствования

А. М. Плотникова

*Уральский федеральный университет
пр. Ленина, 51, 620026, Екатеринбург, Россия, annaplotnikova@urfu.ru*

Статья посвящена экспертной оценке некорректных заимствований: плагиата и рерайтинга. Актуальность теоретических и методических основ судебной экспертизы объектов интеллектуальной собственности, связанная с решением вопросов о плагиате, обусловлена заметным ростом споров по делам о защите интеллектуальной собственности, необходимостью эффективного судебно-экспертного обеспечения судопроизводства, в том числе по делам, связанным с защитой исключительных прав на интеллектуальную собственность. В статье рассматриваются языковые и юридические определения плагиата и того круга понятий, который связан с неправомерными заимствованиями текста. Представлены экспертные подходы к определению некорректных заимствований в экспертизе объектов интеллектуальной собственности, показана связь этого вида экспертизы с лингвистической и автороведческой. Установление плагиата отнесено к диагностическим задачам, показано, что для решения этой задачи следует применять современные программные продукты. Вместе с тем продемонстрировано, что количественное определение заимствованного текста может усложняться за счет наличия внетекстовой опоры (общих материалов, используемых авторами). Введено экспертно значимое понятие «переработка», дано рабочее определение текстовой переработки и подходы к установлению текстовых модификаций. Предложены вопросы, которые будут поставлены перед экспертом, и обозначены способы решения экспертных задач. Рассмотрены отдельные примеры из экспертной практики, которые позволяют продемонстрировать сложность решений задач установления плагиата. Проблема плагиата рассмотрена на широком фоне смежных тем, связанных с изучением вторичных текстов: интертекстуальности, прецедентности, цитирования. В контексте современной ситуации, связанной с распространением технологий автоматической генерации текста, проблема установления плагиата требует поиска новых экспертных решений.

Ключевые слова: плагиат, экспертиза объектов интеллектуальной собственности.

"The Plagiarism Case is Initiated Again": Examination of Texts Containing Unattributed Borrowing

A. M. Plotnikova

*Ural Federal University
51 Lenin Avenue, 620026, Ekaterinburg, Russia. E-mail: annaplotnikova@urfu.ru*

The article covers the expert assessment of unattributed borrowings: plagiarism and rewriting. The applicability of the theoretical and methodological foundations of forensic examination of intellectual property objects related to tackling plagiarism issues is determined by a substantial increase in disputes over the protection of intellectual property, the need for effective forensic support of legal proceedings, including those related to the protection of exclusive intellectual property rights. The article examines the linguistic and legal definitions of plagiarism and the range of concepts associated with unauthorized borrowing of the text. Expert approaches to the definition of unattributed borrowings in the examination of intellectual property objects are presented, and the relationship of this type of examination with linguistic and authorship expertise is shown. The identification of plagiarism is classified as a diagnostic task; it is shown that modern software products should be used to solve this problem. At the same time, it has been demonstrated that quantification of borrowed text can be complicated due to the presence of extra-textual reference (common materials used by the authors). The expert-significant concept of "redesign" is introduced, the working definition of text processing and approaches to identification of text modifications are given. The questions that may face an expert are proposed, and ways of solving expert tasks are outlined. Individual cases from expert practice are considered, which makes it possible to demonstrate the complexity of solutions to plagiarism detection problems. The problem of plagiarism is considered against a broad background of related topics linked to the study of derived texts: intertextuality, precedent, citation. In the context of the current situation related to the proliferation of automatic text generation technologies, the problem of plagiarism requires search for new expert solutions.

Key words: plagiarism, examination of intellectual property objects.

Название настоящей статьи, посвященной вопросам лингвистической экспертизы плагиата, рерайтинга и иных некорректных заимствований, отсылает одновременно к двум источникам. Во-первых, это известные статьи Ч. Филлмора «Дело о падеже» и «Дело о падеже открывается вновь», а во-вторых, одна из первых статей, в которых был представлен опыт лингвистической экспертизы по делу о плагиате и предложена методика исследований модусной организации двух текстов [Стексова 2005].

С тех пор проблема установления плагиата научного текста отчасти решена благодаря системам автоматического выявления заимствований, например «Антиплагиат». Однако такие системы не решают экспертные задачи по установлению сходных и различающихся признаков текстов. Сервисы «Copyleaks Text Compare Tool», «Embedica Compare», «Copyscape» позволяют сравнивать тексты разного формата, в том числе сопоставлять веб-страницы, а также разнообразный с точки зрения представления материал, например таблицы, однако англоязычный интерфейс всех этих ресурсов, ограничения в объеме сравниваемых текстов (обычно до 100 страниц), отсутствие анализа текстов на предмет внесения изменений не всегда позволяют использовать это программное обеспечение для решения экспертных задач.

В качестве технических средств используются программные продукты «iRewriter», «ShinglesExpert», с помощью них производится сравнительный анализ двух и более текстов по методу слов в «шингле». Шингл – это небольшой фрагмент текста из нескольких слов, длина шингла – это количество слов (буквосочетаний). Когда текст разбивается на фрагменты, указывается, сколько слов будет в каждом шингле и какой будет их порядок. Например, при шаге 3, текст делится на последовательные три слова. Если в тексте присутствуют такие же или очень похожие шинглы, которые уже использовались в исследуемом тексте, программа анализирует и указывает в процентном соотношении объем совпадений. Однако эти совпадения также требуют интерпретации.

Установление фактических данных, необходимых для решения всего круга вопросов о некорректных заимствованиях, предполагает решение следующих задач:

- 1) определение вида экспертизы и квалификации эксперта, способного решать задачи, связанные с текстами как объектами интеллектуальной собственности;
- 2) определение степени пригодности исследуемого материала;
- 3) определение типа экспертных задач;
- 4) выработка методологии исследования.

Отметим, что уже из названия статьи, содержащего прецедентные для лингвистов тексты, можно извлечь вопрос о границах некорректных заимствований, связи плагиата с интертекстуальностью, прецедентностью и иными феноменами, касающимися вторичных текстов. Таким образом, ключевым является вопрос о сущности плагиата и смежных с ним понятий.

Актуальность научной разработки теоретических и методических основ судебной экспертизы объектов интеллектуальной собственности, связанных с решением вопросов о плагиате, обусловлена заметным ростом споров по делам, связанным с интеллектуальной собственностью, необходимостью эффективного судебно-экспертного обеспечения уголовного, гражданского и арбитражного судопроизводства, в том числе по делам, связанным с защитой исключительных прав на интеллектуальную собственность.

Плагиат, заимствование, рерайтинг

В качестве частного случая плагиата в юридической литературе часто употребляют термин «заимствование». Так, Е. В. Новожилова говорит о заимствовании текста как использовании текста из одного произведения в качестве материала при создании другого произведения [Новожилова 2025: 15]. Это слишком широкое определение, не подходящее для задач судебной экспертизы, так как множество постмодернистских текстов предполагает отсылки к другим текстам, интертекстуальные вставки. С. Ф. Денисов и Л. В. Денисова, говоря о псевдонауке и лженауке, используют термины «фальсификация», «фабрикация», «плагиат» [Денисов, Денисова 2016]. В научной литературе используется термин «научное мошенничество», объединяющий такие явления, как плагиат и фальсификация. Е. Г. Афанасьева и М. Г. Долгих пишут: «Речь может идти как о фальсификации отдельных данных (например, статистических), так и целых публикаций. Например, известны случаи, когда разоблаченные плагиаторы фальсифицировали целые монографии: издавали их «задним числом», пытаясь создать впечатление, что они написали свои труды. Возможно, было бы целесообразно сформулировать и ввести в УК РФ состав «научного мошенничества» (либо мошенничества в сфере интеллектуальной собственности), в который не входил бы такой признак, как причинение имущественного вреда» [Афанасьева, Долгих URL].

Более точным может быть указание на «неправомерное заимствование», под которым, как правило, понимают некорректное, то есть без указания авторства и оформления ссылок, использование авторского текста или его фрагментов в другом тексте, предполагающее переработку текста, в последнее время для обозначения такого вида заимствований получило распространение слово «рерайтинг».

Экспертно значимым для установления неправомерных заимствований понятием, на наш взгляд, следует считать понятие «переработка». Переработка текста представляет собой создание вторичного текста на базе того, который является исходным для автора переработки и служит базой для текстовых модификаций. Переработка всегда предполагает, что одно произведение создано на базе предшествующего ему, предыдущего. За пределами текстов переработка включает и экранизацию, и перевод, и создание спектакля, и аранжировку.

По словам С. В. Ионовой, «вторичные тексты в разной степени соответствуют первичным текстам, на основе которых они строятся. Соотнесение текста-основы и вторичного текста может акцентировать черты как сходства, так и различия, сочетание данных черт определяет природу аппроксимации вторичных речевых произведений» [Ионова 2005: 35].

Текстовые модификации следует отличать от деривации текста, которая, по Л. Н. Мурзину [Мурзин 1984] представляет собой психолингвистический процесс, основанный на механизмах свертывания, развертывания и др. Текстовая деривация

рассматривается как динамический процесс текстообразования. Например, текстовая деривация возможна при пересказе текста, потому что ее результатом становится вновь созданный текст.

Текстовые модификации исходного текста, служащего прототипом для вторичного текста, носят статичный характер, связанный трансформациями отдельных языковых знаков.

Рассмотрим примеры, иллюстрирующие различные способы текстовых модификаций при переработке текста.

1. Замена слов и словосочетаний на синонимичные.

Исходный текст: *Эти и другие мероприятия дали свои положительные результаты и к концу войны на территории края основные бандформирования были разгромлены.*

Вторичный текст: *Эти и другие мероприятия привели к положительным результатам и к концу войны на территории края основные бандформирования были разбиты.*

2. Добавление или сокращение слов и словосочетаний.

Исходный текст: *Методика статистического анализа.*

Вторичный текст: *Методика статистического анализа клинико-лабораторных и параклинических данных.*

3. Упрощение или (чаще) усложнение синтаксической структуры предложения, разбиение предложения на несколько самостоятельных.

Исходный текст: *Как известно, ресурсы (активы) подразделяются на две большие группы: материальные (человеческие, финансовые, помещения, оборудование, запасы и т. п.), а также нематериальные, т. е. интеллектуальные (ноу-хау, патенты, юридические права, брэнды, зарегистрированные дизайны и др.).*

Вторичный текст: *Ресурсы (активы) подразделяются на две большие группы. К первой группе относятся материальные (человеческие, финансовые, помещения, оборудование, запасы и т. п.), а также нематериальные, т. е. интеллектуальные. Это ноу-хау, патенты, юридические права, брэнды, зарегистрированные дизайны и др.*

4. Модификации графических и пунктуационных особенностей оформления текста.

Исходный текст: *Найденные изделия могут быть отнесены к одному из 3-х классов опасности: первой степени (малоопасные) – авиационные бомбы (включая кассетные) без детонаторов, снаряды без следов прохождения по стволу, гранаты всех типов с чекой и инженерные заряды.*

Вторичный текст: **Классы опасности** взрывоопасных предметов:

ПЕРВОЙ СТЕПЕНИ (МАЛООПАСНЫЕ) авиационные бомбы (включая кассетные) без детонаторов, снаряды без следов прохождения по стволу, гранаты всех типов с чекой и инженерные заряды.

5. Модификации композиционной структуры текстов: перестановки глав, параграфов, абзацев и др. композиционно значимых частей текстов.

Проблема намеренного искажения письменной речи осмысливается в автороведческой экспертизе текста и связана с имитацией речи другого лица, обычно выделяется три основных вида маскировки: имитация стиля конкретного лица, имитация авторства (женщины, мужчины, человека иной национальности), искажение письменной речи, чаще всего за счет снижения уровня грамотности. С проблемой искажения письменной речи связана возможность коллективного авторства (например, Т. А. Литвинова и ее коллеги предлагают использовать кластерный анализ для разграничения авторов). Существуют ситуации двойного авторства, например, в ситуации протокола допроса, при анализе которого Е. Е. Абрамкина выделяет автора-оформителя и автора-информанта [Абрамкина 2017]. В ее диссертационном исследовании [Абрамкина 2020] предлагается речезанровая модель идентификационного исследования, применимая к анализу официально-деловых текстов.

Со вторичными текстами связан и более широкий спектр вопросов с когнитивными технологиями обработки и переработки текстов, которые находятся за рамками данной статьи.

Правовая база установления некорректных заимствований и экспертная практика

В ч. 1 ст. 146 УК России дается определение плагиата – присвоение авторства. В п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда России от 26.04.2007 № 14 рассматриваются случаи плагиата: «...указанное деяние может состоять, в частности, в объявлении себя автором чужого произведения, выпуске чужого произведения (в полном объеме или частично) под своим именем, издании под своим именем произведения, созданного в соавторстве с другими лицами, без указания их имен» (Постановление Пленума ВС России от 26.04.2007).

Состав данного преступления сводится к двум основным позициям: 1) некое лицо выдает себя за автора произведения или части произведения, созданного другим человеком; 2) некое лицо не указывает соавторов в произведении, написанном совместно.

Законодательную базу для экспертных исследований о плагиате составляют следующие основные документы:

1. Гражданский кодекс РФ, часть 4 («Права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации»).
2. Статья 1229 («Исключительное право») ГК РФ.
3. Статья 1257 («Автор произведения») ГК РФ.
4. Статья 1265 («Право авторства и право автора на имя») ГК РФ.
5. «Рекомендации по отдельным вопросам экспертизы заявленных обозначений» (утв. Приказом № 39 Роспатента от 23 марта 2001 г.).
6. Федеральный закон № 149-ФЗ от 27 июля 2006 г. «Об информации, информационных технологиях и защите информации».
7. Закон РФ от 9 июля 1993 г. № 5351-1 (ред. от 20.07.2004) «Об авторском праве и смежных правах».
8. Федеральный закон от 8 апреля 2003 г. № 45-ФЗ «О внесении изменения в статью 146 Уголовного кодекса Российской Федерации».

Приказом Минюста России от 17.05.2021 № 77 «О внесении изменений в приложения № 1 и № 2 к Приказу Минюста России от 27.12.2012 № 237 «Об утверждении Перечня родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России, и Перечня экспертных специальностей, по которым представляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России» как новый род экспертиз, выполняемых в судебно-экспертных учреждениях Минюста России, была введена экспертиза объектов интеллектуальной собственности (экспертная специальность 29.1 «Исследование объектов интеллектуальной собственности»). А. С. Савенко полагает, что экспертизу объектов интеллектуальной собственности следует относить к классу инженерно-технических экспертиз, однако для исследования товарных знаков и доменных имен как средств индивидуализации необходимы специальные лингвистические познания в области ономастики, для исследования объектов искусства, культурного наследия требуются познания в соответствующей области. Разнообразие самого класса объектов интеллектуальной собственности предполагает вариативность экспертных специальностей, которые, на наш взгляд, не могут быть отнесены к инженерно-техническим экспертизам [Савенко 2020].

Объекты интеллектуальной собственности, а именно товарные знаки и объекты авторских и смежных прав, до этого являлись традиционными объектами судебной лингвистической экспертизы. В настоящее время они становятся объектами этого нового рода экспертизы, интегрировавшего не только лингвистические, но и знания из других областей. В задачи нового вида экспертизы (экспертизы объектов интеллектуальной собственности) входит, в частности, выявление особенностей авторского стиля, оригинальности текста, наличия заимствований, переработок как на уровне стиливой организации текста, так и на уровне содержания. По справедливому замечанию В. О. Кузнецова и Е. К. Крюк, «несмотря на то, что использование сюжета или темы произведения к плагиату не относится, при анализе необходимо учитывать не только форму, которая при достаточных навыках может быть изменена (словарные выражения, речевые обороты и т. д.), но и совпадения в аргументах, логику доказательств, комплекс исходных положений и конечных результатов» [Кузнецов, Крюк 2019: 16]. При этом авторы статьи разделяют компетенции судебного лингвиста и специалиста в области автороведения.

Следовательно, вопрос специальных знаний применительно к экспертизе текстов, содержащих некорректные заимствования, решается в настоящее время в пользу применения специальных лингвистических знаний в экспертизе объектов интеллектуальной собственности.

Е. В. Новожилова, рассматривая протоколы допросов, относит экспертизу заимствований к судебной автороведческой экспертизе, объяснением этого может быть следующее утверждение: «При экспертном анализе заимствований обязательно должна быть исключена случайность возникновения совпадающего текста. Тогда тождество текста в разных документах будет означать фактическое тождество авторского состава и времени написания этого текста [Новожилова 2025: 128-129]. Предложенная ей методика основана на теории криминалистической идентификации, что, по всей видимости, предполагает, что эксперт по текстам как речевым следам идентифицирует автора. Однако в экспертизе объектов интеллектуальной собственности такая задача обычно не ставится. Тем более она несущественна для экспертизы протоколов допросов, в то время как доказывание неслучайного совпадения текстов, предложенное в диссертационном исследовании Е. В. Новожиловой, конечно, нацелено на решение диагностической задачи – установление текстового заимствования.

Наиболее целесообразной, с нашей точки зрения, является постановка следующих вопросов:

1. Имеются ли в тексте «А» совпадения с текстом «Б»? Если да, то какие фрагменты этих текстов совпадают?
2. Имеются ли в тексте «А» признаки заимствования (отдельных слов и словосочетаний, синтаксических конструкций, текстовых фрагментов) из текста «Б»? Каков процент или относительная величина заимствований?
3. Является ли текст «А» оригинальным или в нем имеются признаки переработки текста «Б»?

В качестве дополнительных могут быть заданы вопросы о направлении заимствований, об особенностях оформления цитат и наличия ссылок, а также иные вопросы, которые зависят от материала исследования.

Сложные вопросы экспертной практики

Тексты, которые оказываются в поле зрения эксперта в области объектов интеллектуальной собственности, чрезвычайно разнообразны по стиливым и жанровым особенностям. Если мы имеем дело с текстами информационного характера, то такие тексты не обладают признаками новизны, творческого характера создания, оригинальности (уникальности, неповторимости) произведения. Например, объектом экспертного исследования стали тексты двух сайтов, посвященных взрывным работам, мерам безопасности, которые требуется соблюдать для проведения таких работ. В результате был сделан категорический положительный вывод о наличии заимствований, однако оба исследуемых текста носят информационный характер, содержат решения организационных задач, правила выполнения действий по разминированию и не являются уникальными. А. В. Кашанин пишет: «Установление неповторимости произведения предполагает не оценку уровня произведения, а его сравнение с уже существующими либо с теми, что могут быть созданы, то есть находятся в области возможного, ожидаемого. В центре внимания оказывается статистическая неповторимость, то есть то, находится ли произведение в сфере ожидаемого либо его независимое повторение является маловероятным» [Кашанин 2010]. В рассматриваемом случае тексты на сайтах являются вторичными по отношению к нормативной документации.

В связи с этим возникает вопрос о существовании источника, который послужил основой и для первичного текста.

Уместно здесь вспомнить экспертизу словарей русского языка в рамках судебного спора об авторстве словарей С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой (издания 1989 и 1997 года), в которой эксперты пришли к следующему выводу: «Переработка, дополнения, исправления, осуществленные Шведовой Н. Ю. в словарях 1989, 1997 годов в рамках работы над словарем Ожегова С. И., не являются такими новациями, на основе которых можно сделать вывод о создании новой, оригинальной формы, в которой воплощена новая авторская идея, поскольку все три представленные на исследование версии толковых словарей составлены в жанре традиционного толкового словаря, идеология и элементы строения которого складывались эмпирически на основе многовековой лексикографической практики». Эксперты сопоставляли словарные статьи исследуемых словарей, словаря С. И. Ожегова 1964 года издания и словаря Д. Н. Ушакова.

Еще один пример касается судебного спора вокруг учебного пособия по маркетингу, в котором были скопированы фрагменты монографии Б., однако ответчик предоставил суду доказательства того, что монография Б. опирается на зарубежные работы по маркетингу, при этом объемные фрагменты Б. заимствовал у зарубежных авторов. Аналогичная экспертная ситуация возникла при анализе вебинаров эзотерического содержания: каждый отстаивал право на оригинальность контента, но и тот, и другой вебинар представлял пересказ эзотерического учения японского автора.

Соответственно, при исследовании материала эксперт сталкивается с вопросом цепочек заимствований, и определение направления заимствования становится трудновыполнимой задачей. По крайней мере, в случае значительного объема текстов эта задача предполагает обращение к методам автоматического анализа текстов.

Даже при отсутствии какого-то исходного текста, послужившего основой для переработки, первичный и вторичный тексты могут быть изначально объединены. Например, в двух диссертационных исследованиях, одно из которых было выполнено на соискание ученой степени кандидата исторических наук, а другое – на соискание ученой степени кандидата юридических наук, использовались одни и те же архивные материалы, то есть существовала общая внетекстовая опора в виде архивов. Это создает сложность при подсчете объема совпадений, потому что из общего объема, вероятно, следует исключить цитирование общих для двух авторов архивных материалов.

В другом случае объектом анализа стали две новогодние игры: «В поисках алмазного посоха» и «Железнодорожное путешествие в новогоднюю ночь». Основой сюжета обеих игр является поиск участниками волшебного предмета, необходимого для празднования Нового года. Это традиционный сюжет новогодней сказки, неоднократно используемый в литературных произведениях, театральных и кинематографических постановках. В текстах игр совпадают основные элементы сюжета и композиции. Так, в обеих играх на поиск волшебного предмета (в качестве волшебного предмета в обеих играх используется постоянный атрибут Деда Мороза – посох или мешок) из Великого Устюга участники перемещаются по городам России. В обеих играх прохождение через Москву требует остановки. Связанными по выполняемым функциям являются некоторые персонажи, чьи наименования имеют общие семантические компоненты: Ураганный ветер – Ветроуд; Крылья – Летающий лапоть; Декабрьские проездные – Проездной билет; Вечномерзлое стратегическое метро – Метрополитен, подземное скоростное метро; железнодорожный знак «замедление» – железнодорожный знак «тормоз». Сюжетные совпадения и близкие в семантическом отношении номинации (имена персонажей, топонимы, наименования волшебных предметов) указывают на то, что одна из игр является вторичной по отношению к другой. Постановлением Президиума ВАС РФ №2995/10 от 20.07.2010 было оставлено в силе решение судов об извлечении прибыли от неправомерного использования произведения.

Следовательно, экспертная практика свидетельствует о необходимости решения вопросов об установлении направления заимствования в случае наличия у сравниваемых текстов общей основы в виде другого текста либо в виде иных материалов.

Выводы

Проблемы определения заимствованного текста входят в широкий круг тем, в лингвистике связываемых с вторичными текстами, а в юриспруденции имеющих отношение к объектам интеллектуальной собственности и в особенности объектов авторского права. И лингвистический, и юридический взгляд на проблему заимствования в современной ситуации предполагает обращение к темам цитирования и рерайтинга, который осуществляется как вручную, так и с использованием технологий автоматической генерации текста. Для установления заимствований в экспертной практике правильнее (особенно в случае значительного объема сопоставляемых текстов) использовать программные продукты, позволяющие сравнивать тексты и определять объем совпадающих фрагментов. Вместе с тем наличие совпадающих фрагментов не означает, что речь идет именно о заимствовании. Задача эксперта состоит не только и не столько в установлении совпадающих текстовых фрагментов, сколько в интерпретации их композиционной роли в текстах, характере заимствований, а также определении типов модификаций, которые позволяют установить, что текст является вторичным.

Экспертиза заимствований решает диагностические задачи: установление факта заимствования, определение направления заимствования, определение объема заимствования. Вопрос об оригинальности, неповторимости текста, связанный с оценкой творческого вклада автора, должен решаться только с учетом жанровой, стилиевой природы исследуемых текстов и их языковых особенностей.

Литература

Абрамкина Е. Е. Автороведческая экспертиза протокола допроса: основные особенности и методика анализа / Вестник Томского государственного университета. – 2017. – № 415. – С. 158–163. doi: 10.17223/15617793/415/22

Абрамкина Е. Е. Речевой жанр протокола допроса: идентификационный аспект : дисс. ...канд. филол. наук. Новосибирск, 2020. – 23 с.

Афанасьева Е. Г., Долгих М. Г. Современное лицо плагиата. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennoe-litso-plagiata-statya/viewer>

Денисов С. Ф., Денисова Л. В. Квазинаука в ненаучном знании: структура и эволюция / Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2016. – № 4. – С. 120–128.

Ионова С. В. Аппроксимация содержания вторичных текстов / Вестник Волгоградского государственного университета. – 2005. – Серия 2. – Вып. 4. – С. 33–37.

Кашанин А. В. Неповторимость произведения как критерий его способности к авторско-правовой охране / Вестник Арбитражного суда г. Москвы. – 2010. – № 6. – С. 32–41.

Кузнецов В. О., Крюк Е. К. Разграничение компетенций эксперта-лингвиста и эксперта-автороведа при исследовании объектов авторского права и объектов смежных прав / Теория и практика судебной экспертизы. 2019. – Том 14. – № 3. – С. 15–25. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2019-14-3-15-25>

Мурзин Л. Н. Основы дериватологии: Конспект лекций. Пермь, 1984.

- Новожилова Е. В. Теория и методика судебной экспертизы заимствования текста. Дисс. ...канд. филол. наук. М., 2025.
- Омельянюк Г. Г., Гулевская В. В., Савенко А. С. Классификация объектов интеллектуальной собственности для целей судебной экспертизы / Теория и практика судебной экспертизы. – 2019. – Том 14. – № 1. – С. 6–12. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2019-14-1-6-12>
- Савенко А. С. Формирование судебной экспертизы интеллектуальной собственности в системе Минюста России / Теория и практика судебной экспертизы. – 2020. – Том 15. – № 3. – С. 98–105. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2020-3-98-105>
- Садова Т. С. Текстовые заимствования (плагиат) как предмет лингвистической экспертизы / Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. – 2019. – Т. 1. – № 15. – С. 184–194. – DOI 10.30842/alp2306573715109.
- Стексова Т. И. Дело о плагиате: опыт лингвистической экспертизы / Юрислингвистика. – 2005. – № 6. – С. 269–272.

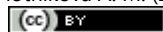
References

- Abramkina, E. E. (2017). The author's examination of the interrogation protocol: main features and methods of analysis. Bulletin of Tomsk State University, 158–163. doi: 10.17223/15617793/415/22 (in Russian).
- Abramkina, E. E. (2020). The speech genre of the interrogation protocol: the identification aspect : diss. ...Candidate of Philological Sciences. Novosibirsk (in Russian).
- Afanasyeva, E. G., Dolgikh, M. G. The modern face of plagiarism. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennoe-litso-plagiata-statya/viewer> (in Russian).
- Denisov, S. F., Denisova, L. V. (2016). Quasi-science in non-scientific knowledge: structure and evolution. Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political Science, 4, 120–128 (in Russian).
- Ionova, S. V. (2005). Approximation of the Content of Secondary Texts. Bulletin of Volgograd State University, Series 2. Issue 4, 33–37 (in Russian).
- Kashanin, A. V. (2010). Uniqueness of a work as a criterion of its ability to copyright protection. Bulletin of the Arbitration Court of Moscow, 6, 32–41 (in Russian).
- Kuznetsov, V. O., Kruk, E. K. (2019). Differentiation of competencies of an expert linguist and an expert author in the study of objects of copyright and objects of related rights. Theory and practice of forensic examination. Vol. 14, 3, 15–25. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2019-14-3-15-25> (in Russian).
- Murzin, L. N. (1984). Fundamentals of derivatology: Lecture notes. Perm (in Russian).
- Novozhilova, E. V. (2025). Theory and methodology of forensic examination of text borrowing. Diss. ...Candidate of Philological Sciences, Moscow (in Russian).
- Omeliannyuk, G. G., Gulevskaya, V. V., Savenko, A. S. (2019). Classification of intellectual property objects for the purposes of forensic examination. Theory and practice of forensic examination. Vo. 14, 1, 6–12. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2019-14-1-6-12> (in Russian).
- Savenko, A. S. (2020). Formation of judicial examination of intellectual property in the system of the Ministry of Justice of Russia. Theory and practice of judicial expertise. Vol. 15, 3, 98–105. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2020-3-98-105> (in Russian).
- Sadova, T. S. (2019). Text borrowings (plagiarism) as a subject of linguistic expertise. Acta Linguistica Petropolitana. Proceedings of the Institute of Linguistic Research. Vol. 1, 15. 184–194. DOI 10.30842/alp2306573715109 (in Russian).
- Steksova, T. I. (2005). The case of plagiarism: the experience of linguistic expertise . Legal Linguistics, 6, 269–272 (in Russian).

Citation:

Плотникова А. М. «Дело о плагиате открывается вновь»: экспертиза текстов, содержащих некорректные заимствования // Юрислингвистика. – 2025 – 38. – С. 81–86.

Plotnikova A. M. (2025) "The Plagiarism Case is Initiated Again": Examination of Texts Containing Unattributed Borrowing. Legal Linguistics, 38, 81–86.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Проявление сексизма в германских языках (английском, немецком, норвежском) на примере пословиц

П. П. Сорокина¹, И. А. Широких²

Алтайский государственный университет

пр. Ленина, 61, 656049, Барнаул, Россия. E-mail: ¹polina.02sor@gmail.com, ²shirokih.irina@mail.ru

В настоящей статье рассматриваются проявления сексизма по отношению к женщинам в пословицах языков германской группы: английском, немецком и норвежском. Предлагаются толкования понятий «пословица», «сексизм», «языковой сексизм», предложенные отечественными и зарубежными учеными. Рассматривается феномен гендерных стереотипов, а также взаимоотношение языка и гендера. Проводится анализ видов проявления сексизма, который сопровождается примерами в пословицах исследуемых языков. Рассматривается образ женщины, основанный на представлениях народа и выраженный посредством пословиц.

Ключевые слова: пословица, женщина, сексизм, гендерная лингвистика.

Manifestation of Sexism in Germanic Languages (English, German, Norwegian) on the Basis of Proverbs

P. P. Sorokina¹, I. A. Shirokikh²

Altai State University

61 Lenina St., 656049, Barnaul, Russia. E-mail: ¹polina.02sor@gmail.com, ²shirokih.irina@mail.ru

This article examines the manifestations of sexism towards women in the proverbs of the Germanic group languages: English, German and Norwegian. The interpretations of the concepts of «proverb», «sexism», «linguistic sexism» by domestic and foreign scientists are proposed. The phenomenon of gender stereotypes is considered, as well as the relationship between language and gender. An analysis of the types of sexism manifestations is carried out and shown on the examples in the proverbs of the languages studied. The article considers the image of a woman based on the folk's ideas and expressed through proverbs.

Key words: proverb, woman, sexism, gender linguistics.

Культура – неотъемлемая часть любого народа мира, которая находит свое выражение посредством языка. Язык воплощает культурную реальность и формирует языковую картину мира, в которой находят отражения опыт народа, накопленный поколениями. Хранилищем мудрости, опыта и традиционных взглядов является пословица. Она носит массовый характер и используется повсеместно: в бытовой речи, литературе, риторике, публицистике и т. д., так как является средством художественной выразительности, которое ценится за краткость формы и глубину содержания. Однако пословица часто становится не только источником мудрости, который может поддержать человека в трудной ситуации, но и источником стереотипов, предвзятого отношения к предметам, явлениям или окружающим людям.

Сексизм – проявление такого предвзятого отношения, дискриминация по половому признаку. Зачастую он направлен на женщин, которые долгое время занимали подчиненное положение в общественной иерархии. Это отразилось в культуре многих народов, а значит, и в языковых знаках – в том числе в пословицах. Исследование такого рода проявления дискриминации способствует более глубокому пониманию природы формирования предрассудков в современном мире.

Данная статья представляет собой исследование в области лингвокультурологии и гендерной лингвистики. Объектом исследования являются проявления сексизма, зафиксированные в пословицах. Предмет исследования данной работы – английские, немецкие и норвежские пословицы. Всего отобрано 443 пословицы.

Материалом для исследования послужили пословицы из следующих изданий: Concise Oxford Dictionary of Proverbs, J. A. Simpson; Oxford Dictionary of proverbs; Macmillan English Dictionary for Advanced Learners; The Penguin Dictionary of Proverbs, J. Low; 400 немецких рифмованных пословиц и поговорок, Г. П. Петлеваний, О. С. Малик; Sprichwörterlexikon

A. Beyer, H. Beyer; Deutsches Sprichwörter – Lexikon (Erster Band, A bis Gothen), K. F. W. Wander; Norske ordsprog, Ivar A. Aasen; Bokmål nynorsk ordbok, K. Lindh; Norske ordtak, O. Almenningen; а также пословицы, опубликованные в сети Интернет¹.

Отбор материала осуществлялся посредством выборки пословиц с опорными словами *woman*, *Frau*, *kvinne* и синонимичных им слов.

Актуальность данного исследования предопределена необходимостью изучения феномена сексизма, проявляющегося в фольклоре различных народов, и выявления стереотипов восприятия женщин через описание лингвокультурных образов, составленных на основе пословиц, а также форм проявления сексизма в языке. Кроме того английский, немецкий и норвежский языки, с одной стороны, являются представителями ветви германских языков, а с другой – развивались под воздействием разных экстралингвистических факторов, что дает возможность комплексно описать сходства и различия в изображении женщин в них посредством пословиц. В этом и заключается новизна данной работы.

В данной работе мы следуем теоретическим положениям, представленным в работах Л. Б. Савенковой [Савенкова 1996], П. Глика и С. Фиска [Glick and Fisk 1996], О. Арева и А. Дандеса [Arewa, Dundes 1964], В. М. Мокиенко [Мокиенко 2020], В. Н. Телия [Телия 1999] и др.

Исследование проводилось на основе описательного метода для изложения данных и их характеристик, аналитического метода для детального изучения составных частей исследуемого материала и метода сравнения для сопоставления объектов исследования по определенному признаку, чтобы найти их сходства и различия.

В последнее время паремиология представляет наибольший интерес для исследователей в разных областях лингвистики: фольклористике, семиотике, этимологии, лингвокультурологии и т. д., так как паремии несут в себе этнические и культурные особенности народа, а также представляют знаки вторичной номинации, в которых содержатся когнитивные и семантические категории. Паремия – устойчивая фразеологическая единица, представляющая собой целостное предложение дидактического содержания [Савенкова, 1996]. Основная функция паремий – передача традиционных взглядов и ценностей определенного народа, накопленных посредством жизненного опыта, в форме краткого высказывания. Как отмечает В. П. Жуков, паремии обладают двумя планами: буквальным и образным, причем наличие первого не обязательно, в то время как второй – неотъемлемая часть любой паремиологической единицы.

Из всего класса паремий наиболее употребительными во всех типах дискурса являются пословицы. Все же, несмотря на распространенность пословиц, лингвисты до сих пор не могут прийти к единому определению данного понятия и мнению, возможно ли вообще определить, что такое пословица. Так, А. Тейлор говорит о существовании особого качества, благодаря которому человек может понять, пословица это или нет, но передать или описать это ощущение невозможно («incommunicable quality which tells us that whether a sentence is a proverb and the other is not», цит. по [Grzybek, 1995]). Однако большинство ученых дают дефиницию пословицы, исходя из аспектов, выделенных ими для проведения исследований в конкретных сферах [Arewa, Dundes 1964; Seiler 1922; Афанасьев 2014; Paczolay 1995]. Наиболее полное определение пословицы можно найти в словаре Ярцевой: «Пословица – краткое, устойчивое в речевом обиходе, как правило ритмически организованное изречение назидательного характера, в котором зафиксирован многовековой опыт народа; имеет форму законченного предложения (простого или сложного) и часто выражает суждение» [Лингвистический энциклопедический словарь 1990].

Сложность определения пословицы поднимает и другую проблему: разграничение пословицы и поговорки. Зачастую пословица и поговорка представляются синонимичными языковыми знаками. Эта тенденция четко прослеживается в работах зарубежных исследователей, где *proverb* и *saying* употребляются как синонимичные, или понятие «поговорка» отсутствует (немецкий, норвежский). В данном исследовании мы также не делаем разграничений между пословицами и поговорками, рассматривая их как единое целое.

Пословицы выполняют в языке такие функции, как кумулятивная, морально-нравственная, директивная, моделирующая и функция привлечения внимания. Таким образом, пословицы способны накапливать, сохранять и передавать ценностные установки, обычаи, правила и мораль того или иного общества, устанавливать стереотипы в отношении предметов, объектов или личностей. Так, пословицы устанавливают роль и обязанности мужчин и женщин в социуме, очерчивают их образы на основе обобщенных представлений народа о полах. И хотя многовековые традиционные установки, сложившиеся в ходе истории, в настоящее время меняются, во многих сферах они продолжают существовать, и язык не является исключением.

Язык формируется социумом, и его особенности зависят от условий, в которых существует и развивается конкретное общество. Он является не только средством коммуникации, но и отражением социокультурных норм и стереотипов. Так, языковые структуры и их употребление влияют на формирование неравенства между мужчинами и женщинами и создание гендерных стереотипов. Гендер – социальный конструкт, определяющий положение мужчины и женщины в обществе; совокупность связанных с полом аспектов социальных ролей, то есть моделей поведения, ожидаемых обществом от мужчины или женщины [Шагалова 2010]. В свою очередь, гендерные стереотипы – это сформировавшиеся в культуре обобщенные представления (убеждения) о том, как действительно ведут себя мужчины и женщины.

Изучением вопросов взаимоотношения языка и гендера занимается гендерная лингвистика, а также феминистская лингвистика (феминистская критика языка). Первая изучает, как проявляется в языке и речи процесс создания культурой и обществом различий между полами, а также результат этого процесса. Вторая также занимается исследованиями взаимосвязи гендера и языка, но ее основная цель не описание различий в речи мужчин и женщин, а устранение гендерных асимметрий, борьба с андроцентричностью и сексизмом.

Сексизм – набор предрассудков в отношении определенной группы, часто в отношении женщин, которые касаются их внешности, поведения, навыков, чувств и надлежащего места в обществе [Wilson 1997]. Он направлен на поддержание патриархата посредством идеологических и материальных практик отдельных лиц, групп или всего общества, которые угнетают женщин по признаку пола.

¹ <https://www.personlig-tale.no/sitater-ordtak-kvinner.htm>, https://no.wikiquote.org/wiki/Norske_ordtak.

Пословицы, являясь способом передачи наивно-языковой картины мира, не только создают, но и поддерживают гендерные стереотипы, а также содержат в себе откровенно сексистские идеи. В настоящем исследовании мы рассмотрели, каким образом сексизм проявляется в пословицах английского, немецкого и норвежского языков.

1. Использование вульгаризированных форм обращения к женщинам

Во многих пословицах мы можем встретить одно из проявлений сексизма на лексическом уровне – использование вульгаризированных форм обращения к женщинам. В исследуемых языках по отношению к мужчине мы встречаем нейтральные существительные «man», «Mann» и «mann». По отношению к женщине используются как нейтральные «woman», «Frau», «kvinne», так и их синонимы, которые имеют негативную коннотацию и часть из них сравнима с русским вульгаризированным термином «баба»: «Wieb» (напр. *Drei Weiber und eine Gans machen einen Jahrmarkt*), «kjerring» (напр. *Vårherre gir dagen, kjerringa middagen*).

Примечательно, что изначально указанные слова были нейтральными и обозначали пожилую женщину, но в дальнейшем подверглись пейорации. Ту же тенденцию можно проследить и у английского слова «wench» (напр. *Wine and wench's empty men's purses*), которое первоначально определялось как «девочка, молодая незамужняя девушка», но со временем поменяло значение. Из этого можно сделать вывод, что вульгаризации подвергаются только существительные, определяющие женщин, а значит, в языках существуют выраженные гендерные асимметрии.

Стоит обратить внимание и на другие слова, обозначающие молодых женщин, девушек, которые встречаются в пословицах: «maiden», «Mädchen», «jente». Английское и немецкое слова происходят от «maid» и «Maid» соответственно – терминов, обозначающих служанок. «Jente» в пословицах не употребляется в значении «прислуга», однако имеет синоним «rike» (напр. *Den som ikke ser på en pen pike, fornærmer henne*), которым также обозначались девушки, работавшие в богатых домах. Подобных примеров сращивания не наблюдается для мужчин, что свидетельствует о социальном неравенстве и подчеркивает различное положение полов посредством языка.

Теперь рассмотрим проявление сексизма на синтаксическом уровне.

2. Амбивалентный сексизм

Понятие амбивалентный сексизм ввели в 1996 г. П. Глик и С. Фиск. Они предположили, что сексизм может проявляться не только как враждебное, но и как доброжелательное отношение к женщине. В пословицах рассматриваемых языков мы можем обнаружить обе эти формы.

Враждебный сексизм (ВС) – открытое пренебрежительное или агрессивное отношение к женщинам, обесценивание личности, интеллекта и способностей женщин (особенно тех, кто не следует гендерным стереотипам).

Во всех трех языках ВС в пословицах проявляется через представление женщин лживыми. Они манипулируют мужчинами, нередко используя свои эмоции:

Women naturally deceive, weep and spin; women have tears at command;

Die Frauen sind die Schlaunen; Es ist kein Mann so klug, das Weib macht ihn;

zum Narren;

En kvinne kan få mer gjort med tårer enn en mann med sverd; Mannemot er bra kan hende, men kvinnelist er uten ende.

ВС проявляется в убеждении, что женщины вредят мужчинам:

A woman is a man's evil;

Eine Frau kann einem Mann den Kopf verdrehen;

Bak enhver gal mann, er det en dame som har gjort ham slik.

ВС также обнаруживается в пословицах, где упоминаются образованные женщины, так как это считается вредным для них:

A morning sun, a wine-bred child, and Latin-bred women, seldom end well;

Die Henne, die zur Frühmesse geht, und das Weib, das Latein versteht, nehmen nie ein gutes Ende;

Kvinnen som overveier, er fortapt.

В пословицах английского и немецкого языков женщины также представляются некомпетентными, способными только заниматься традиционно отведенными им делами, что вновь отображает ВС:

All women are good, either good for something, or good for nothing;

Die Frauen sind zu nichts gut, als zum Flöhefangen.

Одобрение насилия в сторону женщин – еще одна черта ВС, которая находит свое отражение в пословицах:

A woman, a dog and a walnut tree, the more you beat them the better they be;

Frauen und Koteletts werden um so besser, je mehr man sie klopft;

Godt det endelig er helg, sa mannen, han hadde dengt kjerringa.

Доброжелательный сексизм (ДС) – поощрение, позитивное отношение к женщинам, которые ведут себя согласно гендерным стереотипам.

В первую очередь, в ДС женщина воспринимается как хрупкое существо, нуждающееся в помощи и поддержке, которую может оказать только мужчина:

Handle with care woman and glass;

Die Frauen haben ein kleines (rundes) Herz, es zappelt gleich von (oder: hält nicht lange) Freud' und Schmerz;

Kvinnen er skapt til å bli elsket, ikke til å bli forstått.

ДС также предполагает, что женщины – хорошие хозяйки, поэтому их жизнь связана с домом и бытом (роль хранительницы очага):

Men build/make houses, women make/build home;

Die Frau, die bleibt daheim, erscheint wol gering, thut aber grosse Ding;

En god kone gjør et hus til hjem.

В пословицах ДС находит отражение через положительную оценку следования гендерным стереотипам (женщина – кроткая, спокойная, заботливая), что в дальнейшем приводит к позитивным результатам:

An obedient wife commands her husband;

Eine sorgliche Frau füllt das Haus bis unters Dach;

Hvor kvinnene elsker, blomsterer jorden.

Кроме того, в пословицах прослеживается положительное отношение к женщинам, стремящимся выйти замуж, и мысль о том, что все женщины хотят только этого, что также является ДС:

Her pulse beats matrimony;

Die warten kann, krieg auch 'nen Mann;

Jenta som vil gifte seg, finner alltid å gifte seg meg.

Также ДС предполагает разграничение мира женщин и мира мужчин, представляя первых как носителей культуры природы, а вторых – социальной культуры. Женщины здесь пользуются интуицией и своей чуткостью, а мужчины, наоборот, предпочитают науку и логику:

Woman's instinct is often truer than man's reasoning;

Frauen haben einen siebten Sinn;

Menns lærdom kommer fra bøker, kvinners fra naturen.

3. Объективизация женщины

Характерным проявлением сексизма становится объективизация – социокультурный феномен, который проявляется в безличном рассмотрении человека, то есть как объекта, без учета его чувств, потребностей, ценностей и интересов – всего, что характеризует его как отдельную личность.

Мы можем проследить, что в пословицах объективизация часто имеет характер доброжелательного сексизма. Женщин сравнивают с драгоценностями (*a worthy woman is a crown of her husband*), дарами небес (*eine gute Frau ist ein Geschenk des Himmels*) и цветами (*en kvinne er som en rose; vakker, men med torner*). Такое сравнение может показаться комплиментом, однако оно сводит положение женщины к одному: она – предмет, созданный/предназначенный для мужчины.

В английском языке также можно найти пословицы, отражающие субъектную роль мужчины и объектную – женщины, где она представляется призом, который необходимо завоевать: *Nature makes women to be won, and men to win; woman resists to be conquered*. В данном случае это выражено грамматически, посредством страдательного залога, где женщины не производят действия (не являются его субъектом), а испытывают на себе чье-либо действие (являются его объектом).

Объективизация женщины происходит также путем приравнивания ее к животным. Во всех трех лингвокультурах женщина сравнивается с лошадью, не упоминая ее позитивных качеств (например лошадь – выносливая), а просто уподобляя ей, что выставляет женщину как еще один предмет хозяйства:

He that has a white horse and a fair woman, never wants trouble;

Die Frau wähl' nicht bei Licht, das Pferd im Frühling nicht;

Det er vanskelig å være kvinne – en skal tenke som en mann, se ut som en ung pike og arbeide som en hest.

В норвежском языке также присутствует сравнение девушек с насекомыми, которое несет в себе отрицательное отношение к ним:

Jenter er som fluer, de danser rundt det som skinner;

Det er lettere å passe en sekk lopper enn en kvinne.

В открыто негативном ключе женщину ставят в один ряд с вином и азартными играми, обозначая ее как предмет, злоупотребление которым вредит мужчине:

Wine and wenches empty men's purses;

Die Frauen und das Spiel verderben der Männer viel.

Таким образом, мы можем видеть, что в пословицах представлено утилитарное восприятие женщины как части имущества, подчеркнутое ее сравнением с предметами или животными.

4. Образ женщины в пословицах

При исследовании образа женщины, созданного народом, можно разделить пословицы о женщинах на три группы, которые описывают: характер, внешность и положение в обществе.

1. Характер

В трех лингвокультурах женщины описаны как болтливые, им свойственно распускать сплетни и злословить:

A woman's tongue wags like a lamb's tail;

Eine Frau sagt mehr, als in allen Büchern der Welt geschrieben steht;

Det man betror en mann, går inn av det ene øret og ut det andre. Det man betror en kvinne, går inn begge ører og ut gjennom tunnen.

Часто в пословицах говорится об их глупости:

Women are vain; they'd rather be pretty than have a good brain;

Die Weiber haben lange Röcke und kurze Gedanken;

Bok alene gjør ingen klok, sa kjerringa, hun svidde grøten med nesa i kokeboka.

В противном случае они хитрые и коварные, поэтому мужчинам не стоит доверять женщинам и следует помнить об их переменчивой натуре:

Beileibe frau keinem Weibe, obgleich sie tot ist;

Trust your dog to the end, and a woman to the first opportunity;

En skal akte seg for små kvinner og små drammer.

Также представляется необходимым упомянуть религиозные мотивы в пословицах при описании характера женщины. Ее часто сравнивают с дьяволом, и говорят о ее связях с ним. Такое сравнение говорит о злобе, коварстве, греховности женщин:

*Women are snares of **Satan**;*

*Die Frauen sind über **den Teufel**;*

*De kvinnene som er engler i kirken, er **djevtler** hjemme.*

Другой характерной чертой женщин, указанной в пословицах, является их излишняя эмоциональность:

Hell hath no fury like a woman scorned;

Die Frauen haben ein kleines Herz, es zappelt gleich von Freud' und Schmerz;

Kvinner ler når de vil, og gråter når de kan.

Обычно это проявляется через слезы, во многих пословицах указывается, что женщины часто плачут, но их слезам не стоит верить:

A great pity to see a woman weep, as to see goose go barefoot;

Die Frauen haben Tränen genug, sie weinen vor Schmerz, aus Sehnsucht und Betrug;

Kvinnevrede og virvelvinder legger seg gjerne ved fuktighet.

Кроме того, женщины стервозны, и со временем эта черта может стать доминирующей:

A woman is an angel at ten, a saint at fifteen, a devil at forty, and a witch at fourscore;

Die Frau sei fleißig oder faul, sie hat ein Lästermaul;

Av milde piker blir det gale kjerringer.

2. Внешность

Обширная группа английских и немецких пословиц тематизирует внешность, красоту женщины, что не прослеживается в норвежских пословицах:

Every woman would rather be beautiful than good;

Eine schöne Frau hat ihre Waffen bei sich.

В английской и немецкой лингвокультурах красота не является достоинством, так как может повлечь за собой проблемы – в частности, отказ от выполнения домашних обязанностей:

The wife that loves the looking-glass hates the saucepan;

Ist die Frau vor dem Spiegel, so vergisst sie den Tiegel.

В английских пословицах акцент также делается на возрасте женщины:

The hell of woman is old age;

A man is as old as he feels, a woman as old as she looks.

Во всех трех лингвокультурах красота, как и сама женщина, обманчива и вредна, поэтому красивым женщинам не стоит доверять:

The nice wife and back door rob the house;

Junge Frauen sind lieblich zu schauen, aber es ist ihnen wenig zu trauen;

En kvinne er som en rose; vakker, men med torner.

Именно поэтому пословицы рекомендуют мужчинам выбирать жен не по внешности:

A wife is not to be chosen by the eye only;

Je grösser eines Mägdeleins Putz, je minder is sie selber nutz;

Det er ikke alltid at peneste jente blir beste kone.

3. Роль в обществе

В пословицах отражено традиционное положение женщины – она принадлежит дому:

A woman, a cat, and a chimney should never leave the house;

Die Frau ist der Schlüssel des Hauses;

Ei Kona og en Katt hoyrer Huset til.

В первую очередь роль женщины – жена. Замужних женщин часто изображают сварливыми и неуживчивыми:

Better to live on the roof than share the house with a nagging wife;

Eine launische Frau ist das Fegefeuer im Hause;

Dumme menn og troll til kjerringer.

Поэтому во всех трех языковых культурах хорошие жены являются благословением для мужчин:

A good wife's a good prize;

Eine gute Frau ist Goldes wert;

Den som har en god kone, har en skatt.

Жена должна занимать подчиненную позицию в отношениях с мужем, но она может влиять на его решения, и это дает ей некоторую власть над ним, и вновь подчеркивает ее хитрость:

The cunning wife makes her husband her apron;

Die Frau soll im Hause das linke, der Mann das rechte Auge sein;

Mannen er familiens hode, kvinnens halsen som beveger hodet.

Конечно же, одним из важнейших аспектов жизни женщины является материнство. Роль матери возвышает женщину в глазах общества, отводит ей почетное место:

An ounce of mother-wit is worth pound of clergy;

Einen Engel ohne Flügel nennt man Mama;

Hånden som rører vuggen, styrer verden.

Еще один аспект роли женщины – это ответственность за выполнение домашних обязанностей, поэтому она должна быть трудолюбива и хозяйственна:

The foot on the cradle and hand on the distaff is the sign of the good house-wife;

Die Hausfrau hat fünf K zu besorgen: Kinder, Kammer, Küche, Keller, Kleider;

Der som ikke er Taus, fær Kona tena seg sjølv

Таким образом, традиционные образы женщин в английском, немецком и норвежском языках схожи. В этих культурах женщина – это глупая (в противном случае – хитрая) домохозяйка (хорошая, если мужчина выбрал ее с умом), любящая сплетни. Что касается внешности, то женщина не должна быть слишком красивой, потому что внешность часто не соответствует внутренним качествам. Она заботится о детях, ведет домашнее хозяйство, сохраняет свою покорную натуру и хитростью может подтолкнуть мужа к принятию решений.

На основе произведенного анализа мы можем сделать вывод о проявлениях сексизма в пословицах языков германской группы. Он присутствует в лексике, используемой в пословицах, где к женщинам обращаются в уничижительном тоне, четко обрисовывая гендерные асимметрии в английском, немецком и норвежском языках.

В пословицах мы можем наблюдать амбивалентный сексизм, который дает как открыто враждебные, так и скрытые негативные, кажущиеся дружелюбными, представления о женщинах. Кроме того, можно увидеть, что женщина представляется в пословицах неким объектом потребления для мужчины, указывая на глубокий дисбаланс в обществе.

Образ сварливой, болтливой, хитрой домохозяйки, которая следит за домом и детьми, или не справляется с этими задачами, потому что слишком сосредоточена на себе и своей красоте, показывает негативное отношение к женщинам со стороны народного представления о них. Этот образ может показаться архаичным, поскольку современное общество выступает против такой дискриминации. Но в последнее время не появилось и не вошло в словари новых пословиц и поговорок, которые представляли бы женщину в соответствии с новыми моральными устоями и тенденциями, а значит, восприятие женщины не поменялось.

Полученные выводы и критическое осмысление культурных представлений о роли женщины могут содействовать устранению негативных сторон традиционного мировоззрения, которое представлено в пословицах и которое поддерживает сексистские стереотипы, а также формированию осознанного подхода к восприятию женщины в современном обществе.

Литература

Афанасьев А. Н. Мифы древних славян. М., 2014.

Жуков В. П. Русская фразеология : учеб. пособие для филол. спец. вузов. М., 1986.

Савенкова Л. Б. О специфике пословичного знака / *Studia philologica. Rossica slovaca* V. – 1996. – Annus IV. – S. 106-110.

Телия В. Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры / *Фразеология в контексте культуры*. М., 1999. – С. 13-24.

Шагалова Е. Н. Словарь новейших иностранных слов (конец XX – начало XXI вв.): более 3000 слов и словосочетаний. М., 2010.

Словарь гендерных терминов. URL: <http://www.owl.ru/gender/010.htm>.

Лингвистический энциклопедический словарь / сост. коллективом авторов под ред. В. Н. Ярцевой. М., 1990.

Arewa E. O., Dundes A. Proverbs and the Ethnography of Speaking Folklore / *American Anthropologists*. – 1964. – Vol. 66, No. 6. – Pp. 70-85.

Glick P., & Fiske S. T. The Ambivalent Sexism Inventory: Differentiating hostile and benevolent sexism / *J Pers Soc Psychol*. – 1996. – 70(3) – Pp. 491-512.

Grzybek P. Foundations of Semiotic Proverb Study / *Deproverbio*. – 1995. – Vol.1, No.1. – Pp.1-31.

Nussbaum, Martha C. Objectification / *Philosophy & Public Affairs*. – 1995. – Vol. 24, No. 4. – Pp. 249-291.

Paczolay G. European Proverbs / A lecture presented at the conference on European Phraseology, 1995. URL: www.76.phrase/lectures.

Seiler F. *Deutsche Sprichwörterkunde*. München, 1922.

Sorokina P., Shirokikh I. The Image Of Women In German And Norwegian Languages On The Basis Of The Proverbs / *Языки и литература в поликультурном пространстве: сборник научных статей*. Барнаул, 2025. 146-150 с.

Wilson J. G. Sexism, Racism and otherism / *Facing Difference Race, Gender and Mass Media*. California, 1997. Pp. 45-51.

References

Afanashev, A. (2014). *Myths of the ancient Slavs*. Moscow (in Russian).

Arewa, E. O., Dundes, A. (1964). Proverbs and the Ethnography of Speaking Folklore. *American Anthropologists*, 66 (6), 70-85.

Dictionary of gender terms. Available from: <http://www.owl.ru/gender/010.htm> (in Russian).

Glick, P., & Fiske, S. T. (1996). The Ambivalent Sexism Inventory: Differentiating hostile and benevolent sexism. *J Pers Soc Psychol*, 70 (3), 491-512.

Grzybek, P. (1995). Foundations of Semiotic Proverb Study. *Deproverbio*, 1 (1), 1-31.

Linguistic encyclopedia / compiled by a team of authors edited by V. N. Yartseva. (1990), 685p. Moscow (in Russian).

Nussbaum, Martha C. (1995). Objectification. *Philosophy & Public Affairs*, 24 (4), 249-291.

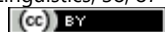
Paczolay, G. (1995). European Proverbs / A lecture presented at the conference on European Phraseology. Available from: www.76.phrase/lectures.com

-
- Savenkova, L. (1996). On the specifics of the proverbial sign. *Studia philologica. Rossica slovaca* V, IV, 106-110 (in Russian).
- Seiler, F. (1992). *Deutsche Sprichwörterkund*, 468 S.
- Shagalova, E. (2010). Dictionary of the latest foreign words (late XX – early XXI centuries): more than 3,000 words and phrases. Moscow, 943 p. (in Russian).
- Sorokina P., Shirokikh I. (2025). The Image Of Women In German And Norwegian Languages On The Basis Of The Proverbs. *Language and Literature in multicultural space*, 11, 146-150.
- Teliya, V. (1999) The primary tasks and methodological problems of studying the phraseological composition of language in the cultural context. Moscow, 13-24 (in Russian).
- Wilson, J. G. (1997). Sexism, Racism and otherism. *Facing Difference Race, Gender and Mass Media*, 45-51.
- Zhukov, V. (1989). *Russian phraseology: textbook for philology universities*. Moscow (in Russian).
-

Citation:

Сорокина П. П., Широких И. А. Проявление сексизма в германских языках (английском, немецком, норвежском) на примере пословиц // Юрислингвистика. – 2025 – 38. – С. 87-93.

Sorokina P. P., Shirokikh I. A. (2025) Manifestation of Sexism in Germanic Languages (English, German, Norwegian) on the Basis of Proverbs. *Legal Linguistics*, 38, 87-93.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Тюрко-монгольские пословицы и поговорки как отражение средневекового права и политико- правовых реалий

Р. Ю. Почекаев

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Кантемировская ул., 3А, 194100, Санкт-Петербург, Россия. E-mail: rpochekaev@hse.ru*

В статье предпринимается попытка анализа юридических пословиц и поговорок тюркских и монгольских народов как источника, отражающего средневековое право и политико-правовые реалии тюрко-монгольских государств. В результате соотнесения содержания пословиц и поговорок с данными юридических памятников и других исторических источников автор приходит к выводу, что прежде смысл таких паремий мог быть не вполне верно истолкован исследователями, и предлагает их новую трактовку. По его мнению, в них находят отражение элементы государственного устройства и правовых систем тюрко-монгольских ханств – Монгольской империи, ее улусов, а также более поздних государств, возникших на их основе. Таким образом, ценность и востребованность юридических пословиц и поговорок расширяется за счет того, что они могут отражать не только отношение народа к соответствующим властным и правовым институтам, но и реалии политического и правового характера. Результаты данного исследования могут быть использованы для дальнейших изысканий в области юридической антропологии и паремиологии, а также для междисциплинарных исследований.

Ключевые слова: юридические пословицы и поговорки, юридическая паремиология, традиционное государство и право, тюрко-монгольские ханства, правосознание.

Turkic-Mongol Sayings and Proverbs as Reflection of Medieval Law and Political-Legal Realities

R. Yu. Pochekaev

HSE University

3A, Kantemirovskaya Str., 194100, St. Petersburg, Russia. E-mail: rpochekaev@hse.ru

The article is an attempt of the analysis of legal proverbs and sayings of Turkic and Mongol peoples as a source reflecting medieval law and political-legal realities of Turkic-Mongol states. The author correlates the content of proverbs and sayings with data of legal monuments and other historical sources and finds that meaning of such paroemias could have been interpreted incorrectly before, and offers their new interpretation. In his opinion these proverbs and sayings could reflect elements of state and legal systems of medieval Turkic-Mongol khanates – the Mongol Empire, its uluses and states subsequently founded in their place. Thus, the value and importance of legal proverbs and sayings grows substantially as they could reflect both the attitude of people towards state authorities and legal institutions and political and legal realities. The results of the research could be used for the further studies in the field of legal anthropology and paremiology as well as for interdisciplinary studies.

Key words: legal proverbs and sayings, legal paremiology, traditional state and law, Turkic-Mongol states, legal awareness.

Пословицы и поговорки, считаясь частью народного фольклора, причем, на первый взгляд, достаточно незатейливой, тем не менее представляют собой гораздо более сложное явление, отражающее народное сознание, менталитет, мировоззрение. Весьма ярко это подтверждают те из них, которые имеют юридическое содержание.

Сегодня довольно активно развивается специальная дисциплина – юридическая паремиология, предметом изучения которой, собственно, и являются пословицы и поговорки правового характера разных народов. Принято считать эту дисциплину сравнительно новой, хотя еще в XIX – начале XX в. в России выходили работы, в которых публиковались, систематизировались и комментировались юридические пословицы и поговорки [Иллюстров 1885; Кузнецов 1910; Сухов 1874]. Конечно, российских авторов в первую очередь интересовали отечественные паремии, однако некоторые из них в связи со своим служебным положением (и, конечно же, научными интересами) обращались и к паремическому наследию других народов, входивших в состав Российской империи.

Тем не менее нельзя не согласиться, что собственно в качестве научной дисциплины с соответствующей источниковой базой и методологией юридическая паремиология формируется уже в наше время. Ее представители не ограничиваются просто собиранием, классификацией и комментированием пословиц и поговорок: они рассматривают их как ценный и многогранный источник по истории правовой культуры и правового языка [Гамзатов 2017; Лупарев 2017; Южакова 2015].

При этом обращается внимание на самые разные аспекты изучения паремий. Естественно, в первую очередь они представляют интерес как отражение в народном мировоззрении отношения к правовым реалиям, властным, правовым и процессуальным институтам, их оценки. В этом ключе пословицы и поговорки представляют богатейший материал для юридической антропологии – в рамках исследования правовой культуры отдельных народов, регионов, эпох, а также и в сравнительном разрезе.

Но ряд авторов предпринимает попытки рассмотреть юридические пословицы и поговорки в качестве более специфического источника. Так, для одних исследователей они являются источником обычного права и процесса [Ли 2009; Лупарев 2019; Цихоцкий 2002], что представляется вполне обоснованным: ведь правовые обычаи и характеризуются тем, что не имеют фиксированной формы, а что может лучше отразить народные представления о праве, чем произведение «малого жанра» фольклора? Также юридические пословицы и поговорки изучаются как отражение правовой психологии соответствующего народа [Лупарев 2009; 2018].

В настоящей статье предпринимается попытка рассмотреть еще одну сторону юридических паремий в качестве источника для исследований в области юридической антропологии и правовой культуры. Автор предлагает исследовать их как отражение права и правовых реалий. Взяв для анализа пословицы и поговорки тюркских и монгольских народов, он намерен выявить в них отражение общих принципов и конкретных положений средневекового права тюрко-монгольских государств, начиная с империи Чингис-хана и заканчивая ее далекими наследниками эпохи позднего Средневековья, а также фактов и событий, происходивших в этих государствах и имевших политико-правовое значение.

Идея подобного анализа возникла в результате ознакомления с фундаментальным трудом Г. П. Лупарева, вероятно, являющегося на сегодня одним из крупнейших отечественных специалистов по юридической паремиологии, в котором он собрал, систематизировал и исследовал множество пословиц и поговорок правового характера от разных народов мира [Лупарев 2014]. Проанализировав приведенные им паремии тюркских и монгольских народов, касающиеся суда и процесса в чингизидских и пост-чингизидских государствах [Почекаев 2024: 328-338], автор пришел к мысли, что интерпретации ряда пословиц и поговорок, приведенные Г. П. Лупаревым, могут быть несколько скорректированы, а в случаях, где их нет, – добавлены.

Очевидно, что, работая со столь обширным массивом юридических паремий, исследователь не ставил цель детально исследовать политико-правовую обстановку, в которой они возникали, учесть специфику правосознания каждого из народов, пословицы и поговорки которого он включил в свой труд. Между тем, как представляется, изучение этих паремий именно в историческом и историко-правовом контексте, в сочетании с данными других исторических источников (в том числе и правовых памятников), позволит не только дать более убедительную их трактовку, но и использовать как источник сведений о праве соответствующих народов и государств, а также о правовых реалиях, которые оказались отражены в народной памяти через пословицы и поговорки.

Считаем необходимым сразу отметить, что мы не намерены связывать ту или иную пословицу или поговорку с конкретным тюрко-монгольским государством и конкретным историческим периодом. Проблемой использования паремий в качестве источников, как известно, является то, что практически невозможно достоверно установить время их появления, степень влияния на них политических, социально-экономических, международных факторов и т. д. Тем не менее считаем оправданным провести анализ соответствующих пословиц и поговорок в качестве типичных примеров отражения права и правовых реалий, подкрепив наши предположения конкретными примерами из истории государства и права тюрко-монгольских государств, почерпнутых из иных источников.

Начнем наше исследование с анализа пословиц и поговорок, касающихся правителей и представителей власти в целом. В большинстве случаев они рассматриваются либо как народное мнение об институте глав государства и представителей власти в более широком смысле, либо как представление о том, какими эти деятели должны быть в идеале. Однако, с учетом специфики правовых воззрений, норм и принципов тюрко-монгольских народов, можно предложить и несколько иные их интерпретации.

Так, например, казахская пословица гласит «У камня нет корней; у султана нет родственников» и интерпретируется как пожелание правителю был справедливым, не выгораживая родственников [Лупарев 2014: 247]. Однако, на наш взгляд, эта паремия может иметь и другое значение: потомки Чингис-хана никогда не смешивались с народом, родом или племенем, которым управляли. Во-первых, это означало, что они составляли особую категорию населения, стоявшую выше любых сословий собственных подданных (и ниже мы еще не раз обратим внимание на эту специфику). Во-вторых, это позволяло любому прямому потомку Чингис-хана, вне зависимости от того, к какой ветви рода он относился, претендовать на ханский титул в любом государстве или улусе на территории, некогда входившей в Монгольскую империю. Имеется много примеров, подтверждающих этот принцип. Так, например, Тимур (Тамерлан), фактический правитель Чагатайского улуса в Средней Азии, возводил на престол в этом государстве ханов-марионеток из рода Угедзя – третьего сына Чингис-хана, хотя сам улус, как это следует из его названия, формально принадлежал потомкам Чагатая – второго сына основателя Монгольской империи. Некоторое время спустя потомки ханов Золотой Орды, происходившие от Джучи, старшего сына Чингис-хана, в начале XVI в. завоевали этот регион и основали в нем Бухарское и Хивинское ханства, просуществовавшие до начала XX в. [Султанов 2017: 105-109]. Еще более ярко это проявилось в Казахской степи: там потомки Чингис-хана (в отличие от всех других сословий принадлежавшие к «ак суйек», т. е. «белой кости») могли провозглашаться ханами не только над жузами и большими родами, но и над отдельными частями разных родов и племен, а также нередко становились ханами башкир, каракалпаков, Хивинского ханства [Ерофеева 2001: 107-129; Кляшторный, Султанов 2009: 327].

Особенности статуса членов ханского рода, имевших монопольное право на верховную власть, нашли отражение и в других пословицах и поговорках.

Так, например, широко распространенная у многих восточных народов поговорка гласит: «Голову хана снимает хан». Имеется также ее башкирский аналог: «Снег изгоняется снегом, хан изгоняется ханом». Она интерпретируется как смена власти в результате «верхушечных переворотов» [Лупарев 2014: 211, 243], однако, как и в предыдущем случае, мы предлагаем видеть в ней отражение «чингизидского» принципа о том, что хан может быть смещен и казнен только по воле представителей собственного рода. Еще Чингис-хан предписал судить потомков только семейному совету, тем самым сформировав принцип их неподсудности другим судебным органам [Рашид ад-Дин 1952: 263-264]. Средневековые источники донесли до нас интересный эпизод из истории Золотой Орды конца XIII в.: мятежный полководец Ногай, правнук Джучи, потерпел поражение в войне с ханом Токтой и при попытке бежать был настигнут и убит русским тысячником из ханского войска; узнав об этом, хан приказал казнить убийцу, поскольку тот не имел права казнить члена ханского рода [Тизенгаузен 1884: 114, 159-160].

Вероятно, эта же мысль нашла отражение в бурятской пословице «На нойонов и ханов нет управы» [Лупарев 2014: 229]: не только члены ханского рода, но и высшая знать были неподсудны рядовым судебным инстанциям, и разбирательство их дел находилось в ведении правителя государства [см., напр.: Ханыков 1843: 179].

В свою очередь, Чингизиды обладали самыми широкими властными полномочиями в различных сферах, в том числе и правом суда над самыми знатными подданными с правом приговаривать их к смерти. Именно это их право, на наш взгляд, отражает узбекская поговорка «Где хан, там кровь» [Лупарев 2014: 211]: речь идет не о жестокости властителей, а именно об их прерогативе выносить смертные приговоры, на которые не имели права другие представители власти. Примеры подобного рода мы находим в источниках по истории Золотой Орды, Монгольского Ирана XIV–XV вв., Крымского ханства, Бухарского ханства и т. д. [ПСРЛ 2000: 39; Хафиз Абру 2011: 38; Абдужемилев 2018: 189-190; Носович 1898: 275-276].

Верховный властитель, хан, всегда должен быть один, что подтверждается еще одной восточной пословицей «Двум кинжалам (саблям, мечам) в одних ножнах не поместиться», опять же имеющей башкирский аналог: «Двум царям и на всей земле тесно». Здесь речь идет не о двоевластии, как принято считать [Лупарев 2014: 213], а как раз о том, что не может быть двух и более правителей в одном государстве с равным статусом. Институт соправительства известен в «кочевых империях» Евразии с древности, но это всегда были старший и младший правители – например, главы двух «крыльев» (правового и левого, западного и восточного), один из которых считался высшим по отношению к другому, правитель и его наследник (нередко носившие титулы «улу-хан» и «кичи-хан», т. е., соответственно, старший и младший ханы) и пр. [Султанов 2017: 94-95; Трепавлов 2015: 115-142]. Претензии двух и более представителей ханского рода на равный статус означали их соперничество и зачастую приводили к гражданским войнам, примеры тому – соперничество за монгольский трон родных братьев Хубилая и Арик-Буги в 1260-1264 гг., «Замятня великая» в Золотой Орде в 1360-1370-х гг. и другие многочисленные междоусобицы. Весьма показательным в этом отношении является эпизод встречи хана-победителя Хубилая со своим соперником братом Арик-Бугой после поражения и сдачи в плен последнего: Хубилай «спросил: "Дорогой братец, кто был прав в этом споре и распре – мы или вы?". Тот ответил: "Тогда – мы, а теперь – вы"» [Рашид ад-Дин 1960: 165-166].

Узбекская поговорка гласит: «Если падишах отречется от престола – его визирь с сумой пойдет» [Лупарев 2014: 216]. В ней нашел отражение принцип, неоднократно отмечавшийся исследователями тюрко-монгольской дипломатики, согласно которому каждый новый хан, вступая на престол, должен был либо подтвердить, либо отменить назначения, произведенные его предшественником, издавая соответствующие ярлыки [Абзалов 2013: 208]. Поэтому нет ничего удивительного в том, что новый монарх, не разделявший политического курса предыдущего, мог отправить в отставку или даже казнить высших сановников предшественника. В этом отношении весьма выразительная фраза присутствует в персидском источнике по поводу одного везира в монгольском Иране конца XIII – начала XIV в.: «Ходжа Али-шах – единственный из везиров, умерший при монгольских государях естественной смертью» [Шараф-хан 1976: 60].

Вероятно, этот же принцип, но в более общем виде мог найти отражение в пословице «У ястреба своя хватка, у хана свой указ» [Лупарев 2014: 248]: вновь вступивший на престол правитель не был связан актами волеизъявления своего предшественника и мог издавать акты, прямо противоположные ранее принятым.

Особенности имущественного положения членов ханского рода нашли отражение в узбекской пословице «Вода султану принадлежит, земля – богу», которая интерпретируется как отрицание частной собственности на землю [Лупарев 2014: 415]. Мы же полагаем, что здесь можно увидеть принцип, в соответствии с которым ханы и члены правящего рода могли иметь собственные угодья (включая водоемы) [Дробышев 2014: 204-221], тогда как земля в государстве считалась достоянием всего ханского рода в целом [Владимирцов 2002: 408]. Также, вполне возможно, что эта пословица отражает мусульманский правовой принцип, согласно которому собственником земли является Аллах, тогда как функции «управителя» исполняет как раз глава государства – хан или султан [Керимов 2007: 230-234].

Туркменская пословица «Перед народом и хан бессилен» [Лупарев 2014: 236] обычно понимается так, что без народной поддержки правитель ничего собой не представляет. Но если мы вновь обратимся к правовому опыту тюрко-монгольских государств, то у нас появится основание предположить, что в данном случае речь может идти о курултае – съезде знати соответствующего государства. Именно на курултаях принимались важнейшие решения, которые затем не мог игнорировать и сам правитель. Более того, курултай избирал нового хана и, соответственно, имел полномочия сместить правящего монарха за нарушение принципов правления. Известен как минимум один такой случай: в 1334 г. курултаем был низложен Тармаширин, хан Чагатайского улуса, обвиненный в нарушении Великой Ясы (установлений Чингис-хана) [Ибрагимов 1988: 87-88; Султанов 2017: 66-73].

Некоторое количество тюркских и монгольских пословиц и поговорок посвящены другим властным институтам в «кочевых империях». Тюркская пословица гласит: «С нукером хана дружбы не води», которая интерпретируется следующим образом: «охрана хана очень опасна» [Лупарев 2014: 240]. В чем состоит «опасность» в данном случае, не вполне понятно. Но если мы вновь обратимся к реалиям средневековых тюрко-монгольских государств, особенно к событиям,

связанным со смутами и междоусобицами, то увидим, что в случае дворцового переворота или военного поражения правителя его личная гвардия (каковой и являлись нукеры) зачастую либо погибали вместе с ним, либо уничтожались победителем. Так, например, согласно русским летописям, после свержения хана Науруза в Золотой Орде в 1360 г. была перебита «Муалбузина чадь» [ПСРЛ 2000: 69], то есть родичи и приближенные ордынского бекляри-бека Могул-Буги. Естественно, в таких обстоятельствах дружба с телохранителями ханов могла повлечь негативные последствия для тех, кто такую дружбу поддерживал.

В традиционных обществах, как известно, лица, вступавшие в спор, старались по возможности улаживать его путем договоренностей или же на основе обычаев и традиций. Только в крайнем случае они готовы были обращаться к суду представителей власти. Весьма ярко отражает этот подход фраза, брошенная одним из монголов в разговоре с французским путешественником середины XIX в.: «Га, за правосудием к начальству! Это невозможно» [Гюк и Габе 1866: 15]. Именно эта традиция, на наш взгляд, нашла отражение в башкирской пословице «Батыр нужен на войне, начальник при раздоре» [Лупарев 2014: 203]: то есть, если нет никакого острого конфликта, то и обращаться к властям нет необходимости.

Но если уж такое обращение имело место, то тяжущиеся сталкивались с целым рядом судебных принципов и норм, далеко не все из которых воспринимались ими положительно.

Например, казахская поговорка «Солнце для всех, луна для всех, и начальство для всех» [Лупарев 2014: 243], по-видимому, должна была отражать доступность и объективность администраторов, обладавших и судебными полномочиями (хотя, возможно, сам термин «начальство» может указывать уже на имперский период истории казахов). В связи с этим нельзя не вспомнить о традиционном институте «арз» – открытом суде ханов в специально установленные дни, к которому имели право прибегать любые их подданные, невзирая на сословную принадлежность и существо спора. Персидские авторы Алла ад-Дин Джувейни и Рашид ад-Дин приводят немало примеров подобных разбирательств по искам представителей самых разных этнических, сословных и конфессионных групп, осуществлявшихся ханом Угедэем – сыном и преемником Чингис-хана [Джувейни 2004: 136-161; Рашид ад-Дин 1960: 49-64]. В среднеазиатских же ханствах эта традиция сохранялась вплоть до начала XX в. Очевидцы подобных разбирательств отмечали неформальный характер взаимодействия подданных с ханами на таких судилищах, что, вероятно, должно было подчеркивать заботу монархов о всех слоях населения государства [Абдурасулов 2015].

Узбекская пословица: «С чиновником не шути – он ударит любым законом» [Лупарев 2014: 241], казалось бы, однозначно должна пониматься как способность чиновников толковать любые нормы права в своих интересах – нередко в ущерб тяжущимся. Однако, обратившись к практике судов средневековых чингизидских государств, можно интерпретировать эту поговорку и как отражение широкой свободы усмотрения представителей власти (как гражданской, так и военной), наделенных судебными полномочиями. Анализ ханских указов (ярлыков) о назначении таких чиновников на должности показывает, что ханы делегировали им широкое право собственного усмотрения при вынесении решений – лишь бы по своему духу они не противоречили имперскому законодательству, Великой Ясе Чингис-хана и установлениям самих ханов [Абзалов и др. 2024; 2025].

Другая поговорка, на этот раз монгольская, также отражает еще одну сторону суда и процесса: «Привстанет – плати деньги, сделает шаг – требует мзду» [Лупарев 2014: 239]. Она тоже вполне однозначно трактуется как отражение мздоимства чиновников. Тем не менее нельзя не предположить, что в ней народ мог отразить практику судебных разбирательств, в ходе которых участникам процесса и в самом деле приходилось оплачивать самые разнообразные действия судей – от принятия иска к рассмотрению до выдачи выписки из решения [Абзалов и др. 2024: 87]. Конечно, подобного рода платежи являлись не взятками, как это следует из традиционной интерпретации этой поговорки, а совокупностью судебных пошлин, которые взимаются и при обращении в современные суды [Почекаев 2025: 256-265]. Отметим, что монгольский суд в этом отношении не был уникален: подобная практика была широко распространена и в России уже в средневековый период – например, в Судебнике Ивана III [Памятники1 955: 366-368].

Еще одна сторона правовой жизни традиционных тюрко-монгольских обществ нашла отражение в пословицах и поговорках, посвященных налогам и повинностям.

Монгольская пословица гласит: «Хозяину служат по очереди, хану – постоянно» [Лупарев 2014: 249]. На наш взгляд, ее следует толковать как обязанность платить налоги и нести повинности перед правителем государства, от чего были избавлены только представители знати, а также тарханы – простолюдины, наделенные налоговым иммунитетом.

Однако обложение налогами и повинностями имело свои ограничения. Так, например, еще одна монгольская пословица гласит: «И господская повинность имеет черед, и ханская повинность имеет смену» [Лупарев 2014: 219]. Несомненно, она подразумевает очередность несения тех или иных повинностей представителями населения конкретных местностей и не могла дважды подряд налагаться на одних и тех же лиц вне очереди. Впрочем, подобные случаи злоупотреблений соответствующих чиновников, конечно же, фиксировались (в том числе в исторических источниках [см., напр.: Мункуев 1965: 82, 190; Рашид ад-Дин 1946: 248-249, 264-265]), и вполне возможно, что появление этой поговорки стало реакцией населения на такие противоправные действия администраторов.

К этой же сфере относится и башкирская пословица: «С обнищавшего кочевья дани не требуют» [Лупарев 2014: 241]. Из исторических источников нам известны случаи, когда ханы принимали во внимание бедственное положение тех или иных регионов своего государства и либо снижали налоговое бремя, либо вообще освобождали местное население от уплаты налогов на определенный срок да еще и оказывали им вспомоществование [см., напр.: Анналы 2019: 51, 96, 101].

До некоторой степени со сферой налогов и сборов связана казахская пословица, посвященная военной добыче: «Богатый и добычу берет богатую» [Лупарев 2014: 205]. Буквальное ее прочтение, несомненно, несет смысл социального неравенства, однако, обратившись к традиционным правоотношениям в тюрко-монгольских обществах, мы увидим, что распределение военной добычи четко регламентировалось правом. Соответствующие нормы входили в торе – древнетюркское право, унаследованное впоследствии и монголами [Трепавлов 2015: 66]. Неслучайно Чингис-хан во время войны с Хорезмом

специальной «ясой» обвинил в противоправных действиях собственных сыновей, которые не поделились с ним добычей после взятия столицы этого государства – Ургенча [Козин 1941: 188].

Продолжаем наш обзор анализом паремий, посвященных уголовно-правовым и уголовно-процессуальным отношениям.

Казахская поговорка «Вор грешит однажды, а потерпевший тысячу раз» интерпретируется в том смысле, что потерпевший подозревает в воровстве многих [Лупарев 2014: 258]. Полагаем, можно несколько дополнить эту интерпретацию отсылкой к принципу, широко распространенному у кочевников Евразии, согласно которому самому потерпевшему приходилось осуществлять следственные действия [см., напр.: Орлов 1884: 13]. Именно в связи с этим он мог «с пристрастием» допрашивать своих соседей, земляков и пр., демонстрируя тем самым подозрительность по отношению к ним, что в их глазах, конечно, могло рассматриваться как «грешное» проявление недоверия.

Таджикская пословица «После совершения преступления сожаление и раскаяние бесполезны» [Лупарев 2014: 282], вероятно, отражает принцип неотвратимости наказания. Мы можем наблюдать его и в ханских ярлыках разного вида. Так, например, в ряде ярлыков персидских ильханов, которыми назначаются на должность чиновники, прописывается их ответственность за ненадлежащее исполнение своих обязанностей или за злоупотребление полномочиями [см., напр.: Абзалов и др. 2022а: 779-780; 2022б: 137; 2023а: 56]. В тарханных грамотах (в частности, в золотоордынских ярлыках русской церкви) ответственность предусмотрена как для ордынских чиновников за нарушение предписаний этих актов, так и для самих представителей церкви в случае злоупотребления предоставленными льготами [Памятники 1955: 466, 468, 470].

Продолжает эту же тематику киргизская поговорка «Голова разбойника остается на дороге» [Лупарев 2014: 265]. По всей видимости, речь идет о публичной казни и оставлении головы преступника на краю дороги в качестве назидания другим (аналог европейских и русских виселиц). В связи с этим нельзя не вспомнить, какое внимание Чингис-хан и его потомки уделяли обеспечению безопасности торговых путей, принимая самые суровые меры борьбы с грабителями. Обязанность бороться с преступниками возлагалась на самых разных чиновников – правителей городов и областей (шихне, они же баскаки или даруги), начальников городской стражи (исфаксаров), начальников торговых караванов и т. д. [Абзалов и др. 2022в; 2023б; 2025]. В результате, как писал Джувейни, «женщина с золотым кувшином на голове могла идти одна без страха и опасений» [Джувейни 2004: 187].

Завершая наш обзор, приведем еще одну казахскую поговорку: «Нашедший радуется, узнавший забирает» [Лупарев 2014: 434]. Вполне можно согласиться с тем, что эту паремию можно толковать как отражение нормы обычного права, однако в средневековых тюрко-монгольских государствах эта сфера была поставлена под государственный контроль. Поэтому, на наш взгляд, эта поговорка в свое время могла быть связана с деятельностью булругчи – специального чиновника, в должностные обязанности которого входили поиск и хранение потерянного имущества с последующим возвратом его законным владельцам [Абзалов и др. 2023а]. Соответственно, нашедший получал право на вознаграждение, а хозяин, который сумел доказать свое право собственности на найденное имущество, возвращал его себе, уплатив это самое вознаграждение.

Итак, как видим, при соотнесении содержания рассмотренных пословиц и поговорок с известными нам правовыми нормами и сведениями о правовых реалиях тюрко-монгольских государств эти паремии могут приобрести дополнительный смысл и в какой-то мере дополнить наши знания и представления о государстве и праве кочевых государств Евразии и в особенности о том, каким образом оценивали их сами современники.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что автор предложил результаты своего исследования, скорее, для предварительного ознакомления, в формате постановки проблемы, ни в коей мере не претендуя на обнаружение истины в последней инстанции. Однако, как представляется, использованный подход может оказаться небесполезным также для изучения пословиц, поговорок и иных произведений народного эпоса и фольклора именно с точки зрения отражения действующего права и реальных правовых отношений в исторической памяти различных народов и государств.

Литература

- Абдужемилев Р. Хроника «Тарих-и Сахиб Герай хан» / Крымское историческое обозрение. – 2018. – № 1. – С. 179-195.
- Абдурасулов У. В Хиву в поисках справедливости: церемония «арзод» в Хивинском ханстве / История Узбекистана. – 2015. – № 2. – С. 27-39.
- Абзалов Л. Ф. Ордынская канцелярия. Казань, 2013.
- Абзалов Л. Ф., Гатин М. С., Мустакимов И. А., Почекаев Р. Ю. Баскак, даруга, шихне: к проблеме соотношения должностей. Ч. 1. Институт шихне и его эволюция / Золотоордынское обозрение. – Т. 13. – 2025. – № 3. С. 523-542.
- Абзалов Л. Ф., Гатин М. С., Мустакимов И. А., Почекаев Р. Ю. «Дастур ал-катиб» как источник по истории государства, права и канцелярской культуры Золотой Орды (на примере ярлыка о назначении эмира улуса) / Золотоордынское обозрение. – Т. 10. – 2022а. – № 4. С. 770-798.
- Абзалов Л. Ф., Гатин М. С., Мустакимов И. А., Почекаев Р. Ю. К вопросу о монгольском делопроизводстве в Иране XIII-XIV вв. (на примере ярлыка о назначении бахши из «Дастур ал-катиб» / Монголоведение. – Т. 14. – 2022б. – № 1. – С. 130-155.
- Абзалов Л. Ф., Гатин М. С., Мустакимов И. А., Почекаев Р. Ю. К вопросу о судьбе утерянного имущества в средневековых тюрко-монгольских государствах / Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. – Т. 25. – 2023а. – № 2. – С. 51-67.
- Абзалов Л. Ф., Гатин М. С., Мустакимов И. А., Почекаев Р. Ю. К истории обеспечения безопасности торговых путей в чингизидских государствах XIII-XIV вв. / Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. – № 14. – 2022в. – С. 297-313.

- Абзалов Л. Ф., Гатин М. С., Мустакимов И. А., Почекаев Р. Ю. К истории организации правоохранительной деятельности в чингизидских государствах XIII-XIV вв. / Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. – № 15. – 2023б. – С. 608-620.
- Абзалов Л. Ф., Гатин М. С., Мустакимов И. А., Почекаев Р. Ю. О статусе судей в Монгольской империи и ее улусах в XIII-XIV вв.: опыт междисциплинарного исследования / Вестник Томского государственного университета. История. – № 90. – 2024. – С. 84-95.
- «Анналы Хубилая», главный источник по истории правления первого императора династии Юань (цзюани 4-17 «Юань ши») / Пер. с кит. Р. П. Храпачевского. М., 2019.
- Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов: Монгольский кочевой феодализм / Владимирцов Б. Я. Работы по истории и этнографии монгольских народов. М., 2002. С. 295-488.
- Гамзатов М. Г. Английская и русская правовая паремиология. СПб., 2017.
- Гюк и Габе. Путешествие через Монголию в Тибет, к столице Тале-ламы. М., 1866.
- Джувейни, Алла ад-Дин Ата Малик. Чингисхан. История завоевателя мира / Пер. с англ. Е. Е. Харитоновой. М., 2004.
- Дробышев Ю. И. Человек и природа в кочевых обществах Центральной Азии (III в. до н. э. - XVI в. н. э.). М., 2014.
- Ерофеева И. В. Символы казахской государственности (средневековые и новое время). Алматы, 2001.
- Ибрагимов Н. Ибн Баттута и его путешествия по Средней Азии. М., 1988.
- Иллюстров И. Юридические пословицы и поговорки русского народа. М., 1885.
- Керимов Г. М. Шариат: Закон жизни мусульман. Ответы Шариата на проблемы современности. М.: СПб., 2007.
- Кляшторный С. Г., Султанов Т. И. Государства и народы Евразийских степей. От древности к Новому времени / 3-е изд., испр. и доп. СПб., 2009.
- Козин С. А. Сокровенное сказание. Юань чао би ши. М.; Л., 1941.
- Кузнецов Я. Семейное и наследственное право в народных пословицах и поговорках. СПб., 1910.
- Ли И. К. Отражение судебного процесса по обычному праву казахов в пословицах / Вестник Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева. Серия: Юридические науки. 2009. – № 1. URL: <http://repository.enu.kz/handle/123456789/3790>.
- Лупарев Г. П. Пословицы и поговорки как источник обычного права / Государство и право. – 2019. – № 2. – С. 106-119.
- Лупарев Г. П. Юридическая психология в пословицах и поговорках / Гражданин и право. – 2009. – № 9. – С. 41-55.
- Лупарев Г. П. Юридические пословицы и поговорки: предмет, виды и функции / Государство и право. – 2017. – № 1. – С. 30-41.
- Лупарев Г. П. Юридические пословицы и поговорки как форма правосознания / Государство и право. – 2018. – № 11. – С. 65-78.
- Лупарев Г. П. Юридические пословицы и поговорки народов мира / 2-е изд., испр. и доп. М., 2014.
- Мункуев Н. Ц. Китайский источник о первых монгольских ханах: Надгробная надпись на могиле Елюй Чу-цая. М., 1965.
- [Носович С. А.] Русское посольство в Бухару в 1870 году / Русская старина. – 1898. – № 8. – С. 271-290.
- [Орлов П. Д.] Топографическое описание пути, пройденного по северо-западной Монголии в 1879 году Штабс-капитаном Корпуса Военных Топографов Орловым / Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. – Вып. VII. – 1884. – С. 1-63.
- Памятники русского права. Вып. 3: Памятники права периода образования русского централизованного государства. XIV-XV вв. / Под ред. Л. В. Черепнина. М., 1955.
- Полное собрание русских летописей [ПСРЛ]. Т. XV. Рогожский летописец. Тверской сборник. М., 2000.
- Почекаев Р. Ю. Правовая культура Золотой Орды. Историко-правовые очерки. М., 2015.
- Почекаев Р. Ю. Ханское правосудие. Очерки истории суда и процесса в тюрко-монгольских государствах: От Чингис-хана до начала XX века. М., 2024.
- Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. I. Кн. 2 / Пер. с перс. О. И. Смирновой. М.; Л., 1952.
- Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. II / Пер. с перс. Ю. П. Верховского. М.; Л., 1960.
- Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. III / Пер. с перс. А. К. Арендса. М.; Л., 1946.
- Султанов Т. И. Чингиз-хан и Чингизиды. Судьба и власть. СПб., 2017.
- Сухов А. Бытовые, юридические пословицы русского народа / Юридический вестник. – 1874. – № 9-10. – С. 45-67.
- Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884.
- Трепавлов В. В. Степные империи Евразии: монголы и татары. М., 2015.
- Ханыков Н. Описание Бухарского ханства. СПб., 1843.
- Хафиз Аbru (Шихаб ад-Дин Абдаллах ибн Лутфаллах ал-Хавафи). Зайл-и Джамии ат-таварих-и Рашиди («Дополнение к собранию историй Рашида») / Пер. с перс. Э. Р. Талышханова. Казань, 2011.
- Цихоцкий А. В. Пословицы как источники устного народного права / Государство и право: теория и практика. Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 1 / Отв. ред. В. П. Прокопьев. Калининград, 2002. С. 14-30.
- Шараф-хан Бидлиси. Шараф-наме. Т. II / Пер. Е. И. Васильевой. М., 1976.
- Южакова О. В. Право в пословицах и поговорках / Право и образование. – 2015. – № 4. – С. 119-123.

References

Abdurasulov, U. (2015). To Khiva in Search of Justice" 'Arzod' Ceremony in the Khanate of Khiva. History of Uzbekistan, 2, 27-39 (in Russian).

- Abduzhemilev, R. (2018). The Chronicle "A Hisotry of Sakhib Geray khan". Crimean Historical Review, 1, 179-195 (in Russian).
- Abzalov, L. F. (2013). Chancellery of the Golden Horde. Kazan (in Russian).
- Abzalov, L. F., Gatin, M. S., Mustakimov, I. A., Pochekaev, R. Yu. (2025). Baskak, Daruga, Shikhne: on the Correlation of the Offices. Pt. 1. Shikhne Institution and its Evolution. Golden Horde Review, 13, 3, 523-542 (in Russian).
- Abzalov, L. F., Gatin, M. S., Mustakimov, I. A., Pochekaev, R. Yu. (2022). "Dastur al-Katib" as a Source on the Golden Horde History of State, Law and Chancellery Culture (by the Example of Edict on the Appointment of Emir of Ulus). Golden Horde Review, 10, 4, 770-798 (in Russian).
- Abzalov, L. F., Gatin, M. S., Mustakimov, I. A., Pochekaev, R. Yu. (2022). On the Mongol Clerical Work in Iran of 13th-14th cc. (by the Example of Edict on the Appointment of Bakhshi from the "Dastur al-Katib"). Mongolian Studies, 14, 1, 130-155 (in Russian).
- Abzalov, L. F., Gatin, M. S., Mustakimov, I. A., Pochekaev, R. Yu. (2023). On the Fate of Lost Property in the Medieval Turkic-Mongol States. Proceedings of the Ural Federal University. Series 2: Humanities, 25, 2, 51-67 (in Russian).
- Abzalov, L. F., Gatin, M. S., Mustakimov, I. A., Pochekaev, R. Yu. (2022). On History of Provideng the Safety of Trade Routes in the Chinggisid States of 13th-14th cc. Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region, 14, 297-313 (in Russian).
- Abzalov, L. F., Gatin, M. S., Mustakimov, I. A., Pochekaev, R. Yu. (2023). On History of the Organization of Law-Enforcemant Activity in the Chinggisid States of 13th-14th cc. Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region, 15, 608-620 (in Russian).
- Abzalov, L. F., Gatin, M. S., Mustakimov, I. A., Pochekaev, R. Yu. (2024). On the Status of Judges in the Mongol Empire and Its Uluses in 13th-14th cc.: the Interdisciplinary Study. Tomsk State University Herald, 90, 84-95 (in Russian).
- "Annals of Khubilay" (2019), the Main Source on History of Rule of the First Emperor of the Yuan Dynasty (Chapters 4-17), R. P. Khrapachevskiy (transl.). Moscow (in Russian).
- Complete Collection of the Russian Chronicles (2000). Vol. 15. Rogozhskiy Chronicler. Tver' Collection. Moscow (in Russian).
- Drobyshev, Yu. I. (2014). Human and Nature in the Nomadic Societies of the Central Asia (3rd c. BC – 16th c. AD). Moscow (in Russian).
- Erofeeva, I. V. (2001). Symbols of the Kazakh State Organization (Middle and Modern Ages). Almaty (in Russian).
- Gamzatov, M. G. (2017) English and Russian Legal Paremiology. St. Petersburg (in Russian).
- Gyuk and Gabe (1866). PTravel through the Mongolia to Tibet, to the Capital of Dalai Lama. Moscow (in Russian).
- Ibragimov, N. (1988). Ibn Battuta and His Travels to the Central Asia. Moscow (in Russian).
- Illyustrov, I. (1885) Legal Proverbsa and Sayings of the Russian People. Moscow (in Russian).
- Juvaini, Alla al-Din Ata Malik (2004). Chinggis Khan. The History of the World Conqueror, E. E. Kharitonova (transl.). Moscow (in Russian).
- Kerimov, G. M. (2007) Sharia: the Law of Life of Moslems. Answers for the Modern Problems. Moscow, St. Petersburg (in Russian).
- Khafiz Abru (2011). Addition to the Rashid's Compendium of Chronicles, E. R. Talyshkhanov (transl.). Kazan (in Russian).
- Khanykov, N. (1843). Description of the Khanate of Bukhara. St. Petersburg (in Russian).
- Klyashtorniy, S. G., Sultanov, T. I. (2009) States and Peoples of Eurasian Steppes. St. Petersburg (in Russian).
- Kozin, S. A. (1941). Secret History of Mongols. Yuan' chao bi shi. Moscow, Leningrad (in Russian).
- Kuznetsov, Ya. (1910). Family and Ingeritance Law in the Fols Proverbsa and Sayings. St. Petersburg (in Russian).
- Li, I. K. (2009). Reflection of Court and Proceedings in Accordance with the Customary Law of Kazakhs in Proverbs. Available from: <http://repository.enu.kz/handle/123456789/3790> (in Russian).
- Luparev, G. P. (2019). Proverbs and Sayings as a Source of the Customary Law. State and Law, 2, 106-119 (in Russian).
- Luparev, G. P. (2009). Legal Psychology in Proverbs and Sayings. Citizen and Law, 9, 41-55 (in Russian).
- Luparev, G. P. (2017) Legal Proverbs and Sayings: Subject, Kinds and Functions. State and Law, 1, 30-41 (in Russian).
- Luparev, G. P. (2018). Legal Proverbs and Sayings as a Form of Sense of Justice. State and Law, 11, 65-78 (in Russian).
- Luparev, G. P. (2014). Legal Proverbs and Sayings of Peoples of the World. Moscow (in Russian).
- Monuments of the Russian Law (1955). Iss. 3: Legal Monuments of the Period of Formation of the Russian Centralized State, 14th-15th cc., L. V. Cherepnin (ed.). Moscow (in Russian).
- Munkuev, N. Ts. (1965). Chinese Source on the first Mongolian Khans: Epitaph on the Tomb of Yelui Chu-tsai. Moscow (in Russian).
- Nosovich, S. A. (1898). Russian Mission to Bukhara in 1870. Russian Antiquities, 8, 271-290 (in Russian).
- Orlov, P. D. (1884). Topographic Description of the Way Passed on the North-West Mongolia in 1879 by Staff-Captain of the Corpus of Military Topographers Orlov. Collection of Geographic, Topographic and Statistic Materials on Asia, 7, 1-63 (in Russian).
- Pochekaev, R. Yu. (2015). Legal Culture of the Golden Horde. Historical Legal Essays. Moscow (in Russian).
- Pochekaev, R. Yu. (2024). Khans' Justice. Essays on History of Court and Proceedings in the Turkic-Mongol States: From Chinggis Khan to the Beginning of the 20th Century. Moscow (in Russian).
- Rashid ad-Din (1952). Compendium of Chronicles, Vol. 1, Bk. 1, O. I. Smirnova (transl.). Moscow, Leningrad (in Russian).
- Rashid ad-Din (1960). Compendium of Chronicles, Vol. 2, Yu. P. Verkhovskiy (transl.). Moscow, Leningrad (in Russian).
- Rashid ad-Din (1946). Compendium of Chronicles, Vol. 3, A. K. Arends (transl.). Moscow, Leningrad (in Russian).
- Sultanov, T. I. (2017). Chinggis Khan and Chinggisids. Fate and Power. St. Petersburg (in Russian).
- Sukhov, A. (1874). Common, Legal Proverbs of the Russian People. Legal Herald, 9-10, 45-67 (in Russian).
- Tizengauzen, V. G. (1841). Collected Materials Related to the Golden Horde. Vol. 1. Extracts from the Arabian Sources. St. Petersburg (in Russian).
- Trepavlov, V. V. (2015). Steppe Empires of Eurasia: Mongols and Tatars. Moscow (in Russian).
- Tsikhotskiy, A. V. (2002). Proverbs as a Sources on the Oral Popular Law, in: State and Law: Theory and Practice. Inter-Institutional Collected Scientific Works, Iss. 1, V. P. Prokop'ev (ed.). Kaliningrad, 14-30 (in Russian).
- Sharaf-khan Bidlisi (1976). Sharaf-name, Vol. 2, E. I. Vasil'eva (transl.). Moscow (in Russian).

Vladimirtsov, B. Ya. (2002). Social Structure of Mongols: Mongolian Nomadic Feudalism, in: Vladimirtsov, B. Ya. Works on History and Ethnography of Mongol Peoples. Moscow, 295-488 (in Russian).

Yuzhakova, O. V. (2015). Law in Proverbs and Sayings. Law and Education, 4, 119-123 (in Russian).

Citation:

Почекаев Р. Ю. Тюрко-монгольские пословицы и поговорки как отражение средневекового права и политико-правовых реалий // Юрислингвистика. – 2025 – 38. – С. 94-101.

Pochekaev R. Yu. (2025) Turkic-Mongol Sayings and Proverbs as Reflection of Medieval Law and Political-Legal Realities. Legal Linguistics, 38, 94-101.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Подписано в печать 22.12.2025 г.

Дата публикации издания 30.12.2025 г.

Адрес издательства: 656049, Алтайский край, г. Барнаул,
пр. Ленина, 61.

© Алтайский государственный университет, 2025